Синія Гуцки

Изданія В. И. ГУБИНСКАГО въ С.-Петербургѣ.

Пестрая книжка. 130 разсказовъ для маленькихъ дѣтей. Соч. Фр. Гофмана. Перев. В. Энгельгардтъ, съ раскраш. рис. 237 стр.; въ папкѣ, ц. 1 руб.

Разсказы дѣткамъ-малолѣткамъ. Б. Дубровской. Съ рис. и заставк. художн. Андреева, Зубрилова и др. 260 стр., въ папкѣ, ц. 1 руб.

Маленькій золотоискатель въ Калифорніи. Соч. Герштекера. Переводъ Н. Мазуренко, съ рис. 288 стр., въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Серебряные коньки. Исторія одной Голландской семьи и ватаги школьниковъ. Сочиненіе Сталь. 324 стр., съ 50-ю рис.; въ папкѣ, ц. 1 р. 25 к.

Красный морской разбойникъ. Соч. Фр. Гофмана. Перев. подъ редакціей С. Бриліанта Спб. 319 стр., съ рис.; въ папкѣ, ц. 1 руб. 20 к.

Снѣжинки и лепестки. Разсказы Н. И. Познякова, съ рис., художн. Зубрилова, Андреева и др. 240 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

***Библейская Исторія** Ветхаго и Новаго Завѣта, прот. Базарова, 285 стр. съ 110 рис., въ текстѣ и 16 отдѣльными картинами художника Дорэ, въ красивой хромолитогр. папкѣ, ц. 1 руб.

Маленькіе баловни. Сборникъ разсказовъ для дѣтей младшаго возраста. М. А. Лялиной. 100 разсказ. Съ 80 рис. и заст.; въ папкѣ ц. 1 руб.

Чудо-Сказочки. Соч. Бехштейна. Пер. съ нѣм. изданія А. Юрьева. 317 стр., съ 70 рис.; въ красивой папкѣ, цѣна 1 р.

Среди звѣрей. Русскія сказки собр. М. Шевляковымъ Спб. 274 стр., съ 50 рисунк. художн. Животовскаго и др.; въ папкѣ, ц. 1 р.

***Бабушкины сказки.** Сочиненіе Жоржъ-Зандъ. Переводъ М. А. Лазаревой. Съ рисунками художника Табурина. Спб., 250 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р.

***Книга чудесъ** Разсказы для дѣтей изъ миѳологіи. Составилъ Н. Готорнъ, съ рисунками. Спб. 4-е изданіе, 320 стр Ц. 1 р. 25 к.

Дѣла минувшихъ дней. Сборникъ разсказовъ С. Макаровой, съ 30 рисунками, художн. Н. М. Андреева и др., въ папкѣ, 1 руб.

Въ деревнѣ. Разсказы С. Макаровой, съ 40 рис. художн, Захарова и др. 242 стр., въ папкѣ, ц. 1 руб.

Маленькіе проказники. Веселые разсказы. Въ пересказкахъ Черскаго съ рисунк художн. Андреева; въ папкѣ, 128 стр., ц. 60 коп.

Сказки бабушки про чужія странушки. Собрала и пересказала Е. Чистякова-Вэръ. Съ 122 рисун. и заставками; въ папкѣ, ц. 1. р. 50 к.

***Сказки Шведскія, Норвежскія и Финскія.** Переводъ Эльвенгрейнъ, съ 25 рисунками; въ папкѣ, 278 стр цѣна 1 р.

Хижина дяди Тома или жизнь невольниковъ-негровъ въ штатахъ С.-Америки. Романъ Бичеръ-Стоу. Переводъ Ландини. Съ 112 рисунками 383 стр., цѣна 90 коп.

***Донъ-Кихотъ Ламанчскій.** Соч. Мигуэля Сервантеса Сааверды. Переводъ съ испанскаго В. Карелина, 6-е изданіе, съ 700 иллюстр. Ц 3 р.

***Улыбки и слезы.** Разсказы для дѣтей. Е. Чебышевой-Дмитріевой, съ рисунк. художника. М. А. Андреева, въ папкѣ, 280 стр., ц. 1 р. 20 к.

***Дитя Лѣсовъ.** Приключенія мальчика, три года бывшаго въ плѣну у орангъ-утанговъ. Сочин. Эли Бертэ. Пер. Ратомскаго. Съ 42 рис. 240 стр.; ц. 1 р.

Синія тучки. Разсказы для дѣтей, сочин. **Л. Чарской**, съ рисунк. художника **А. Шлиперa**; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

***Свѣтлый воинъ—Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.** Историческая повѣсть временъ царствованій: Бориса Годунова, Лже-Димитрія и Василія Шуйскаго. Сочин. **Л. Чарской**, съ рисунк. художника М. А. Андреева и друг. 360 стр. въ папкѣ, Спб., ц. 2 р.

***Солнышко.** Сборникъ разсказовъ для дѣтей **Л. А. Чарской**, съ рисунками художника М. Андреева, въ папкѣ, цѣна 1 р. 35 коп.

***Струйка за струйкой—волна за волной.** Сборникъ разсказовъ по нѣмецкимъ дѣтскимъ писателямъ **Л. А. Чарской**. Съ рис., ц. 1 р. 25 к.

Смѣлые, Сильные, Храбрые. Историч. разсказы **Л. А. Чарской**. Съ рисунк., художн. Андреева въ папкѣ, ц. 1 р. 50 коп.

Гимназисты. Сирена. Въ глуши. Три разсказа **Л. А. Чарской**, съ рисунк., художника М. А. Андреева; въ 227 стр., въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

Гимназистки: Разск. **Л. А. Чарской**. Съ рис., въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Огоньки. Сборн. разск. **Л. А. Чарской**. Съ рис.; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

***Яркія звѣздочки.** (Разсказы для дѣтей младшаго возраста). **Л. Чарской**, съ рисунками и заставками художника И. Зубрилова и др. Ц. 1 р. 20 к.

Бѣлыя пелеринки. Двѣ повѣсти изъ институтской жизни: Южаночка и Некрасивая **Л. А. Чарской**. Съ рис. худ. Андреева, въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.

Особенная. Повѣсть **Л. Чарской**, съ рис., въ папкѣ, ц. 1 р. 25 к.

Семья Лоранскихъ. Соч. **Л. Чарской**, съ рис., ц. 1 р. 35 к.

Путешествіе Вокругъ Свѣта. Соч. Дарвина, съ рис., въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.

***Міръ сказокъ.** Собраніе самыхъ знаменитыхъ интересныхъ сказокъ Ю. Гофмана и Гримма. Перев. Владимірова. Съ 25 рисунк. 286 стр., въ папкѣ, ц. 1 р.

***Приключенія молодого натуралиста.** Соч. Біара. Перев. съ 15 изданія. С. Бриліанта, съ 130 рис., 400 стр., въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Путешествіе Коли къ индѣйскому султану Али-Бей-Лотосу. Юмористическая сказка въ стихахъ. Ратомскаго, съ 58 рис. С. Эрбера; въ папкѣ, ц. 50 к.

Въ родномъ гнѣздышкѣ. Двадцать разсказовъ для дѣтей Б. Дубровской, съ рисунк.; худ. М. Андреева, въ папкѣ, 100 стр., ц. 60 к.

***Въ добрый часъ.** Разсказы для дѣтей изъ Американской жизни, Е. М. Чистяковой-Вэръ. Съ 72 рис., въ красивой папкѣ, ц. 1 р.

***Другъ дѣтей.** Сборникъ разсказовъ, собранныхъ и пересказанныхъ по нѣмецкимъ писателямъ. А. Н. Нѣловой, съ 100 рис., въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

***Сказки доброй Феи.** Соч. Ж. Массе, съ 48 рис., художн. Берталя. Перев. съ французскаго А. Н. Нѣловой; въ папкѣ. 214 стр., ц. 1 р.

***Любимыя сказки Эд. Лабулэ.** Съ 120 рисунками. Переводъ Доброславина и Н. Мазуренко; въ хромолитографической папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

***Тысяча одна ночь** арабскіе сказки для дѣтей. Соч. Фр. Гофмана. Перев. въ нѣмецк. Н. Михайловой, съ рисунками; въ папкѣ, ц. 1 р. 25.

*Маленькія школьницы (пяти частей свѣта). Соч. Эл. Бертэ. Перев. Н. Мазуренко Съ 65 рисунк. 256 стр.; въ хромолитогр. папкѣ, ц. 1 р.

*Дѣтство и юность знаменитыхъ людей. Соч. Л. Колэ. Съ 50 рис. Перев. съ французскаго С. Майковой. Спб. 2-ое изд. Ц. 1 руб.

*Юность знаменитыхъ людей. Сочиненіе Е. Мюллеръ. Переводъ съ французск. В Владимірова. 2-е изданіе съ 39 портретами, и рисунками, ц. 1 руб.

Картины растительности (Жизнь и Нравы Прицъ и Животныхъ). Сочиненіе Мазіуса. Переводъ Д. А. Коропчевскаго и Ф. Александрова, съ рисунками въ папкѣ, ц. 1 руб. 50 коп.

*Дѣвочка Робинзонъ. Исторія маленькой сиротки. Соч. Евгеніи Мюллеръ. Маленькій дикарь, разсказъ Штейна. Перевелъ съ французскаго В. Д. Владимірова. Съ 22 рисунками; 2 изд. 246 стр. въ папкѣ, 1 р.

*Жучка. Расказы изъ деревенской жизни—Милордъ и Горгона; Человѣкъ и Попугай, очеркъ М. О. Ростовской. 4-е изд. Съ 35 рис.; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Крестьянская школа. Исторія открытія сельской школы. М. О. Ростовской. Съ 100 рисунками и заставками художника Р. Штейна и др. 4-е изданіе. Спб. Ц. 1 р. 75 к. (Большой томъ), въ папкѣ 2 руб.

*Сельцо Лебяжье. Повѣсть для дѣтей изъ деревенской жизни. М. О. Ростовской. 4-е изданіе. Съ 25 карт. въ папкѣ, ц. 1 р.

*Пони. Приключеніе Эмскаго осла, повѣсть для дѣтей, и др. Ростовской. 4 изд, съ 27 рисунками; въ папкѣ, 221 стр. Спб. ц. 1 р.

*Дѣтскія забавы. 24 Разсказа для дѣтей. М. О. Растовской. Съ 50 рис. худ. Захарова Шлипера и др. 240 стр; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Разсказы изъ Путешествій по Швейцаріи и др. Соч. М. О. Ростовской. 2-е изданіе, съ рисунками; въ папкѣ 274 стр. ц. 1 руб. 20 к.

*Звѣздочка. Повѣсти и разсказы для дѣтей. М. О. Ростовской. Съ картинами; въ папкѣ, 3 изд., 259 стр. ц. 1 р.

Четыри времени года. Зима, Весна, Лѣтъ, и Осень. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Разсказы изъ деревенскаго быда. Ростовскій, ц. 1 р.

Сказки бр. Гриммъ, пересказанныя дядею Павіомъ. Съ раскрашенными картинами художника Крюкова, 320 страницъ; въ папкѣ, ц. 1 р. 75 к.

*Чешскія сказки, собранныя Эрбеномъ и Нѣмцевой. перевъ, М. А. Лялиной, съ 36-ю рисунк., 286 стр., въ папкѣ, ц 1 р.

*Ноевъ Ковчегъ. Повѣсть. Соч. де-Питраиль, урожденной граф. де Сегюръ. Перев. В. Карпинской, съ 33 рис. художн. Робиди. Спб. въ папкѣ, ц. 1 р.

Сорванецъ. Записки бывшаго гимназиста. Воспоминанія Н. Ратомскаго. Съ рис. художн. М. Андреева; въ папкѣ 116 стр., цѣна 50 коп.

*Итальянскія сказки, собранныя и обработанныя Е. М. Чистяковой-Вэръ, съ 62 рис. итальянск. художн. 318 стр. въ папкѣ, ц 1 р. 20 к.

На отрыхѣ. 27 разсказовъ для дѣтей средняго возраста, съ 77 рис. и заставками. Соч. Е. М. Чистяковой-Вэръ; въ папкѣ, ц. 1 руб. 25 коп.

*Путешествія и приключенія барона Мюнхгаузена. Сочиненіе Фр. Гофмана Переводъ А. Нефловой, съ 50 рисунками, нѣкоторые изъ нихъ хромолитографированные; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Заклинатель змѣй. Соч. Русселэ. Съ рисунками; въ папкѣ, 1 р. 25 к.

37.36.10.74.

Л. Л. Чарская.

СИНІЯ ТУЧКИ.

РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Съ рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ В. И. ГУБИНСКАГО.

Свѣтлый воинъ Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ Шуйскій. Историческая повѣсть временъ царствованія Бориса Годунова, Лжедимитрія и Василія Шуйскаго. Соч. Л. Чарской съ рисун. художника Андреева и др. Спб. ц. 2 руб.

Въ этомъ произведеніи талантливый авторъ исторически вѣрно описываетъ картину жизни Русскаго народа въ періодъ смутнаго времени (1605—1612 годахъ) а именно:

Послѣ смерти Царя Бооориса слѣдуетъ трагическая смерть и его семьи. Царствованіе Лжедимитрія. Бунтъ народа противъ самозванца и смерть его. Появленіе второго самозванца, названнаго исторіей „Тушинскій воръ". Избраніе въ цари В. И. Шуйскаго и неумѣлое его правленіе Русью, вслѣдствіе чего явилась измѣна бояръ и воеводъ, а равнодушіе войска и народа погрузило страну въ анархію. Въ это тяжелое время къ спасенію Россіи явились истинные патріоты родины: Мининъ, Палицынъ, Пожарскій, Ляпуновъ, а въ особенности выдѣлившійся изъ нихъ молодой князь Скопинъ-Шуйскій,—племянникъ царя, который, несмотря на свои юношескіе годы, былъ одаренъ сильнымъ умомъ, стойкостью воли и несомнѣннымъ воинскимъ дарованіемъ и этотъ „свѣтлый воинъ" успѣшно боролся съ поляками, осаждавшими Троицкую Лавру съ мятежниками-казаками, „Тушинскимъ воромъ" и прочимъ сбродомъ грабящимъ Россію со всѣхъ концовъ. Вотъ этотъ-то молодой князь съ большимъ успѣхомъ велъ возстановленіе порядка, но, къ сожалѣнію, ранняя смерть прекратила жизнь этого прекраснаго дѣятеля и онъ умеръ на 24-году.

Яркія звѣздочки. Разсказы для дѣтей младшаго возраста Л. А. Чарской, съ 60 рисунками и заставками художника И. Зубрилова и друг. въ папкѣ ц. 1 руб. Содержаніе: Папина дочка.—Труськина елка.—Нютина посылка.—Василекъ. — Диночка. — Новенькая. — Злючка.—Гришина елка.—Кто лучше?—Скучно.—На берегу моря.—Ко дню рожденія мамы. — Я такъ хочу.—По методѣ доктора Мартика.—О чемъ плакала птичка?—Барашекъ. — Дѣдушкины глазки.—Кто любилъ Тарочку больше? — Несчастливый день Тони.—Котикъ и Попка.—Царица-мама.—Семейство Царапкиныхъ.—Въ первый разъ.—Большая кукла.—Жалоба Трезорки.—Судъ Соломона. — Сѣренькая птичка.—Три слезинки королевны.—Пріѣздъ мамы.—Свѣтлый мальчикъ.—Маленькій графчикъ.—Муся.— Сюрпризъ.—Весенняя сказка—Ильюшка и Дружокъ.—Разбойники.

Типографія Ясногородскаго. Спб. Гороховая, 17.

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА Ленинград П 1974 г. РК-474/1

Двѣ елки.

I.

Въ густомъ бору стоитъ красивая, пышная, молодая елочка... Сосѣдки-подруги съ завистью поглядываютъ на нее:—«Въ кого такая красавица уродилась?..» Подруги не замѣчаютъ, что у самаго корня елочки выросъ отвратительный, уродливый сукъ, который очень портитъ нарядную молодую елочку. Но сама елочка знаетъ про этотъ сукъ, больше того—она ненавидитъ его и всячески горюетъ и сѣтуетъ на судьбу: за что она наградила такой безобразной вѣткой ее—стройную, хорошенькую молодую елочку?

Подошелъ сочельникъ. Дѣдко-Морозъ съ утра нарядилъ елки пышною снѣжною фатою, посеребрилъ ихъ инеемъ — и стоятъ онѣ разубранныя, какъ невѣсты, стоятъ и ждутъ... Вѣдь сегодня великій день для елочекъ... Сегодня пріі-

ѣдутъ за ними въ лѣсъ люди. Срубятъ они елочки, отвезутъ ихъ въ большой городъ на рынокъ... А тамъ станутъ покупать елочки въ подарокъ дѣтямъ.

И красавица-елочка ждетъ своей участи... Ждетъ не дождется, что-то ее ожидаетъ?

Вотъ заскрипѣли полозья, показались тяжелыя крестьянскія сани. Изъ нихъ вышелъ мужикъ въ тепломъ полушубкѣ, съ топоромъ, заткнутымъ за поясъ, подошелъ къ елочкѣ и со всѣхъ силъ ударилъ топоромъ по ея стройному стволу.

Елочка тихо охнула и тяжело опустилась на землю, шурша своими зелеными вѣтвями.

II.

— Чудесное деревцо!—произнесъ старый лакей Игнатъ, со всѣхъ сторонъ оглядывая красавицу-елочку, только что купленную имъ на рынкѣ по порученію хозяина, богатаго князя, для маленькой княжны.

— Знатная елочка!—проговорилъ онъ.

И вдругъ глаза его остановились на корявомъ сучкѣ, торчавшемъ совсѣмъ не кстати сбоку нашей красавицы.

— Надо сравнять дерево!—произнесъ Игнатъ и въ одну минуту отмахнулъ топоромъ корявую вѣтку и отшвырнулъ ее въ сторону.

Красавица-елочка облегченно вздохнула.

Слава Богу, она избавлена отъ безобразной

вѣтки, такъ портившей ея сказочную красоту, теперь она вполнѣ довольна собою...

Лакей Игнатъ еще разъ заботливо оглядѣлъ со всѣхъ сторонъ елочку и понесъ ее наверхъ— въ огромную и пышно обставленную княжескую квартиру.

Въ нарядной гостиной елочку окружили со всѣхъ сторонъ, и въ какой-нибудь часъ она преобразилась. Безчисленныя свѣчи засіяли на ея вѣтвяхъ... Дорогія бонбоньерки, золотыя звѣзды, разноцвѣтные шары, изящныя бездѣлушки и сласти украшали ее сверху до-низу.

Когда послѣднее украшеніе — серебряный и золотой дождь заструился по зеленой хвоѣ елочки, двери залы распахнулись, и прелестная дѣвочка вбѣжала въ комнату.

Елочка ожидала, что маленькая княжна всплеснетъ руками при видѣ такой красавицы, будетъ въ восторгѣ прыгать и скакать при видѣ пышнаго деревца.

Но хорошенькая княжна только мелькомъ взглянула на елку и произнесла, чуть-чуть надувъ губки:

— А гдѣ-же кукла? Я вѣдь такъ просила папа, чтобы онъ подарилъ мнѣ говорящую куклу, какъ у кузины Лили. Только елка — это скучно... съ нею нельзя играть, а сластей и игрушекъ у меня и безъ нея довольно!

Вдругъ взглядъ хорошенькой княжны упалъ на дорогую куклу, сидѣвшую подъ елкой...

— Ахъ! — радостно вскричала дѣвочка, — вотъ это чудесно! Милый папа! Онъ подумалъ обо мнѣ. Какая прелестная куколка. Милая моя!

И маленькая княжна цѣловала куклу, совершенно позабывъ о елкѣ.

Красавица-елка недоумѣвала.

Вѣдь гадкій, такъ безобразившій ее, сучекъ былъ отрубленъ. Почему же она — пышная, зеленокудрая красавица — не вызвала восторга въ маленькой княжнѣ?

III.

А корявый сучокъ лежалъ на дворѣ до тѣхъ поръ, пока къ нему не подошла худая, измученная повседневной тяжелой работой, бѣдная женщина...

— Господи! Никакъ вѣтка отъ елочки! — вскричала она, стремительно наклонившись надъ корявымъ сучкомъ.

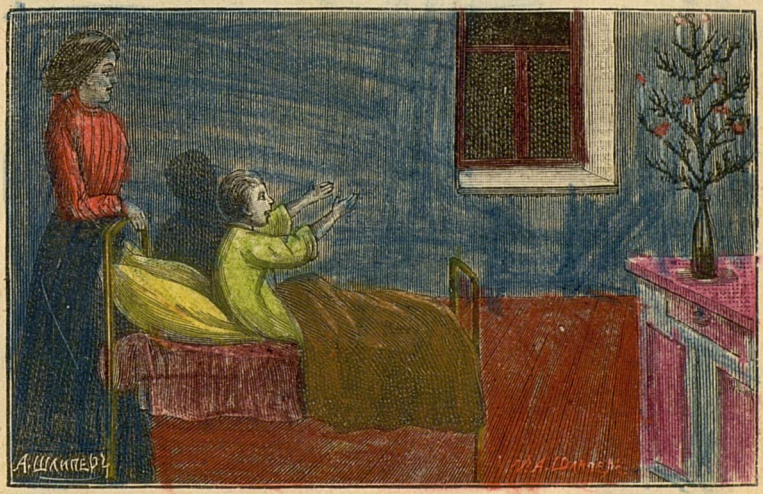
Она бережно подняла его съ земли, точно это былъ не корявый сучокъ, а какая-то драгоцѣнная вещица, и, заботливо прикрывая его платкомъ, понесла въ подвалъ, гдѣ снимала крохотную коморку.

Въ коморкѣ, на ветхой постели, прикрытой старымъ ватнымъ одѣяломъ, лежалъ больной ребенокъ. Онъ былъ въ забытьи и не слышалъ, какъ вошла его мать съ елочной вѣткою въ рукахъ.

Бѣдная женщина отыскала въ углу бутылку, воткнула въ нее корявую елочную вѣтку. Затѣмъ она достала хранившіеся у нея въ божницѣ восковые огарки, принесенные ею въ разное время изъ церкви, старательно прикрѣпила ихъ къ колючей вѣткѣ и зажгла.

Елочка загорѣлась привѣтливыми огоньками, распространяя вокругъ себя пріятный запахъ хвои.

Ребенокъ внезапно открылъ глаза... Радость засвѣтилась въ глубинѣ его чистаго, дѣтскаго



взора... Онъ протянулъ къ деревцу исхудалыя рученки и прошепталъ, весь сіяя отъ счастья:

- Какая милая! Какая славная елочка! Спасибо тебѣ, родная моя мамочка, за нее... Мнѣ разомъ какъ-то легче стало, когда я увидѣлъ милое зажженное деревцо.

И онъ протягивалъ ручонки къ корявому сучку, и корявый сучокъ мигалъ и улыбался ему всѣми своими радостными огоньками. Не зналъ корявый сучокъ, что доставилъ столько радости бѣдному больному въ свѣтлый рождественскій сочельникъ.

Аганька.

Звали ее Аганька и была она вся смуглая и черноглазая, и такая красивая, что всѣ, кто ни попадалъ на постоялый дворъ отца ея Игната, всякій заглядывался на хорошенькую, смуглую, черноволосую Агнію или Аганьку, какъ ее называли въ семьѣ.

Аганька знала, что она такая хорошенькая

и что всѣ любуются ею, и еще больше хотѣла выставить на-показъ свою красоту. Для этого лѣтомъ она украшала свою черноволосую головку вѣнкомъ пурпуровыхъ маковъ и колосьями ржи, а зимою носила такіе яркіе платки и повязки, что ее видно было за версту въ степи.

Былъ одинъ недостатокъ у Аганьки: не любила она работать.

„Что пользы работать?—думала Аганька.—Сама дѣлаешься въ работѣ усталой и разбитой, а на рукахъ дѣлаются такія гадкія мозоли, что ихъ ничѣмъ потомъ не сведешь...“ И ругали же за лѣность Аганьку—и мать, и отецъ, и сестры. Только пользы отъ этого никакой: сегодня отругаютъ, а завтра, глядишь, накинетъ Аганька на голову платокъ, что покраснѣе, да поярче, бродитъ по степи, да поетъ... Ахъ, какъ поетъ! Жаворонки ей завидовали—такъ она пѣла. Голосокъ чистый и звонкій, какъ свирѣль. Цѣлый часъ поетъ—не устанетъ. Солнце встанетъ и опять сядетъ, а она все поетъ... Нѣтъ устали!

Какъ-то разъ заѣхали на постоялый дворъ Аганькина отца какіе-то люди... Были это актеры, странствующіе комедіанты, которые даютъ по городамъ представленія. Такихъ Аганька еще и не видывала: ни усовъ у нихъ, ни бороды, бритые, лицо гладкое—что твои бабы или дѣвки. Какъ взглянула на нихъ Аганька, такъ и прыснула.

Отецъ забранился:

— Дура, чего ты!

— Не брани дочку хозяинъ!—заступился за Аганьку одинъ изъ бритыхъ, тотъ, который постарше былъ.—Глупа еще, несмышленочекъ... Славная дѣвочка...

И вдругъ такъ пристально взглянулъ на Аганьку, да и спрашиваетъ:

— Это ты давеча въ степи пѣла?..

Смутилась Аганька.

— Я,—говоритъ.

— А хорошо ты поешь... Ей-Богу, что соловей. Поѣдемъ съ нами въ городъ. Я тебя пѣть выучу такъ, что люди заслушаются, и большія деньги тебѣ давать будутъ.

— Денегъ не надо. А платья и платки хочу! Чтобъ такіе, какіе сама царица не носитъ... Вотъ то-бы хорошо!—вскричала Аганька и даже въ ладоши захлопала.

— Будутъ и такіе, будутъ!—успокоилъ бритый дѣвочку.

— Отпусти, хозяинъ, дочку, а?—обратился онъ снова къ Игнату.

Тотъ только крякнулъ и такъ взглянулъ на гостя, что у того поджилки затряслись.

Больше бритый ужь не говорилъ съ Аганькой при отцѣ, а какъ отецъ изъ избы вышелъ, сталъ разсказывать Аганькѣ, что у него театръ есть въ большомъ городѣ, народъ туда представленія смотрѣть ходитъ, а они только и

поютъ, и играютъ, и пляшутъ... И она Аганька—плясать будетъ и пѣть, если пожелаетъ. Ей вѣнокъ драгоцѣнный на кудри надѣнутъ, платье у нея будетъ бархатное, съ золотомъ, и все въ камняхъ. А работать не надо: знай, пой и пляши. Славно!

У Аганьки глаза разгорѣлись. Всю ночь она о бархатномъ платьѣ и о вѣнкѣ драгоцѣнномъ продумала. А пуще всего—о томъ, что въ городѣ ее работать заставлять не будутъ... а пѣть и плясать—кому не весело?

Ночь продумала, а на утро постояльцы ушли, и Аганька съ ними. Никто и не замѣтилъ. А какъ хватились,—Аганька уже далеко была... И слѣдъ простылъ...

. . . . . .

Обманули „бритые“ Аганьку. Привезли въ городъ, а тамъ не театръ, а балаганъ. Деревянный сарай попросту. Въ стѣнахъ щели, вѣтеръ гуляетъ... Не хорошо!

Про платье спросила, ей какое-то тряпье кинули, грязное, мятое .. Ни бархата, ни камней. Потомъ велѣли балаганъ убирать, мыть, чистить, скрести.

А вечеромъ публика собралась. Аганькѣ хозяинъ показалъ, какъ надо пѣть да плясать. Только ничего не вышло хорошаго. Публика надъ Аганькой смѣялась, хозяинъ бранился, руки у нея дрожали отъ непривычной работы (шутка-ли ей, бѣлоручкѣ, балаганъ убирать!), и

голосъ словно не свой, а чужой сталъ. Такъ-ли она пѣла въ степи!

Заплакала Аганька, стала домой проситься. А хозяинъ какъ расхохочется:

— Нѣтъ тебѣ ходу домой. Въ актрисы ты не годишься, а служанку я изъ тебя сдѣлаю.

Пуще заплакала Аганька. А потомъ бѣжать порѣшила. Домой бѣжать.

Все равно—хуже не будетъ.

Дома-то рай, а она-то глупая!

И убѣжала Аганька...

. . . . . .

А и ночка же это была!..

Вѣтеръ кружилъ такъ, точно съ цѣпи сорвался. А въ степи аукалъ кто-то. Снѣгу намело видимо-невидимо... Ногъ не вытащить.

Платьишко у Аганьки рваное, сапоги дырявые. Стужа къ самому сердцу подходитъ, всю кровь леденитъ. А въ сердцѣ страхъ: не проститъ отецъ, не приметъ! Что-то будетъ? Господи! Господи!

Отъ города до постоялаго двора Аганька дорогу знаетъ. Не разъ съ матерью на ярмарку туда ѣздила. Только сегодня что-то долгонька дорога ей эта кажется...

Наконецъ-то огонекъ въ знакомомъ окошечкѣ блеснулъ... Далеко изъ степи его видно.

Прибавила Аганька шагу, а сама дрожитъ вся и отъ холода, и отъ страха: зубъ на зубъ не попадаетъ.

Едва передвигая ноги, дотащилась Аганька до избы... Дальше идти не можетъ. Прислонилась къ плетню и смотритъ... смотритъ... Тамъ въ окнѣ милыя тѣни двигаются... Встрѣтятъ-ли ее, простятъ-ли?

А стужа руки и ноги леденитъ... сонъ нагоняетъ... Мочи нѣтъ, какъ спать хочется!

Не выдержала Аганька, крикнула:

— Тятенька! Родименькій, тутъ я!

Растворилась дверь избы. Вышелъ Игнатъ на порогъ, оглянулся. Увидалъ темную фигурку у плетня. Со всѣхъ ногъ кинулся къ ней.

— Агничка, ты-ли? Болѣзная!

Взялъ на руки, отнесъ въ избу.

Заплакала Аганька. Не такой встрѣчи ждала. И отецъ заплакалъ, и мать, и сестры.

Любили они Аганьку, такъ любили! А она и не чуяла.

Прижалась къ отцу Аганька:

— Прости, тятенька! Вѣкъ не буду!

А сама бьется на груди, какъ птица.

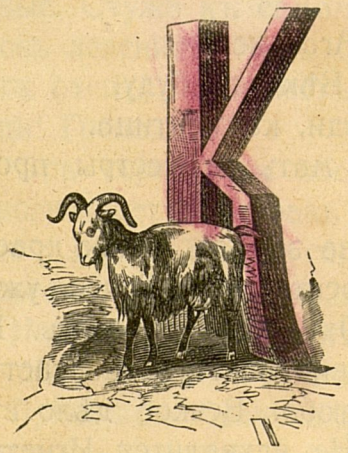
Простилъ Игнатъ, и мать, и сестры простили.

Ожила Аганька. Снова запѣла. Снова красные платки, да вѣнки носить стала. Только ужь и работать принялась. Охъ, какъ работать. И работаетъ, и поетъ. Славно поетъ, а работаетъ еще лучше. Смотрѣть любо. Всякое дѣло въ рукахъ такъ и кипитъ. Не нахвалится Игнатъ дочкой.

И люди видятъ: перемѣнилась Аганька. И люди не нахвалятся.

— Счастье Игнату. Дочка-то у него—золото!

А почему золотомъ стала—это одна Аганька знаетъ.



Юнга.

Когда судно Сирена крейсировало у береговъ Адріатическаго моря, сошедшіе на берегъ матросы увидѣли какъ то ночью одиноко лежащаго въ корзинѣ ребенка, посреди дороги. Ребенокъ оказался мальчикомъ трехъ не-

дѣль, не больше, смуглымъ и хорошенькимъ, по всякому вѣроятію, итальянцемъ. Матросы Сирены взяли ребенка на судно, крестили его и назвали Иваномъ.

Маленькій Ванюша росъ не по днямъ, а по часамъ. Малютка оказался смышленый и умненькій. Когда ему стукнулъ годъ, онъ уже отлично различалъ лица своихъ «дяденекъ», которыхъ на суднѣ было великое множество. «Дяденьки», или, вѣрнѣе, матросы съ судна Сирена няньчили Ванюшу наперерывъ.

Съ трехнедѣльнаго возраста они поили его молокомъ изъ рожка, потомъ кормили кашей и супомъ.

Къ тремъ годамъ пріемный сынъ команды Сирена, прозванный «юнгой», уже не разъ самостоятельно разгуливалъ по палубѣ корабля, отдавалъ честь всѣмъ офицерамъ и зналъ, какъ величать каждаго изъ нихъ. Маленькаго баловня любили всѣ безъ памяти: и командиръ, и офицеры, и матросы. А пуще всего матросы. Добрые «дяденьки» души не чаяли въ своемъ питомцѣ. Да и нельзя было не любить этого славнаго, здоровенькаго, краснощекаго красавца-мальчугана, ласковаго, общительнаго и веселаго...

А годы между тѣмъ шли да шли и съ годами подросталъ Ванюша. Ему минуло десять лѣтъ. За его пребываніе на суднѣ, многіе изъ «дяденекъ» ушли, окончивъ морскую службу,

на ихъ мѣсто поступили другіе. Ванюша переходилъ изъ рукъ въ руки и каждый изъ матросовъ привязывался къ милому мальчугану.

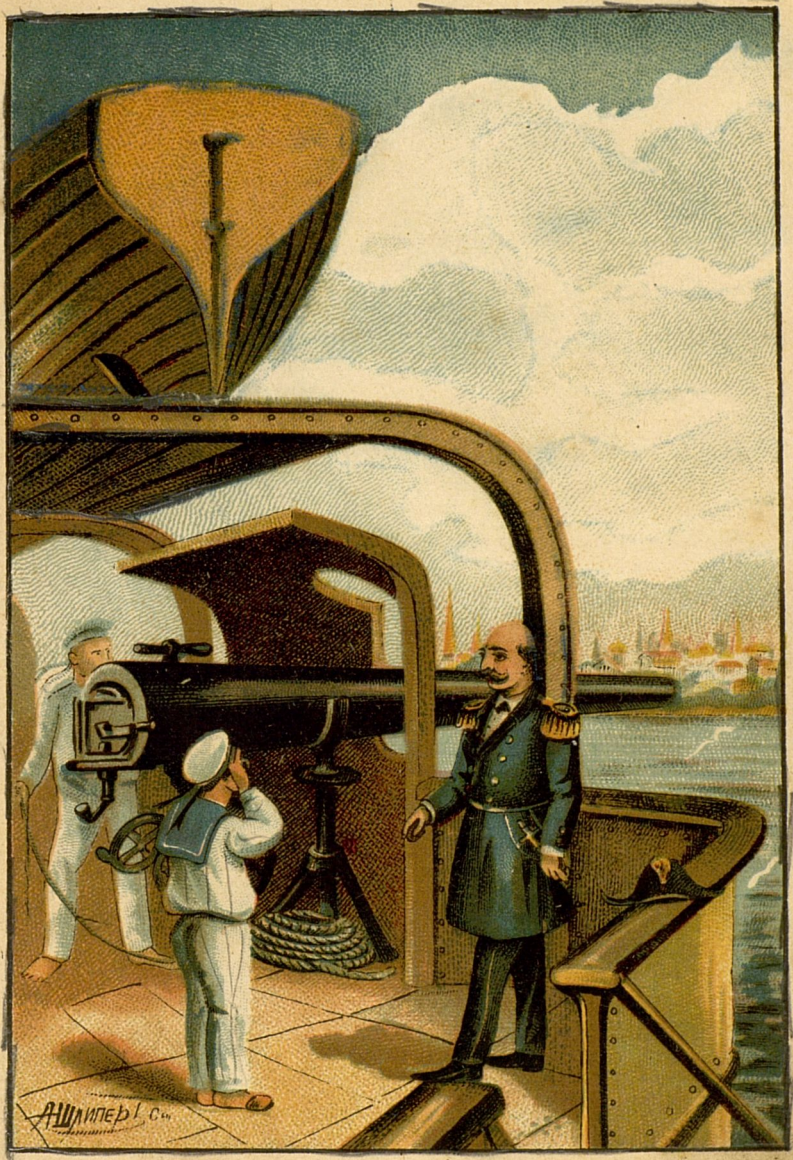
«Дяденьки» научили, шутя, Ванюшу правиламъ морской службы, командѣ, морскому ученью и остались очень довольны понятливымъ ученикомъ.

II.

Сирена послѣ долгаго плаванія зашла въ гавань. Матросы говорили, что на дняхъ долженъ, ненарокомъ, пріѣхать одинъ важный и строгій адмиралъ, который будетъ дѣлать смотръ судну.

Все закопошилось и засуетилось на кораблѣ... Чистили, скребли, мыли... Матросамъ дѣлали ежедневныя ученья, учили ихъ, какъ надо отвѣчать адмиралу, какъ показывать себя и свое искусство съ самой лучшей стороны. Принарядили и «юнгу» въ чистый костюмъ, купили ему новую фуражку, чтобы и онъ могъ встрѣтить щеголемъ начальство... А адмиралъ не ѣхалъ. Напрасно матросы почти не покидали постовъ, дежуря на своихъ мѣстахъ въ ожиданіи начальства. Оно не являлось. Рѣшили, наконецъ, что не пріѣдетъ адмиралъ и команда Сирены дала себѣ отдыхъ. Матросы уже не дежурили такъ аккуратно и позволяли себѣ удаляться со своихъ постовъ...

И вдругъ онъ пріѣхалъ.


Шлиперъ

Пріѣхалъ страшный адмиралъ въ тотъ мигъ, когда никто не ждалъ его.

«Юнга» Ванюша стоялъ неподалеку отъ большой корабельной пушки и смотрѣлъ на море, которое послѣ своихъ милыхъ «дяденекъ» любилъ больше всего на свѣтѣ. Стоялъ и любовался его синимъ отливомъ, и вотъ видитъ подъѣзжаетъ лодка, изъ нея выскакиваетъ адмиралъ и прямо на трапъ шагаетъ...

Вытянулся въ струнку Ванюша... Приложилъ руку къ козырьку да какъ гаркнетъ:

— Здравія желаю, ваше превосходительство!

Остановился адмиралъ. Смотритъ. Видитъ матросъ передъ нимъ... настоящій, ростъ съ ноготокъ только.

— Ты, матросъ? — спрашиваетъ, едва удерживаясь отъ улыбки.

— Есть! *)—отвѣчаетъ Ванюша, какъ и подобаетъ морскому служакѣ.

— Ты здѣшней команды?

— Есть.

— Сколько же тебѣ лѣтъ?

— Десять!

— Большой матросъ, что и говорить, — засмѣялся адмиралъ.—А тебя какъ зовутъ?

— Ванюшей.

— А ты, Ванюша, море любишь?

— Есть!

— А команду?

*) Матросы всегда отвѣчаютъ „есть“ вмѣсто такъ точно.

— Есть!

— А меня?

Ванюша открылъ было ротъ, да такъ и остался. Что ему отвѣчать—не знаетъ... «Развѣ онъ любитъ этого чужого, строгаго адмирала, появленія котораго съ такимъ трепетомъ ожидали его дорогіе дяденьки.

Мнется, мнется Ванюша да кряхтитъ и краснѣетъ только, а сказать «люблю» не можетъ. Вѣдь неправда это, ложь будетъ, нехорошо.

Догадался адмиралъ о мысляхъ мальчика.

— Молодецъ,—говоритъ,—что врать не научился. Гдѣ жъ тебѣ меня любить, коли не знаешь! И, похлопавъ его по плечу, пошелъ дальше.

За завтракомъ въ офицерской каютѣ разговорился адмиралъ о Ванюшѣ.

— Славный мальчикъ. Отдайте его мнѣ, помѣщу его въ корпусъ, окончитъ ученье, офицеромъ сдѣлаю,—предложилъ адмиралъ.—Не лишайте мальчугана его счастья...

Командиръ и офицеры такъ и всполошились.

— Дѣйствительно, счастье! Простой матросскій пріемышъ и вдругъ офицеромъ будетъ.

Позвали Ванюшу объявить ему о его счастливой судьбѣ.

Выслушалъ рѣчь адмирала Ваня, да какъ зарыдаетъ на всю каюту:

— Не хочу отсюда, не отнимайте отъ «дяденекъ»... На Сиренѣ хочу остаться... Она мнѣ

вмѣсто матери... Люблю её, дяденекъ, всѣхъ здѣсь... Не хочу въ корпусъ, не надо... На Сиренѣ жить дозвольте... плавать... работать...

И какъ снопъ рухнулъ командиру въ ноги.

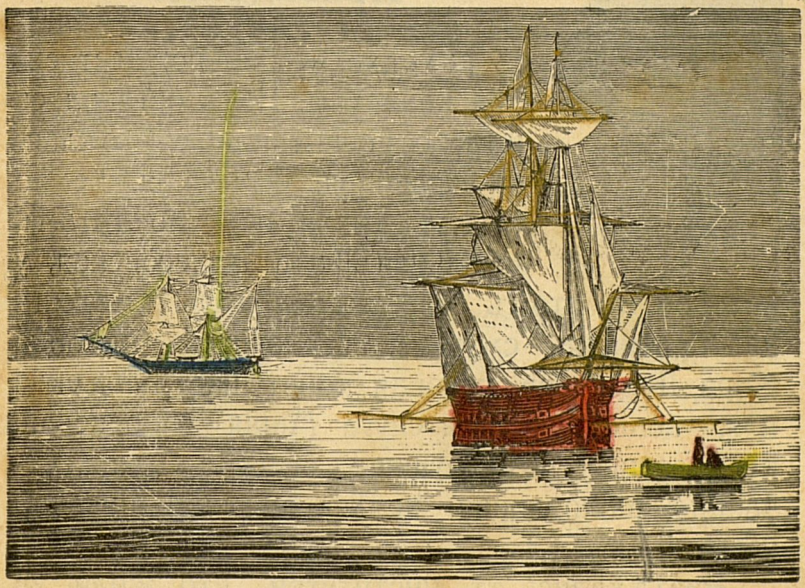
Адмиралъ пожалъ плечами...

— Странный мальчикъ, своего счастья не понимаетъ...

А Ванюша думалъ въ это время:

— Хорошо счастье... Отъ дяденекъ оттаскиваютъ.

И, несмотря на всѣ уговоры, остался съ «дяденьками» Ванюша...



Привидѣніе.

Всѣ разъѣхались на рождественскія каникулы. Насъ оставалось четверо, воспитанницъ 4-го класса. Красивая, серьезная, не по лѣтамъ тихая и не по лѣтамъ печальная Люда Власовская, у которой въ этомъ году умерли мать и маленькій братишка, смуглая, черноглазая цыганка Кира Дергунова; розовая хохотушка Бѣльская и я,—ваша покорная слуга Марія Запольская, по прозвищу „Краснушка“, огненно-рыжая, отчаянно шаловливая, не признающая никакой узды.

Разъѣхались тѣ институтки, что жили за городомъ, 22-го, городскія въ сочельникъ, то есть сегодня послѣ завтрака.

Институтъ опустѣлъ. Младшіе классы находились въ другомъ коридорѣ, очень далеко отъ насъ; старшія воспитанницы не обращали на насъ никакого вниманія, какъ на „четвертушекъ“, ни то, ни се, какъ насъ называли наши постоянные враги „третьи“, считавшія себя значительно старше насъ. Намъ не оставалось ничего дѣлать, какъ слоняться изъ угла въ уголъ по опустѣвшимъ коридорамъ, залѣ и библіотекѣ.

Съ великимъ облегченіемъ вздохнули мы, когда раздался дребезжащій звонокъ, призывающій насъ къ молитвѣ и чаю.

Лѣниво отпили мы чай, лѣниво поплелись въ спальню, лѣниво раздѣлись и улеглись по постелямъ.

Классная „дама“ или синявка, какъ ее называли, мечтавшая о завтрашнемъ праздничномъ отпускѣ, понадѣялась на наше благонравіе и ушла къ себѣ спать.

Съ ея уходомъ на мгновенье воцарилась полная тишина. Вдругъ Кира Дергунова, неожиданно вскочивъ со своей постели, очутилась около меня.

— Ты не спишь, Краснушка? Мнѣ страшно,— прошептала она, усаживаясь въ ногахъ моей кровати.

— Чего ты! Вотъ глупенькая!

— А ты развѣ не боишься?

— Ну, вотъ еще! И чего мнѣ бояться, смѣшная

— Да ты вспомни только, какая сегодня ночь, Маруся! Сочельникъ вѣдь. Въ эту ночь дѣвушки гадаютъ въ деревняхъ. Всякая чертовщина мерещется...

— А ты развѣ вѣришь въ это?

— Да... нѣтъ... А ты?

— Чепуха, я ни во что не вѣрю. Все это глупости и вздоръ.

— Значитъ и то вздоръ по-твоему, что въ музыкальныхъ комнатахъ, гдѣ мы на роялѣхъ играемъ, по ночамъ бродятъ привидѣнія?

— Вздоръ. Я не вѣрю!

— Ну, ты, душка, притворяешься.

— Дергунова, я всегда говорю правду!— разозлилась я.

— Ну, прости, Марусекъ, не буду... А только, знаешь что? Мнѣ старшія говорили, что онѣ слышали, какъ иногда въ зазальныхъ нумерахъ слышится иногда музыка ночью. Кто-то играетъ тамъ, увѣряютъ онѣ.

— Вздоръ! Вздоръ! И вздоръ!—начала я горячиться,—врутъ твои старшія отъ большого ума! ну, хочешь, я докажу тебѣ, что все это чепуха, Кира? Ты говоришь, — сегодняшняя ночь—ночь привидѣній, и если ты что-либо увидишь или услышишь, такъ это именно сегодня или никогда. Пойдемъ въ музыкальныя комнаты, Кира! Хочешь?

Кира молчала минуту, глаза ея стали круглыми отъ страха, потомъ она быстро схватила

меня за руку холодной, какъ ледъ, рукой и прошептала:

— Хорошо. Согласна, идемъ! Только позомъ Бѣлку и Люду.

— Ну, нѣтъ, на это я не согласна,—горячо возразила я.—Если Бѣлку взять—завтра-же весь институтъ объ этомъ узнаетъ. А Люду... Знаешь, Кируня, Люду мнѣ даже совѣстно приглашать... Она до сихъ поръ не можетъ оправиться отъ постигшаго ее горя. Потерять такъ ужасно мать и брата въ нѣсколько дней! Не тревожь ее по пустякамъ, Кира. Къ тому-же она устала и сейчасъ спитъ и Бѣлка спитъ тоже. Пойдемъ вдвоемъ.

— Ну, хорошо, пойдемъ! — нерѣшительно произнесла Кира, и я отлично видѣла по ней, что она трусила.

Мы наскоро накинули нижнія юбки, платки и босыя прошмыгнули въ коридоръ. Миновали его и спустились во второй этажъ, гдѣ помѣщалась зала съ примыкавшими къ ней музыкальными комнатами. Дрожа отъ холода и страха, мы осторожно открыли дверь, ведущую изъ залы въ музыкальныя крошечныя комнаткинумера, и вошли въ одинъ изъ нихъ.

— „Этотъ“ какъ разъ рядомъ—шепнула мнѣ Кира,—привидѣніе играетъ въ 7-мъ нумерѣ, а это восьмой. Значитъ рядомъ.

— Ну, вотъ и отлично! Да что ты трясешься? боишься развѣ?—умышленно веселымъ

голосомъ произнесла я, скрывая этимъ мое собственное странное волненіе.

— Ну, вотъ еще!—храбро тряхнула головой Кира, въ то время какъ руки ея, холодныя какъ ледъ, вцѣпились въ мои.

Въ комнаткахъ было темно и жутко. Крошечныя окошки, выходившія въ садъ, едва пропускали слабый неровный свѣтъ мѣсяца. Бѣлыя лунныя пятна ложились на полу.

Мы сѣли, обнявшись, на кругломъ зеленомъ табуретѣ и стали тихо бесѣдовать между собой.

— Какъ у насъ сегодня славно въ деревнѣ!—говорила я.—Папа мой устраиваетъ елку для крестьянскихъ ребятишекъ. Они соберутся всѣ въ школу... Славные, румяные такіе бутузы!.. Пропоютъ тропарь празднику, елку зажгутъ, гостинцы подѣлятъ, а тамъ колядовать пойдутъ по деревнѣ... Хорошо! А кругомъ-то сугробы, снѣгъ... Огни въ избушкахъ, а наверху звѣзды, безъ счета, безъ числа. Прелесть, какъ хорошо! А у васъ хорошо бываетъ въ этотъ вечеръ, Кира?

— Она задумалась на минуту. Потомъ черные цыганскіе глаза ея заискрились.

— И у насъ хорошо! И у насъ елка. Въ офицерскомъ собраніи или въ нашей квартирѣ. Вѣдь папа—командиръ полка,.. Онъ и устраиваетъ елку для дѣтей офицеровъ. Ужасно весело! Полковой оркестръ играетъ... Дамы нарядныя, веселыя... Ужасно досадно, что такъ далеко нашъ городъ и я не мо.....

Кира внезапно смолкла и глаза ея округлились отъ ужаса... Въ сосѣднемъ нумерѣ совершенно ясно послышалась тихая красивая музыка... Вотъ она повторилась... Вотъ еще и еще... Вотъ перешла въ чудную, захватывающую мелодію.

Кира стояла бѣлая, какъ мѣлъ, предо мною, щелкая зубами и вся дрожа, какъ въ лихо-

радкѣ. Я сама, должно-быть, была не лучше... Всю меня трясло... Страхъ наполнилъ мою маленькую душу.

— Бѣжимъ!—прошептала Кира и, схватившись за руки, мы кинулись бѣгомъ изъ комнатки.

Но въ ту минуту, какъ мы перешагнули ея порогъ, музыка разомъ прекратилась и прямо передъ нами выросла высокая, тонкая, бѣлая фигура.

— А!—прокричала Кира не своимъ голосомъ.

Я-же, не помня себя, рванулась впередъ прямо къ бѣлой фигурѣ и вдругъ невольно отступила, въ удивленіи.

— Люда? Ты!

Да, это была она, наша тихая, кроткая Люда, твердо переносившая свое большое горе.

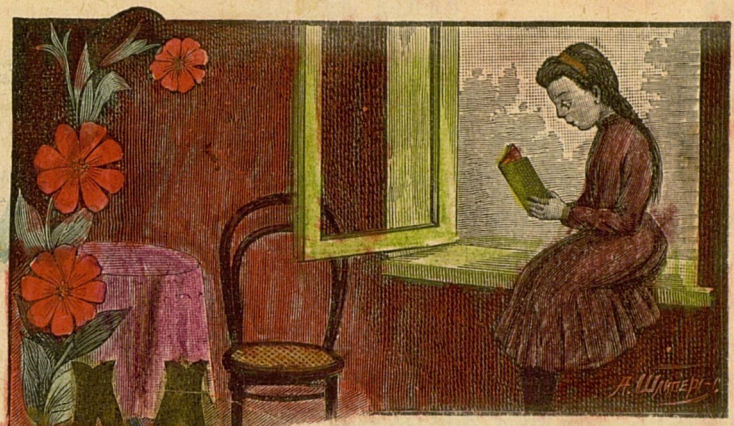
— Простите! Я напугала васъ. Ради Бога, простите!—заговорила она своимъ тихимъ печальнымъ голосомъ.—Но я часто прихожу сюда ночью играть эту піесу, которую играла покойная мама. Когда все стихнетъ и уснетъ, мнѣ какъ-то лучше и пріятнѣе мечтать здѣсь о мамочкѣ и братѣ. Мечтать и играть мамину піесу, которую я никогда ни при комъ не играю. Я не знала, что напугаю васъ! Простите!

— Полно, Люда! Развѣ ты виновата?—поспѣшила я успокоить дѣвочку и крѣпко поцѣловала ее.

Кира послѣдовала моему примѣру. Она была очень сконфужена теперь.

Потомъ мы всѣ трое поднялись въ спальню, гдѣ металась на-смерть перепуганная нашимъ исчезновеніемъ Бѣлка.

Съ этихъ поръ Кира не вѣрила въ существованіе привидѣній, а Люда уже не играла больше по ночамъ свою піесу.



Экзаменъ.

Мама перекрестила Наточку и отправила её спать...

Худенькая, темноволосая, съ большими, немного испуганными глазами Ната или Сурочекъ, какъ её шутя прозвалъ за ея подвижное съ тупымъ носикомъ личико папа, быстро вбѣжала въ дѣтскую.

Окно въ дѣтской раскрыто настежъ. Около постели Наты и Варюши, ея младшей восьмилѣтней сестренки, возится горничная Саша.

— Саша, я постелю сама! — говоритъ Наточка, можете идти... Варюшу я тоже раздѣну... Пока Варюша причесывается у мамы, я подучу немного къ завтрешнему экзамену... Вы мнѣ мѣшаете...

Саша киваетъ головою въ знакъ того, что поняла барышню и уходитъ... Саша хоть и гор-

ничная, никогда ничему не учившаяся дѣвушка, но прекрасно знаетъ, что такое экзаменъ.

Экзаменъ—это что то такое страшное, какое то чудовище, которое несказанно пугаетъ бѣдныхъ учащихся ребятишекъ. Экзаменъ является то страшнымъ чародѣемъ, приносящимъ съ собою слезы и горе, то радостнымъ волшебникомъ, дающимъ большое, огромное счастье... Наточка невольно задумывается о томъ, чѣмъ будетъ для нея завтрашній экзаменъ географіи: страшнымъ чародѣемъ или добрымъ волшебникомъ...

Въ окно дѣтской тянутся яблони... Ихъ бѣлые, одуряюще пахучіе цвѣты такъ красивы! Наточка протягиваетъ руку, срываетъ одинъ и долго вдыхаетъ въ себя чудесный, нѣжный, но пряный ароматъ.

Хорошо теперь въ деревнѣ... въ ихъ хорошенькомъ уютномъ имѣніи Недальнемъ, куда они поѣдутъ сейчасъ же послѣ экзамена: мама, папа, бабушка и она съ Варюшей...

Сейчасъ же послѣ экзамена...

Экзаменъ!

Наточка вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ.

Экзаменъ по географіи...

Самый страшный, самый непріятный...

Она готовится къ нему три дня, усиленно вдалбливаетъ въ себя рѣки, горы, озера, моря и въ головѣ дѣвочки цѣлая сѣть, хитро сплетенная изъ всевозможныхъ именъ и названій...

Почти все, что нужно, прошла Наточка... Остался одинъ билетъ... послѣдній... Билетъ съ островами... Самый страшный, самый противный. Наточка отложила его на вечеръ, но ничего не вышло... Сначала она качалась на качеляхъ во дворѣ съ дворниковымъ сыномъ Авдюшкой... потомъ учила служить Фру-фру, хорошенькую ливретку... Потомъ дома спорила съ Варюшей... Изъ-за чего, сама теперь не помнитъ.

Въ концѣ концовъ билетъ остался невыученнымъ—самый страшный билетъ!

Надо его пройти ночью... Во что бы то ни стало пройти. Наточка первая ученица и ей никакъ нельзя «осрамиться» передъ подругами.

У нихъ и такъ черненькая Катя Виницкая мѣтитъ попасть на ея, Наточкино, мѣсто.

У Кати хорошія отмѣтки, но все же нѣсколько хуже Наточкиныхъ.

Наточка учится хорошо. Даже очень хорошо... Только вотъ географія!..

Противная географія! За географію у Наточки 9, когда можно было имѣть 12.

Наточка садится на окно, раскрываетъ учебникъ и начинаетъ твердить.

— Суматра... Ява... Борнео и Целебесъ! Суматра... Ява... Борнео и Целебесъ. Целебесъ! Целебесъ! Целебесъ!

И вдругъ плутоватая улыбка пробѣгаетъ по губамъ дѣвочки.

— Островъ Целебесъ, а учитель Целесъ...

Ужасно смѣшное имя!.. Учитель географіи и вдругъ Целесъ... А Целебесъ...

Наточка не доканчиваетъ своей мысли, потому что какъ разъ въ эту минуту въ дѣтскую влетаетъ ураганомъ ея младшая сестра Варюша и, тряся своими кудрявыми волосами, кричитъ:

— Ната! Ната! Растегни мнѣ платье сзади... Ты Сашу услала, я одна не могу.

Наточка растегиваетъ, а сама твердитъ:

— Суматра... Ява... Борнео и Целесъ... Нѣтъ, Целебесъ... Целебесъ... Целебесъ... Целебесъ...

— Ната, что ты ворчишь себѣ подъ носъ?— освѣдомляется заинтересованная Варюша и ея быстрые глазенки любопытно сверкаютъ.

— Молчи! у меня экзаменъ, — важно замѣчаетъ Ната... Наточка разомъ затихаетъ. Личико ея дѣлается серьезнымъ...

Экзаменъ, о! Это нешуточное дѣло.

Варюша раздѣвается въ глубокомъ молчаніи, стараясь ничѣмъ не развлечь сестру,

Наточка смотритъ въ окно своими большими, чуть испуганными глазами и шепчетъ:

— Суматра... Ява... Ява... Ява... Суматра...

— Наточка! — раздается робкій голосокъ Варюши... Ты закроешь окно? Мнѣ дуетъ...

Наточка раздраженно захлопываетъ окно, не переставая шептать...

Варюша прислушивается сначала къ шопоту сестры, потомъ глазки ея начинаютъ слипаться.

— Наточка!—сквозь сонъ едва передвигаетъ

она язычкомъ,—а это очень страшно—экзаменъ?

— Угу!—роняетъ Наточка и, усѣвшись на подоконникѣ съ ногами, начинаетъ усиленно бормотать что-то, по временамъ заглядывая въ учебникъ.

Все мало по малу затихаетъ въ домѣ.

Варюша давно спитъ, подложивъ ручонку подъ щечку. Счастливая, ей не надо сдавать экзамена!

Наточка зубритъ теперь еще прилежнѣе.

— Хіосъ... Самосъ... Родосъ.. Лесбосъ...

Хіосъ... Родосъ... Самосъ...

— Господи! Сколько осъ!—горько остритъ дѣвочка и снова заглядываетъ въ книгу.

Вдали въ корридорѣ бьютъ часы...

Наточка отсчитываетъ удары... Ровно одиннадцать! Ахъ, какъ скоро бѣжитъ время!

А спать то какъ хочется! Глаза такъ и слипаются. Наточка еще настойчивѣе начинаетъ шептать:

— Хіосъ... Самосъ... Родосъ...

Наконецъ, острова Греческаго Архипелага выдолблены... Наточка снова принимается за своихъ Суматру, Борнео, Яву и Целебесъ.

И, о ужасъ!

И Суматра и Ява и Борнео забыты...

А о Целебесѣ ужь и говорить нечего!

Наточка поджимаетъ губы и, готовая выплакаться, принимается снова за свое шептанье. А вѣки все тяжелѣютъ и тяжелѣютъ... Мысли

въ головѣ путаются... Бѣлая майская ночь навѣиваетъ сонныя грезы... И вотъ Наточка засыпаетъ; помимо воли и ожиданія засыпаетъ у окна, на его широкомъ подоконникѣ. Мама заходитъ въ дѣтскую и видитъ спящую Наточку.

-- Бѣдная дѣтка! Ахъ, ужъ эти экзамены! — мысленно досадуетъ она и, тихонько позвавъ Сашу, онѣ вдвоемъ съ нею укладываютъ Наточку въ постель.

Во снѣ Наточка лепечетъ что-то... ни то острова, ни то рѣки...

Ей снится странный сонъ въ эту ночь...

Ей снятся: Борнео, Суматра, Ява и Целебесъ..

Борнео въ видѣ тоненькаго франта въ высокомъ цилиндрѣ и пенснэ... Суматра ввидѣ толстой торговки съ яблоками, какія сидятъ у церкви... У Явы лицо и волосы сестры Варюши... А Целебесъ—это самъ Целесъ... учитель географіи, сѣдой желчный старичокъ...

Онъ смотритъ на Наточку, грозитъ ей пальцемъ съ желтымъ, ущимленнымъ ногтемъ и говоритъ шипящимъ голосомъ:

— Хіосъ, Самосъ и Родосъ очень вкусны съ корицей и сливками... А вамъ я все таки поставлю единицу, милая барышня!

И Наточка вздрагиваетъ и замираетъ во снѣ...

— Дарцева? ты всѣ билеты прошла?—и черненькая Ваницкая съ плутоватой улыбкой встрѣчаетъ Наточку у дверей класса.

На лицѣ Наточки смущеніе.

Послѣдняго билета съ злополучными островами не знаетъ Наточка.

Сама не помнитъ, какъ уснула съ вечера и только утромъ ее едва добудилась Саша... Чуть-чуть что не опоздала въ гимназію.

Ваницкая прошла все и ходитъ очень довольная сама собою.

Наточкѣ не хочется сознаться, что послѣдняго билета она не знаетъ... и дѣвочка молча киваетъ головой въ отвѣтъ Ваницкой.

Ровно въ десять часовъ входитъ въ классъ страшный Целесъ съ начальницей гимназіи и еще какимъ-то старичкомъ... Говорятъ, это учитель изъ чужой гимназіи и очень строгій вдобавокъ. Всѣ трое садятся у зеленаго стола и экзаменъ начинается.

Дѣвочекъ вызываютъ по пяти человѣкъ къ столу... Сначала плохихъ ученицъ, потомъ хорошихъ.

Наточка знаетъ, что ее и Ваницкую спросятъ послѣдними.

А билеты на столѣ все убываютъ и убываютъ. Все лучшіе билеты изъ первыхъ, на которые можетъ превосходно отвѣтить Наточка.

Наконецъ, почти весь, классъ спрошенъ.

— Ваницкая и Дарцева?—раздается голосъ учителя.

Наточка встаетъ, какъ во снѣ... Она отлично помнитъ, что никто изъ дѣвочекъ не отвѣчалъ

«страшныхъ» острововъ... Стало быть послѣдній билетъ лежитъ на столѣ.

Она быстро взглядываетъ на зеленый столъ.

На столѣ только два билета... И одинъ изъ нихъ послѣдній.

Наточка отлично знаетъ это.

—Борнео... Ява... Суматра... Целебесъ!..—вихремъ проносится въ ея мозгу и она протягиваетъ руку.

Ваницкая беретъ одинъ билетъ... Наточка другой.

Быстро взглядываетъ на билетъ Наточка.

—Ахъ! и алая краска заливаетъ ея щеки.

Злополучный послѣдній билетъ передъ нею.

„Ужасъ! Ужасъ!“ мелькаетъ въ ея мысляхъ.

Деревня... хорошее радостное лѣто, счастливые каникулы... все пропало!

Отчаяніе душитъ Наточку... Передъ глазами ея вертятся темные круги... Голова кружится... Она едва держится на ногахъ..

Ваницкая отвѣчаетъ первою... У нея легкій билетъ— рѣки Россіи. Наточка ихъ знаетъ, какъ Отче нашъ... Вотъ если бы ей попался билетъ Ваницкой. О, Господи! Почему такъ несправедлива судьба?

Ваницкая бойко отвѣчаетъ по своему билету.

— Волга... Притоки Волги... Кама и Ока— отсчитываетъ она громко, водя палочкой по географической картѣ, повѣшенной на стѣнѣ,— притоки Камы...

— Стойте! Стойте! — останавливаетъ дѣвочку учитель географіи... Вы это знаете... Но должны знать много другого... Къ вамъ и къ Дарцевой, какъ къ лучшимъ ученицамъ, я предъявляю большія требованія, а поэтому перемѣнитесь теперь билетами съ вашей подругой и отвѣчайте по билету Дарцевой... Вы же, Дарцева, будете отвѣчать рѣки Россіи...

Что это? Не ослышалась-ли Наточка?

Нѣтъ! Нѣтъ! Ваницкая уже протягиваетъ къ ней руку и беретъ ея билетъ.

Ваницкая спокойна. Лицо ея сіяетъ. Острова она знаетъ гораздо лучше рѣкъ. И отвѣчаетъ ихъ прекрасно... Ваницкой ставятъ 12 и отпускаютъ ее съ похвалой на мѣсто.

Теперь очередь за Наточкой.

Наточка бойко взяла въ руки палочку и водитъ ею по картѣ...

Цѣлый дождь именъ и названій... цѣлый потокъ ихъ льется изъ ея устъ.

Она не помнитъ себя отъ счастья и несется впередъ, какъ на крыльяхъ.

— Прекрасно! Прекрасно!—хвалитъ ее учитель;—первая ученица не ударитъ въ грязь лицомъ.

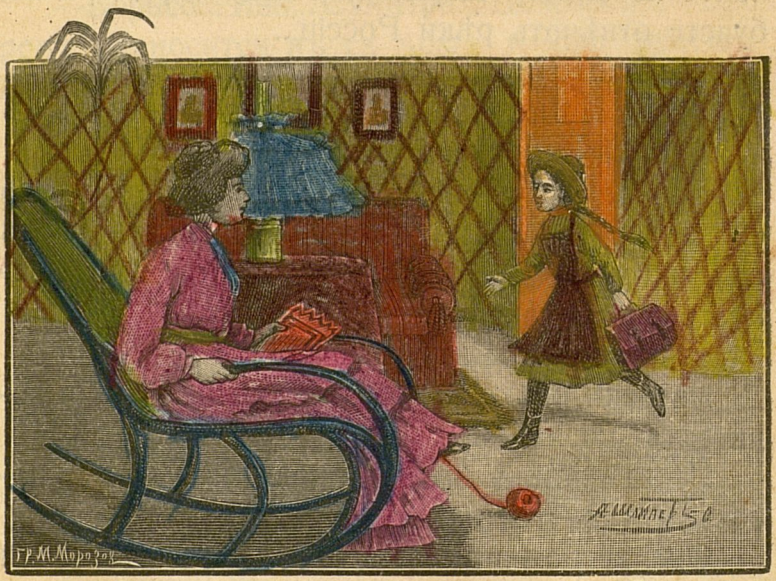
— Милый, милый Целебесъ! —мысленно отвѣчаетъ Наточка и ей хочется броситься на шею къ ничего не подозрѣвающему старичку учителю и расцѣловать его отъ души...

И Наточкѣ поставили 12. Экзаменъ кончился.

Едва помня себя отъ радости, Наточка полетѣла домой.

— Выдержала! — ураганомъ врываясь въ гостиную, закричала она благимъ матомъ.

Мама даже работу изъ рукъ выронила отъ неожиданнаго и столь шумнаго появленія дочери.



— Саша, выдержала... Хіосъ... Самосъ... Суматра все выдержала! продолжаетъ визжать Наточка, влетая въ коморку горничной Саши.

— Варюша! Варюша!—въ слѣдующую же секунду несется по корридору ея звонкій голосокъ,—ступай скорѣе, я экзаменъ выдержала!

Черезъ минуту весь домъ уже зналъ о томъ, что противные Суматра съ Явой не подвели Наточку и что учитель Целесъ самый лучшій учитель въ мірѣ...

Недѣля русалочки.

Однажды мнѣ пришла счастливая мысль... Что я говорю „однажды“! Счастливыя мысли мнѣ приходятъ довольно часто. Но только онѣ всегда несчастливо кончаются. Несчастливо для меня, конечно. Такъ, напримѣръ, мнѣ разъ пришло въ голову привязать къ хвосту нашего перваго сановника дельфина Плавуна цѣлый шлейфъ водорослей изъ зеленой подводной травы. Плавунъ, замѣтивъ, что за нимъ тянется что-то, далеко не соотвѣтствующее его придворному чину, понялъ продѣлку и пожаловался на меня дѣдушкѣ Водяному и мнѣ порядкомъ-таки попало отъ дѣдушки.

А въ другой разъ... Ахъ, смѣшно сказать,

что было въ другой разъ... я подкралась какъ-
къ зеленой постели спящаго дѣдушки и жи
наплела много, много косичекъ изъ его боро
Ахъ, какъ это было смѣшно и забавно.
какъ разъ въ эту минуту проплывала боль
зубастая щука, страшная сплетница (кто
знаетъ, что щуки страшныя сплетницы) и пере-
дала Плавуну, чѣмъ занимается маленькая ца-
ревна. Плавунъ—маминой статсъ-дамѣ госпожѣ
Лиліи, самой старой русалкѣ, та мамѣ, мама
дѣдушкѣ и пошло, и пошло! Ужасно глупо вы-
шло, когда меня заперли и заставили сидѣть
смирно на одномъ мѣстѣ. А однажды
какъ то мнѣ пришла такая мысль, отъ кото-
рой никому не можетъ быть худо. Видите-ли
въ чемъ дѣло. Морская волна шепнула, что въ
замкѣ, что на горѣ у самаго моря, живетъ хо-
рошенькая дѣвочка и что дѣвочка эта днемъ
учится, гуляетъ и катается верхомъ, а вечеромъ
садится къ столику у окна и записываетъ все,
что съ нею случается за день. Люди называютъ
это «вести дневникъ», а по нашему, по руса-
лочьи какъ, я и не знаю. А когда я спросила
маму, какъ это называется, она разсердилась и
прикрикнула:

— Это называется «дѣлать глупости»! Не
изволь дурить, Жемчужина!

— Жемчужина — это я сама. Имѣю честь
рекомендоваться.

А я все-таки рѣшила записывать все, что со

мной случится, подражая той дѣвочкѣ изъ замка.

Будь, что будетъ, была—не была!

Достала огромный кусокъ подводнаго растения-гиганта (какъ оно называется, не помню; я всегда забываю все очень умное и помню только глупости, такъ мама говоритъ, а я такъ совсѣмъ иного мнѣнія о своей особѣ).

Итакъ, достала я огромный листъ и нацарапываю на немъ ежедневно тоненькой иглою изъ коралла. Что-то выйдетъ изъ всего этого?

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ.

Прежде всего вамъ надо сказать, кто я такая. Меня зовутъ царевной Жемчужиной, какъ я уже вамъ сказала, и я родная внучка дѣдушки-Водяного, дочка царицы Кораллы, его родной дочери. Живемъ мы въ большомъ подводномъ дворцѣ, гдѣ такія огромныя, свѣтлыя комнаты изъ голубого хрусталя. Моя кроватка стоитъ въ чудесномъ покоѣ подъ балдахиномъ изъ бѣлыхъ морскихъ лилій, а стѣны моей комнаты сплетены изъ коралловъ всѣхъ оттѣнковъ, начиная съ блѣдно-розоваго и кончая кроваво-краснымъ. Очень красиво. Да и не только моя спальня, но и всѣ, всѣ покои нашего дворца поражаютъ роскошью убранства.

А между тѣмъ мнѣ скучно въ нашемъ роскошномъ дворцѣ... Ужасно скучно! Что я вижу тамъ, спрашивается? Каждый день, а день

у насъ начинается тогда, когда у людей заходитъ солнце и наступаетъ ночь. Итакъ, каждый день моя царица-мама съ толпою русалокъ, захвативъ жемчужные гребни, поднимаются со дна моря къ поверхности, и при свѣтѣ мѣсяца онѣ расчесываютъ свои золотыя косы, водятъ хороводы и поютъ. Ахъ, какъ поютъ. Мнѣ ужасно хочется также выплыть съ ними, чтобы также расчесывать свои волосы, кружиться въ хороводѣ и пѣть, но... во первыхъ, волосы у меня едва-едва доходятъ мнѣ до пояса, а нужно, чтобы они были до пятъ, когда дѣлаешься взрослой русалкой и тогда только можно принимать участіе въ ночныхъ экскурсіяхъ.

А пока... мама Коралла уплываетъ одна со своею свитою, а бѣдная Жемчужина остается скучать среди роскоши своего дворца.

Ахъ, какъ это бываетъ скучно!

Отъ скуки я принимаюсь дразнить ершей, натравливать ихъ одного на другого. Это очень пріятное занятіе. Ерши злые-презлые и колются своими поплавками, точно иглами. Но меня они колоть не смѣютъ, зато между собою передерутся на славу.

Кончается обыкновенно все это очень прискорбно.

Дѣдушка Водяной слышитъ шумъ и присылаетъ за мною своего вѣрнаго Плавуна, съ хвостомъ котораго я такъ безсовѣстно посту-

пила однажды... и Плавунъ торжественно ведетъ меня къ дѣдушкѣ.

Дѣдушка въ наказаніе велитъ перебирать жемчугъ... крупный къ крупному, мелкій къ мелкому... Вотъ такъ занятіе, нечего сказать! Бррр...! И все это еще подъ ворчливую нотацію несносной Лиліи, которая задалась, кажется, цѣлью извести меня. Не правда-ли, весело? Милыя дѣвочки-люди, пожалѣйте меня! И такъ цѣлый день, пока не забрезжитъ заря на востокѣ.

Тутъ ужъ начинается мое парство! Лучшіе часы моей невеселой жизни. Приплываетъ мама-Коралла, и Дельфина, и Морская Роза, и Изумрудный Глазокъ, и самая молоденькая изъ русалочекъ, Струйка, которая ужасно гордится тѣмъ, что у нея недѣлю тому назадъ отрасли волосы до пятокъ и она важничаетъ ими ужасно. А между тѣмъ еще такъ недавно она дразнила со мною ершей. Тоже взрослая русалка, подумаешь! Глупая дѣвчонка и больше ничего.

Иногда онѣ возвращаются съ веселыми шутками, пѣснями и смѣхомъ. Это значитъ, что имъ удалось заманить кого-нибудь съ берега въ пучину и тутъ же начинается настоящій праздникъ. Утопленника или утопленницу кладутъ подъ кущу коралловъ, накрываютъ водорослями и съ пѣснями носятся надъ нимъ легкой стаей. А къ слѣдующему дню утопленникъ превращается или въ какую-нибудь рыбу (если онъ былъ мужчина, такъ какъ мужчинъ у насъ

нѣтъ никого, кромѣ дѣдушки Водяного, и имъ быть на днѣ морскомъ не полагается), а если это женщина или дѣвочка—то въ русалку. Лишь только она открываетъ глаза, ей даютъ русалочье имя, потомъ у нея разомъ отрастаетъ хвостъ и длинные-предлинные волосы (счастливая! Сразу, а не то что у меня! Мнѣ-то какъ долго приходится дожидаться!).

Но такое происшествіе случается не особенно часто; чаще наши возвращаются однѣ, хмурыя и злыя.

Но мнѣ до этого нѣтъ никакого дѣла... Мнѣ важно только то, что онѣ вернулись, потому что тогда наступаетъ моя очередь и я выплываю въ сопровожденіи Лиліи на волю и провожу время до восхода солнца на поверхности моря.

Это лучшія минуты моей жизни.

Я гоняюсь за морскими волнами, слушаю ихъ сказки, одѣваюсь сѣдою пѣною, ловлю рыбокъ-малютокъ, такихъ же рѣзвыхъ и веселыхъ, какъ я сама. Но чаще всего любуюсь чудеснымъ замкомъ, который стоитъ на горѣ и жду появленія маленькой дѣвочки въ окошкѣ, той самой маленькой дѣвочки, о которой мнѣ разсказывала волна.

Ахъ, какъ мнѣ хочется видѣть эту дѣвочку!

Неужели я никогда не увижу ее?

ДЕНЬ ВТОРОЙ.

Вотъ такъ дневникъ! Все переврала. У людей это дѣлается совсѣмъ иначе... Надо за-

писывать, что съ тобой случилось, а вовсе не кто ты и какъ тебя наказываютъ. Мнѣ это снова шепнула морская волна. Ты ужасная дурочка, царевна Жемчужинка! Ну, да еще можно исправить ошибку. Съ этой минуты буду записывать только то, что случится со мной.

Сейчасъ наши уплыли... Струйка передъ уходомъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ:

— А я видѣла сегодня дѣвочку изъ замка.

— Неправда,—говорю я, - ты не могла видѣть, потому что дѣвочка во время вашей прогулки спитъ въ своемъ замкѣ.

— Вотъ и врешь,—закипятилась Струйка (ужасная она горячка. А люди еще говорятъ о насъ, что русалки—холодныя. Ерунда!)—Въ замкѣ никто не спалъ вчера. Тамъ играла музыка, всѣ окна были освѣщены огнями и въ нихъ мелькали танцующія пары. Говорятъ, дѣвочка праздновала день своего рожденія.

— Ты откуда слышала?—такъ и всколыхнулась я.

— Мнѣ передала Морская Чайка, которая прилетѣла изъ сада замка.

— А она можетъ быть вретъ?

— Ты сама врешь!—разсердилась Струйка и махнула хвостомъ, что значитъ на людскомъ языкѣ топнула ногой.

Ужасно она дерзкая! Говоритъ такъ съ внучкой царя! Впрочемъ, это мама велѣла всѣмъ въ подводномъ царствѣ обращаться со мною какъ

съ равной, чтобы я не важничала своимъ царскимъ происхожденіемъ.

И я махнула хвостомъ.

— Нѣтъ, ты врешь!—закричала я.

— Не смѣй такъ со мной говорить!—вышла она изъ себя.—Дѣвченка!!!

— Нѣтъ, ты дѣвченка! Важничаетъ, что выросла, а сама глупенькая, какъ килька!—поддразнила я ее.

— Сама ты килька!

— А ты снѣтокъ!

— А ты... а ты...

Я ужасно хочу сдѣлать хоть на словахъ Струйку совсѣмъ, совсѣмъ малюсенькой, но мнѣ это не удается сразу.

Меньше снѣтка рыбы нѣтъ. Слово осталось за моимъ врагомъ.

И вдругъ слово найдено. Не совсѣмъ удачно, но объ этомъ я мало думаю.

— А ты—піявка!—кричу я.—Ты піявка, хуже рыбы, гораздо хуже! Да!

Струйка положительно взбѣсилась отъ послѣдняго прозвища и стала такъ колотить хвостомъ, что двѣ стерлядки, подплывшія къ намъ было изъ любопытства послушать нашу ссору, изо всѣхъ силъ бросились улепетывать въ глубину.

Приплыла мама Коралла на шумъ и Лилія, и Роза, и Изумрудный глазокъ, всѣ, всѣ.

Узнали въ чемъ дѣло. Струйка насплетничала и меня наказали.

Опять разбирать противный жемчугъ!
Не дурное занятіе для царской внучки!

ДЕНЬ ТРЕТІЙ.

Наказана. Разбираю жемчугъ.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Все еще наказана и разбираю жемчугъ. Вотъ вамъ и случаи...

А я еще боялась, что случаевъ не будетъ и мнѣ нечего будетъ писать въ моемъ дневникѣ!

ДЕНЬ ПЯТЫЙ.

Простили. Дельфинъ Плавунъ упросилъ дѣдушку. Вотъ-то добрый, а я еще надъ нимъ такъ зло подшутила. Плыву съ Лиліей на прогулку. Наши только что вернулись. Неудача. Третью ночь возвращаются съ пустыми руками. Даже Струйка носъ повѣсила. Очень рада. Подѣломъ! Онѣ думаютъ, что весело перебирать жемчугъ! Вотъ судьба и отомстила за меня. Но бросаю писать! Плыву любоваться замкомъ и поджидаю дѣвочку.

ЕЩЕ ДЕНЬ ПЯТЫЙ.

Вотъ такъ событіе!
Ничего подобнаго не ожидала.

Браво, Жемчужинка! Браво! Если будутъ часто случаться подобныя происшествія, твой дневникъ окажется самой интересной повѣстью въ подводномъ царствѣ. Выплыла я давеча съ Лиліей, высунула голову изъ воды и чуть не вскрикнула отъ неожиданности и восторга.

На берегу гуляла дѣвочка. Дѣвочка изъ замка!

Въ бѣломъ платьѣ, въ широкой шляпѣ, и такая хорошенькая, что чудо!..

Ужъ на что наши всѣ красивыя, а эта куда лучше!

У нашихъ нѣтъ румянца, онѣ такія бѣлыя, какъ морская пѣна, а у дѣвочки точно два розана расцвѣли на щечкахъ.

Ходитъ она по берегу и собираетъ ракушки, а съ ней гувернантка ходитъ, сухая, рыжая, ну совсѣмъ точно Лилія наша.

И носъ такой же длинный повисъ надъ самыми губами, точно узнать хочетъ, что во рту дѣлается.

Дѣвочка бѣгаетъ, рѣзвится, смѣется...

Раковинъ набрала полныя руки.

Ноги у нея такія быстрыя, просто прелесть.

Ужасно досадно, что мы, русалки, не умѣемъ двигаться по землѣ. Такъ хотѣлось бы играть съ дѣвочкой!

Я высунулась вся изъ воды и во всѣ глаза смотрѣла на нее.

А Лилія ничего не видитъ. Улеглась въ тростникахъ и спитъ.

Неужели-же и я буду такъ спать, когда состарюсь? Должно быть буду, всѣ старухи спятъ. И длинноносая гувернантка дѣвочкина тоже носомъ заклевала. Усѣлась на камнѣ и спитъ. Дѣвочка къ самой водѣ подошла и хотѣла ка-

мушекъ бросить. Только размахнулась и вдругъ меня увидала.

— Ахъ!

— Не бойся, кричу я.—Я тебя не трону!

— Съ чего ты взяла, что я тебя боюсь? кричитъ, — вотъ глупенькая-то русалочка!—и смѣется.

И я смѣюсь.

Весело у васъ въ подводномъ царствѣ?— спрашиваетъ.

— Ужасно весело! отвѣчаю я, а сама въ мысляхъ прибавляю: «когда не надо жемчугъ разбирать. Весело... тоже!».

Но это я въ мысляхъ прибавляю, а сама говорю:

— Очень, очень весело! Поступай къ намъ въ русалки! Хочешь?

— А что вы дѣлаете?

— Пляшемъ, поемъ, смѣемся!

— Очень хорошо!—восхищается дѣвочка,— я люблю смѣяться и плясать въ свободное время и съ удовольствіемъ сдѣлаюсь русалкой. Учиться много приходится?

— Какъ учиться?—удивляюсь я.

— Вотъ глупенькая!—смѣется дѣвочка;—да всему тому, что на свѣтѣ дѣлается: про людей, про страны другія... про то, что было... Почему солнце свѣтитъ днемъ, а ночью луна, и какіе цвѣты растутъ въ полѣ, какіе въ саду... И кто до насъ жилъ и что сдѣлалъ полезнаго... И про

Бога, какъ онъ учитъ быть добрымъ, молиться и доставлять радость другимъ...

— Ахъ, какъ это интересно, — прервала я дѣвочку.—Я ничего-то не знаю ни про Бога, ни про что.

— Что-жъ ты дѣлаешь? — удивилась она. — Развѣ ты не молишься?

— Нѣтъ, не молюсь... и не учусь. Я смѣюсь, пляшу, рыбъ гоняю...

— А еще что?

— Рыбъ гоняю... пляшу... смѣюсь...

Тутъ дѣвочка прервала меня, расхохотавшись такъ громко, что Лилія проснулась и высунула изъ тростниковъ свою заспанную физіономію.

— Вотъ такъ жизнь! — смѣялась она: — смѣяться и плясать, чтобы остаться неучемъ. Нѣтъ, не хочу къ вамъ въ подводное царство. Скучно у васъ. Дурочкой еще останешься!

И вдругъ разомъ стала серьезной.

— А какъ же безъ молитвы? А какъ же безъ Бога?! Ни радости тогда не будетъ, ни счастья! Нѣтъ, нѣтъ! Храни меня Богъ отъ такой жизни! Мнѣ жаль тебя! Жаль русалочка! Лучше вовсе не жить, чѣмъ такъ-то, безъ Бога, безъ молитвы, безъ ученья, безъ радости. Прощай, русалочка, мнѣ жаль тебя!

И, кивнувъ мнѣ головкой, она побѣжала отъ берега. И длинноносая проснулась и поспѣшила за ней.

Мнѣ стало вдругъ скучно, скучно!

Странно! я никогда не скучала еще на волѣ до сихъ поръ.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ.

Струйка мнѣ сегодня что-то очень, очень интересное разсказала.

Мы ужъ съ ней помирились. Я ей жемчужное ожерелье свое подарила и она меня поцѣловала даже.

Ужъ очень обрадовалась. Я сначала испугалась, думала—укусить хочетъ, и хвостъ поджала, а она меня губами въ щеку чмокъ!

У насъ въ подводномъ царствѣ никогда не цѣлуются. Не мудрено, что я испугалась. А Струйка поцѣлуи у людей видѣла. Ну-съ, поцѣловала и говоритъ:

— Я тебѣ за твое ожерелье тайну разскажу.

Ужасно я люблю тайны!

Такъ и впилась въ Струйку глазами. Жду.

— Знаешь, какъ утопленники изъ нашихъ рукъ уйти могутъ?—спрашиваетъ.

— Не знаю!—говорю я.

— А хочешь знать?

— Ужасно!

— Видишь-ли... Когда мы притащимъ мертвеца на дно морское и начнемъ плясать... какая-нибудь изъ русалокъ должна обрѣзать себѣ волосы и тогда душа мертвеца на берегъ возвратится, а оттуда на небо, а тѣло рыбы и

раки съѣдятъ. Это очень хорошо для мертваго бываетъ...

— Вотъ такъ хорошо! — восклицаю я. — Что-жъ тутъ хорошаго, когда достанешься ракамъ на жаркое.

— Вотъ дурочка-то—возмущается Струйка. (Опять бранится, а я ей только что ожерелье подарила! Ничего отъ меня не получитъ больше!)

— Почему дурочка?—начинаю злиться я.

— А потому, что для человѣка тѣло ничего не значитъ, Для него главное душа. Пусть тѣло съѣдятъ, а душа отлетитъ къ Богу и тамъ будетъ жить и радоваться. Понимаешь?

— Поняла!

— А что же съ той русалочкой, которая косу себѣ отрѣжетъ, бываетъ?

— Она въ рыбу превращается. Только вѣдь этого никогда почти не бываетъ, — отвѣчаетъ Струйка.—Такихъ глупышекъ, которыя бы людей пожалѣли, нѣтъ въ подводномъ царствѣ.

— А можетъ быть и есть?—говорю я.

— Ты ничего не понимаешь! Какая же польза превращаться въ рыбу? Вотъ дурочка-то!

«Дурочка!» и въ третій разъ въ продолженіи двухъ минутъ разговора!

Нѣтъ! Положительно жемчужнаго ожерелья ей не слѣдовало дарить!

Потомъ Струйка уплыла, а я отъ злости спать завалилась. Скучно!

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ.

Что это? Едва вѣрю глазамъ!

Наши вернулись съ добычей, и какою еще на этотъ разъ!

Вся окутанная водорослями, съ плотно закрытыми глазами, съ синимъ, синимъ личикомъ, передо мною лежитъ дѣвочка изъ замка.

А наши танцуютъ вокругъ, поютъ и рѣзвятся.

Скоро, скоро у насъ будетъ новая русалочка. Бѣдная, бѣдная дѣвочка!

Думала-ли она, что ей такъ скоро придется попасть въ подводное царство.

Какъ ей не хотѣлось туда!

Я припомнила весь свой разговоръ съ дѣвочкой.

Бѣдняжка!

Жутко ей должно быть будетъ, когда она проснется уже русалочкой!

Я вспомнила весь нашъ разговоръ съ нею и мнѣ стало еще больнѣе за дѣвочку. Сердечко у меня сжалось, сжалось и въ головѣ все спуталось.

Бѣдная, бѣдная дѣвочка!

Какой ужасъ написанъ на ея лицѣ.

Вѣрно она сознавала, что тонетъ, когда Струйка схватила ее съ берега и потащила въ глубину.

И вдругъ въ головѣ моей мелькнула странная мысль: «Что, если спасти дѣвочку?»

И лишь только я подумала это и взглянула на мертвую дѣвочку, какъ мнѣ показалось, что глаза ея пріоткрылись, по лицу прошло умоляющее выраженіе, а синія губки тихо прошептали:

— Спаси меня, русалочка, спаси!

— Спасу, непремѣнно спасу!—произнесла я мысленно и вдругъ вспомнила, что ждетъ меня за это.

Превратиться въ рыбу! Брр!..

Хорошо еще, если въ дельфина, а то вдругъ въ корюшку, снѣтокъ, или миногу!

Въ миногу! Фи!

Я ихъ терпѣть не могу. Всюду лѣзутъ со своимъ змѣинымъ тѣломъ! Гадость порядочная. Ни за что не могу быть миногой даже ради дѣвочки и не отрѣжу волосъ.

И снова я взглянула на маленькую утопленницу.

Какое у нея жалкое убитое личико! Какое безнадежное отчаяніе разлилось по всѣмъ ея чертамъ. Она угадала точно мои мысли и ужасно страдаетъ.

Нѣтъ! Нѣтъ! Пусть она будетъ счастлива, дѣвочка... а я... а я... превращусь хотя... въ миногу!

И, схвативъ въ одну руку корраловый ножикъ, а въ другую цѣлый пучекъ моихъ золотыхъ волосъ, я сдѣлала движеніе и...

Проснулась.

Это сонъ былъ, видите-ли? Только сонъ! Вотъ счастье! Неправда-ли? Никакой утопленницы нѣтъ во дворцѣ и я не буду миногой! Ура! Не буду!!

И ножа у меня нѣтъ подъ рукою, а вмѣсто него я изо всей силы держу за хвостъ пойманную любопытную стерлядку, подплывшую посмотрѣть, что дѣлаетъ во снѣ царевна Жемчужина.

Я невольно расхохоталась и отпустила на волю испуганную рыбку.

Почуявъ свободу, она умильно махнула хвостикомъ, точно крикнула:

— До свиданья!

И исчезла изъ вида.

Наши вернулись и опять съ пустыми руками.

Я позвала Струйку и разсказала мой сонъ.

Потомъ описала все это.

Въ послѣдній разъ записала.

Больше записывать не буду.

Мама сказала, что я уже достаточно взрослая, несмотря на то, что у меня волосы не доросли до пятъ и что я могу выплывать по ночамъ съ ними.

Ахъ!

Такого счастья я и не ожидала!

Вотъ тебѣ и дурочка! А Струйка иною меня не считала.

А оказывается, я такая-же, какъ она буду скоро!

И чемчугъ, и поддразниваніе ершей,—все прощайте!

И ты, мой милый, но недописанный дневникъ, прощай! Сегодня выплываю со старшими.

Ура! Я—большая!

Предательница.

Кто пролилъ на столѣ чернила?

Учитель обвелъ глазами классъ и ждалъ отвѣта.

Дѣти молчали.

— Кто пролилъ на столѣ чернила? — еще разъ повторилъ господинъ Рагодинъ.

Молчаніе. Ужасно долгое молчаніе... Даже непріятно становится. Лица дѣтей сдѣлались красными; какъ кумачъ. И у учителя лицо краснѣетъ. Онъ замѣтно сердится. Ему непріятно и досадно, что классъ молчитъ.

Такъ проходитъ минута... другая... третья... Десять минутъ проходитъ. Цѣлыхъ десять минутъ!

И вдругъ господинъ Рагодинъ сердитыми глазами взглядываетъ на высокаго бѣлокураго

мальчика лѣтъ десяти, который сидитъ на задней скамейкѣ и говоритъ увѣреннымъ голосомъ:

— Володя Парниковъ розлилъ чернила, я знаю.

Володя Парниковъ вскакиваетъ со своего мѣста, какъ ужаленый. Сначала блѣднѣетъ, потомъ краснѣетъ, потомъ снова блѣднѣетъ.

— Господинъ учитель, я не проливалъ чернилъ. Я не виноватъ!—лепечетъ Володя.

Онъ лжетъ. Володя пролилъ чернила. Сталъ приготовлять классный журналъ и пролилъ. Задѣлъ локтемъ за чернильницу и уронилъ ее. Но сознаться въ этомъ онъ не хочетъ потому, что боится, что его накажутъ, не пустятъ домой къ обѣду. Оставятъ въ пансіонѣ на весь вечеръ. А къ обѣду сегодня, какъ нарочно, заказаны пирожки съ капустой... Его любимые... Очень вкусные пирожки! Нѣтъ, онъ ни за что не сознается. Ни за что!

И классъ его не выдастъ. Онъ знаетъ. Дѣти видѣли, что пролилъ чернила онъ, Володя, но ни за что не скажутъ объ этомъ учителю.

А учитель уже говоритъ снова, оглядывая съ самымъ внимательнымъ видомъ дѣтей:

— Пусть мнѣ скажутъ, лгу я или нѣтъ. Пролилъ Володя чернила, или я клевещу на него? Рая Сокольская, скажи мнѣ ты, какъ самая старшая, лгу я на Володю, или нѣтъ?

Рая Сокольская встала со своего мѣста и отвѣчаетъ, заикаясь:

— Господинъ учитель... Володя не проливалъ чернилъ.

— А ты что скажешь, Вася Минакинъ?— обратился къ маленькому семилѣтнему Васѣ Рагодинъ.

— Володя не виноватъ!—получился громкій отвѣтъ мальчика-пансіонера.

— А ты, Миша Стомиловъ?

— Володя не виновенъ!

— Маня Рошина!

— Нѣтъ! Не виноватъ Володя!

— Вѣра Оливина!

— Нѣтъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—отвѣчаютъ и всѣ другіе, спрошенные учителемъ.

— А ты, Зоя, что ты скажешь?

Глаза учителя направились въ самый дальній уголъ класса. Съ задней скамейки поднялась дѣвочка, блѣдненькая, кудрявая, съ большими ясными глазами.

— Зоя, скажи мнѣ ты, виноватъ-ли Володя, или я лгу на него?

Зоя опустила глаза. Потомъ подняла ихъ снова и снова опустила.

— Ты слышишь меня, Зоя?

Молчаніе. Только изъ блѣднаго личико Зои стало краснымъ, какъ макъ.

— Говори-же, Зоя?

Новое молчаніе.

— Значитъ, Володя пролилъ чернила!.. Зна-

читъ, онъ виноватъ!..—снова повысилъ голосъ учитель.

Зоя молчитъ, только глаза ея съ мольбою смотрятъ на г. Рагодина, да лицо горитъ, какъ въ огнѣ.

— Довольно. Садись, Зоя... Володя виноватъ и будетъ наказанъ,—раздался среди полной тишины строгій голосъ.

И Зоя, вся красная, опустилась на скамейку.

. . . . . .

— Предательница... шпіонка! Предала Володю. Изъ-за тебя его наказали! Безсовѣстная! Гадкая!—закричали, зашумѣли дѣти, какъ только учитель вышелъ изъ класса.

Володя красный, какъ ракъ, съ полными слезъ глазами подошелъ къ Зоѣ и сказалъ, съ трудомъ сдерживая рыданіе:

— Не хорошо, Зоя! Стыдно! за что ты со мной такъ поступила? Это не потоварищески! Стыдно, Зоя! Ты выдала меня...

Зоя подняла свои большіе, честные глаза на Володю и, глядя на него прямо и открыто, проговорила:

— Прости, Володя, я не могла поступить иначе... Ты слышалъ, что сказалъ учитель?—«Пусть мнѣ скажутъ лгу я или нѣтъ...» Значитъ, надо было доказать ему, что онъ лжетъ, когда онъ сказалъ правду... Нѣтъ, этого я не могла сдѣлать и промолчала... Развѣ я виновата въ этомъ? Развѣ я могла человѣка, гово-

рящаго правду, выставить лгуномъ? Скажи мнѣ Володя?

Володя не зналъ, что отвѣтить и молчалъ теперь въ свою очередь.

Молчали и остальныя дѣти.

Они поняли, что Зоя права... Имъ было неловко. И Володѣ стало неловко... О пирожкахъ онъ уже не хотѣлъ думать... думалъ о томъ, что совсѣмъ незаслуженно обидѣлъ Зою...

Только для бѣдныхъ.

Зиночка росла худенькимъ, болѣзненнымъ и слабымъ ребенкомъ, подверженнымъ постояннымъ простудамъ. Никакія лѣтнія поѣздки къ морю въ дачныя мѣстности не помогали дѣвочкѣ. Годъ отъ году худенькая, блѣдненькая Зиночка все дѣлалась блѣднѣе и прозрачнѣе. Пробовали ее возить на лѣто въ деревню. Но ничего не помогало. Здоровье Зиночки не улучшалось. Но вотъ пріѣхала гостить къ матери Зины (отца у нея давно не было) ея тетка Александра Владимировна Горная, сестра Зининаго папы, жившая постоянно заграницей, по большей части въ Италіи.

— Сестра, отдайте мнѣ Зину,—сказала она

матери Зиночки, я сдѣлаю изъ нея здоровую, сильную дѣвочку.

Зиночкина мама заволновалась сначала:

— Разстаться съ Зиночкой, съ хрупкой, маленькой Зиночкой. Нѣтъ! Нѣтъ! Это невозможно!

Но потомъ Марья Александровна (Зинина мама) поняла, что посылкою Зины заграницу можно ей принести большую пользу, а такъ какъ у Марьи Александровны кромѣ Зины были еще дѣти, которыхъ оставить однихъ было нельзя, то рѣшено было послать Зину съ тетей Сашей. Тетя Саша горячо привязалась къ худенькой, блѣдненькой Зиночкѣ. Зиму онѣ жили въ Парижѣ, гдѣ къ Зинѣ ходили учителя, а лѣто въ Италіи, у чудеснаго синяго Адріатическаго моря. Время шло. Зина подростала.

Тетя Саша старалась часто напоминать Зинѣ о ея матери, чтобы она какъ-нибудь не отвыкла отъ нея. И о далекой Россіи говорила тетя Саша дѣвочкѣ, чтобы Зина всегда помнила свою родину и любила ее.

Тетя Саша страшно любила Россію. Здоровье не позволяло ей, какъ и Зинѣ, жить въ холодномъ климатѣ, на родинѣ и это очень печалило Александру Владиміровну.

Она утѣшалась только, часто говоря о своей милой родинѣ. Много разсказывала тетя Саша племянницѣ о далекихъ русскихъ деревняхъ, съ покрытыми соломою крышами на избахъ, о голодающихъ крестьянахъ... О большихъ горо-

дахъ: Москвѣ, Петербургѣ и о многомъ, многомъ другомъ. А маленькая Зина внимательно вслушивалась въ слова тетки и всѣмъ сердцемъ обнимала милую, дорогую родину и тѣхъ бѣдныхъ мужичковъ, которые боролись съ голодомъ въ далекихъ деревушкахъ.

И въ доброй головкѣ маленькой дѣвочки вдругъ явилась мысль помочь этимъ бѣднымъ людямъ и всѣмъ другимъ, которые нуждаются и борются съ лишеніями. Но Зина не была богатою дѣвочкою и все, что имѣла, все ей давала тетя, а просить у тети денегъ, чтобы помогать на нихъ отъ своего имени, у Зиночки не хватало духу.

И вдругъ судьба выручила Зиночку.

Въ пятнадцать лѣтъ у дѣвочки появился голосъ. Тетя Саша рѣшила учить Зиночку пѣть. Къ ней пригласили учителя, добраго старика-итальянца, котораго звали синьоромъ (по русски значитъ господиномъ) Виталіо.

Это былъ чудный старичокъ!

Онъ всю свою жизнь положилъ на то, чтобы помогать бѣднымъ. Онъ давалъ концерты, на которыхъ пѣлъ одинъ, и деньги, вырученныя отъ концертовъ, раздавалъ бѣднякамъ.

Узнавъ объ этомъ послѣ перваго же урока, Зина подошла къ синьору Виталіо и сказала:

— Если я научусь хорошо пѣть, я буду поступать такъ же, какъ вы! Давать концерты въ пользу бѣдныхъ.

— Дитя мое! Дорогое дитя! — воскликнулъ глубоко взволнованный ея словами учитель. — Господь васъ благословитъ за это! Вы сказали великія слова.. Помните ихъ, Зина!

— Да! Да! — вскричала добрая дѣвочка. — Буду помнить! Слушайте, дорогой синьоръ Виталіо, и ты, тетя! Я всегда, всѣми силами буду стараться сѣять все доброе вокругъ себя...

— Господи! Если бы вы знали, какъ хорошо мнѣ... Тетечка, милая... Синьоръ Виталіо говоритъ, что у меня хорошій голосъ... Сколько же людей я смогу поддержать имъ... Какъ мама-то обрадуется! Какое счастье будетъ! За что мнѣ все это?

— Да, Лика, это огромное счастье — имѣть хорошій голосъ! Господь даетъ его немногимъ, дитя мое! Надо заслужить это счастье,—взволнованно произнесъ старый учитель.

— Я заслужу! — горячо вскричала дѣвочка. Клянусь вамъ, я заслужу его!

. . . . . .

Черезъ годъ Зиночка пѣла въ первый разъ передъ публикой въ концертѣ, въ пользу бѣдныхъ русскихъ студентовъ, учившихся за границей.

Старый учитель могъ гордиться своей ученицей. У нея былъ прекрасный голосъ и публика съ наслажденіемъ слушала молоденькую пѣвицу. Послѣ второго концерта, деньги съ котораго Зиночка рѣшила раздать несчастнымъ

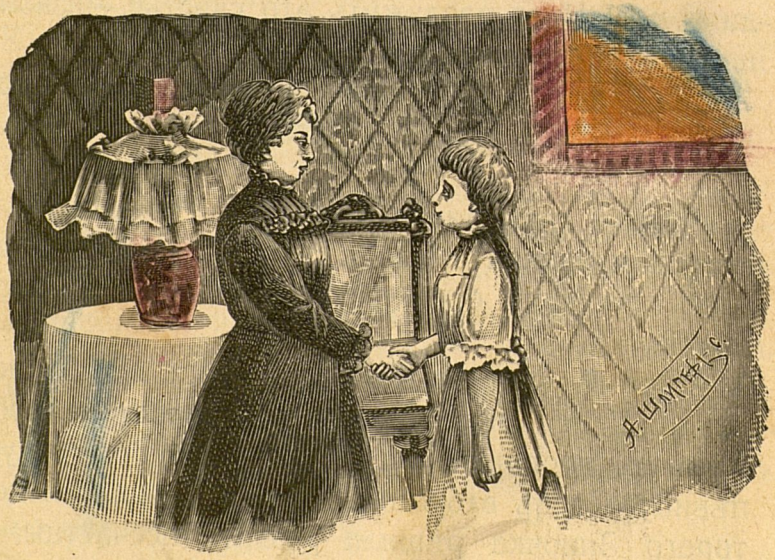
неаполитанскимъ жителямъ, пострадавшимъ отъ наводненія, одинъ извѣстный всей Италіи директоръ театра предложилъ Зиночкѣ черезъ тетю Сашу, ея воспитательницу, служить у него.

— Ну, какъ Зиночка? Желаешь ты поступить на сцену и сдѣлаться настоящей пѣвицей? Что мнѣ передать отъ тебя директору театра,— спросила Александра Владиміровна дѣвушку.

— Нѣтъ, тетя!—отвѣчала Зина,—мое желаніе совсѣмъ иное. Я хочу отдать мой голосъ на пользу бѣдныхъ... Я буду только пѣть для нихъ... Сама буду давать концерты въ ихъ пользу!

Тогда тетя Саша крѣпко обняла племянницу и горячо поцѣловала её.

— Дорогая моя! Я знала, что ты мнѣ это отвѣтишь! - произнесла она глубоко растроганная.



Благодѣтель.

I.

Въ большой просторной квартирѣ огромнаго дома жилъ старый полковникъ. Онъ былъ одинокъ, не имѣлъ семьи и казался всѣмъ людямъ суровымъ и нелюдимымъ. Лѣтъ десять тому назадъ вышелъ въ запасъ Алексѣй Марковичъ Билинъ и поселился въ своемъ собственномъ домѣ въ роскошной квартирѣ, съ вѣрнымъ своимъ деньщикомъ Афанасіемъ и глухой кухаркой. Еще будучи на службѣ, Алексѣй Марковичъ получилъ наслѣдство въ видѣ этого дома отъ своего старшаго брата, который тоже умеръ бездѣтнымъ.

Алексѣй Марковичъ Билинъ занималъ средній этажъ дома, а верхній и нижній отдавалъ въ наймы. Кромѣ большихъ и среднихъ квартиръ находился въ домѣ и подвалъ, занимаемый бѣдняками.

Алексѣй Марковичъ былъ суровый хозяинъ. Любилъ, чтобы плату за квартиры вносили аккуратно и за малѣйшее промедленіе выселялъ жильцовъ. Жильцы, преимущественно бѣдняки, трепетали при одномъ появленіи Билина во дворѣ и всячески избѣгали съ нимъ встрѣчи... Его сѣдыя нависшія брови, проницательные глаза и сѣдые же угрюмо свисшіеся усы внушали невольный страхъ передъ старымъ пол-

ковникомъ. И онъ былъ доволенъ этимъ. Онъ не искалъ дружбы съ людьми и чуждался ихъ. Странный человѣкъ былъ полковникъ...

II.

— Мама! дорогая! Худо тебѣ? Что ты опять стонешь, голубушка? Не хочешь-ли водицы испить? А то сбѣгаю въ аптеку... Упрошу какъ нибудь отпустить намъ въ долгъ лекарства!— и золотистая головка малютки прильнула на подушку жалкой, убогой кровати, на которой металась и стонала въ жару больная женщина.

Еще шесть недѣль тому назадъ портниха Марья Ивановна, занимавшая небольшую комнату подвальнаго помѣщенія въ домѣ полковника Билина могла сидѣть за швейной машинкой и шить платья, которыя она поставляла за гроши на всѣхъ небогатыхъ обитательницъ большого дома. Но случилось несчастье. Бѣдная женщина простудилась, слегла въ постель и болѣе полутора мѣсяца не могла, не только работать, но и ходить по своей убогой комнаткѣ. Ея сынишка бѣлокурый Вася ухаживалъ какъ умѣлъ за больной мамой. Все шло довольно сносно до тѣхъ поръ, пока жалкіе гроши, скопленные бѣдной вдовою, не пришли къ концу и въ одинъ печальный день она и Вася поняли, что не на что купить ни хлѣба, ни лекарства. Тутъ то и началось мученье. Пришлось продать все, что имѣлось сколько нибудь годнаго, тата-

рину за безцѣнокъ. Частью заплатили за квартиру, частью проѣли вырученныя деньги.

— Не бѣда!—говорила слабымъ голосомъ больная не горюй, Васюточка, встану, поправлюсь, буду втрое работать и поправимъ наши дѣла

Но увы! это были однѣ мечты и только! Больная не вставала, не поправлялась... Денегъ достать было не откуда... Между тѣмъ подоспѣвалъ новый мѣсяцъ платы за квартиру, а чѣмъ платить и какъ платить, не знала несчастная женщина.

— Мама, сегодня старшій дворникъ приходилъ!—съ дрожью въ голосѣ произнесъ какъ то утромъ Вася, пряча поблѣднѣвшее, исхудалое личико на груди матери,—грозился хозяину пожаловаться, если мы завтра не заплатимъ. Но это ничего, не волнуйся дорогая, не звѣрь же хозяинъ, пойметъ, что нельзя же тебя больную, хилую, выгонять на морозъ, мамочка! - И Вася, глотая слезы, покрылъ горячими поцѣлуями изсохшее отъ недуга лицо матери. Марья Ивановна тяжело вздохнула. Она слышала много росказней о суровости и строгости домовладѣльца и мучительная тоска наполнила сердце несчастной женщины.

III.

Снова дня черезъ три приходилъ дворникъ. Снова бранился, топалъ ногами и божился пожаловаться хозяину, если къ вечеру ему не будетъ отдано за квартиру.

Ему въ отвѣтъ летѣли стоны Марьи Ивановны и горькія рыданья Васи.

Громко хлопнувъ дверью, онъ ушелъ, а черезъ часъ на порогѣ подвала появилась рослая фигура съ нависшими усами, съ грознымъ взоромъ, сверкавшимъ изъ подъ козырька военной фуражки.

Съ испуганнымъ крикомъ бросился Вася къ матери, какъ бы заслоняя ее отъ нежеланнаго гостя.

— Я пришелъ за деньгами!—произнесъ хозяинъ въ то время, какъ пронзительно-острые глазки его окидывали убогую, нищенскую обстановку комнаты.

— Но намъ нечѣмъ платить,—простонала больная,—повремените Бога ради... Дайте мнѣ оправиться, встать... Вотъ заработаю и выплачу все до копѣйки...

— Долго этого ждать придется, матушка—произнесъ сурово полковникъ, - коли вы больны, отправляйтесь въ больницу, а даромъ занимать свою квартиру я не могу позволить...

Больная заплакала.

— И рада-бы была въ больницу!—произнесла она...—Да куда дѣну мальчика? Пропадетъ онъ безъ меня.

— А ужь тутъ я ничего не могу подѣлать—произнесъ сурово хозяинъ—и вотъ мой послѣдній сказъ: очищайте къ вечеру квартиру. Даю вамъ три часа сроку...

Сказалъ и повернулся, чтобы уйти... Какъ вдругъ что то неожиданно упало къ его ногамъ. Золотистая головка припала къ его колѣнамъ, слабыя дѣтскія рученки обвили ихъ...

— Добрый, добрый баринъ!—шепталъ задыхаясь маленькій Вася,—не гоните насъ! Да вы не выгоните, я знаю... Вы кажетесь только такимъ суровымъ да строгимъ, а на самомъ дѣлѣ у васъ доброе сердце, баринъ золотенькій... Вы поймете, какъ намъ трудно съ мамочкой съ тѣхъ поръ, какъ она заболѣла... Но она поправится, навѣрное и тогда все хорошо будетъ... Повремените только съ уплатой...—И маленькій Вася васъ за это благословлять будетъ и любить послѣ мамочки больше всего на свѣтѣ.

Что то дрогнуло въ суровомъ сердцѣ старика. Никто еще не говорилъ съ нимъ такъ ласково и просто. Всѣ боялись и чуждались его и вдругъ этотъ маленькій, бѣлокуренькій мальчикъ такъ смѣло упрашиваетъ его...

— Кого ты просишь мальчуганъ.—Вырвалось помимо воли изъ груди полковника—развѣ ты не знаешь, что говорятъ про меня у насъ въ домѣ люди?

— Знаю!—смѣло глядя на него своими честными правдивыми глазенками отвѣчалъ Вася.

— И все таки не боишься меня?—чуть-чуть улыбнувшись спросилъ старикъ.

— Не боюсь—отвѣчалъ Вася—вы не такой

вовсе, вы добрый... Только горе у васъ вѣрно было большое, или люди васъ много обманывали, оттого вы и стали чуждаться людей, оттого и требовательнѣе къ нимъ стали. Такъ мнѣ мама говорила,—заключилъ свою рѣчь мальчикъ.

— Хорошая у тебя мама, видно—произнесъ хозяинъ,—славнаго сынишку выростила она,—совсѣмъ уже иначе, мягко и ласково прозвучалъ его голосъ,—и скажи твоей мамѣ, чтобы не безпокоилась она ни о чемъ покамѣсть... За квартиру пока что не надобно платить...

И поспѣшно вышелъ изъ убогой конурки.

Благодарныя слезы бѣдняковъ были ему отвѣтомъ.

IV.

Что сталось съ Алексѣемъ Марковичемъ? Никто не узнавалъ старика. Лицо его просвѣтлѣло, глаза глядѣли мягче и добрѣе... При встрѣчахъ съ людьми онъ не отворачивался отъ нихъ, какъ бывало, а привѣтливо отвѣчалъ на поклоны жильцовъ.

Угадалъ сердце старика бѣлокуренькій мальчикъ. Правда, ничего злого не было въ натурѣ Билина... А только часто приходилось ему натыкаться на злыхъ недобрыхъ людей въ его жизни, которые обманывали его и ожесточилась вслѣдствіе этого его душа, сталъ онъ подозрительно относиться къ людямъ, всюду видя обманъ и подвохъ.

Но съ той минуты, какъ глядя ему прямо въ глаза яснымъ открытымъ взоромъ, бѣлокуренькій мальчикъ высказалъ свое мнѣніе о немъ, захотѣлось старому полковнику оправдать это мнѣніе и сталъ онъ иначе относиться, добрѣе и проще къ окружающимъ людямъ. А тутъ еще новая привязанность запала ему въ сердце. Не выходитъ изъ головы его бѣлокуренькій Вася... День и ночь думаетъ о немъ старикъ.

— Вотъ-бы ему такого внучка! И сталъ навѣдываться все чаще и чаще въ убогую коморку швеи Алексѣй Марковичъ. Сталъ по долгу бесѣдовать съ Васей, и все больше и больше привязываться къ милому ребенку.

Однажды съ губъ Билина неожиданно сорвалась фраза:

— А что Васюта, возьмете вы съ мамой деньжонокъ отъ меня столько, чтобы открыть мастерскую, дѣлишки поправить, хорошую квартирку взять? А?

Но Марья Ивановна, услыша это, только печально покачала головою.

— Нѣтъ, баринъ хорошій—произнесла она,— не возьму я отъ васъ денегъ... Брать въ долгъ не могу—не отдать мнѣ, а такъ—не нищіе мы, чтобы милостыней питаться... Вотъ встану, заработаю, тогда другое дѣло можно и переѣхать будетъ...

Поникъ головою старикъ. Не было еще случая въ его жизни, чтобы люди отъ подарковъ

отказывались и еще больше расположилось его сердце къ маленькой семьѣ.

V.

Прошло еще двѣ недѣли. Марья Ивановна медленно поправлялась... Старикъ Билинъ ломалъ голову какъ бы помочь Васѣ и его матери и вдругъ счастливая мысль озарила его.

Встряхнулся Алексѣй Марковичъ. Надѣлъ мундиръ и сталъ разъѣзжать по старымъ знакомымъ, которыхъ около десяти лѣтъ не видалъ... Сталъ всюду въ знакомыхъ домахъ разсказывать о печальномъ положеніи Васи и его матери и тутъ же предложилъ устроить сообща концертъ. Его огромная квартира могла вмѣстить цѣлую массу публики. Пригласили пѣвцовъ, музыкантовъ, пѣвицъ... Назначили день концерта... Всѣмъ участникамъ его было разсказано о печальномъ положеніи крошечной семьи. Знаменитые музыканты не пожелали брать денегъ за свое исполненіе и отказались отъ платы за концертъ въ пользу Васи. Каждый гость, каждая гостья платили за присутствіе на концертѣ, сколько хотѣли и могли. Каждый клалъ свою лепту на тарелку; поставленную на столъ посреди залы. Это деньги назначались Васѣ и его матери. Передъ началомъ концерта Алексѣй Марковичъ послалъ деньщика за мальчикомъ, наскоро передѣлъ его въ новый, хорошенькій нарядный костюмчикъ, купленный имъ

для Васи и представилъ своего маленькаго друга своимъ гостямъ.

Ахъ, какой это былъ чудесный, памятный вечеръ для Васи.

По окончаніи концерта Алексѣй Марковичъ вручилъ мальчику полную тарелку монетъ... Это не былъ подарокъ одного лица, это была заработанная плата людей, которымъ ничего не стоило спѣть пѣсню или сыграть піесу. Такъ было объяснено Васѣ, чтобы онъ не вздумалъ отказываться отъ денегъ. Потомъ счастливаго мальчика отправили къ матери... Марья Ивановна горячо благодарила Бога за посланнаго ей Имъ благодѣтеля и ежедневно молилась о здравіи раба Божія Алексѣя.

Вскорѣ она съ Васей переѣхала изъ подвала, нанявъ хорошенькую, свѣтленькую мастерскую въ томъ же домѣ.

Вася часто видѣлся со своимъ благодѣтелемъ. Алексѣй Марковичъ Билинъ и сынъ портнихи—закадычные друзья на всю жизнь.

Волченокъ.

Хорошенькій, бѣлокурый, нѣжный, какъ дѣвочка, Жоржъ Хворостинъ выступалъ чинно подлѣ своей гувернантки по широкой, тѣнистой аллеѣ сада.

Это былъ добрый, вполнѣ благовоспитанный мальчикъ, и во всей его фигуркѣ—тонкой, хрупкой и миніатюрной—и въ пышно расчесанныхъ локонахъ, и въ умномъ, не дѣтски-серьезномъ личикѣ такъ и сказывалось благонравіе, то самое благонравіе, которое такъ цѣнятъ учителя, гувернантки и воспитатели въ своихъ воспитанникахъ и ученикахъ.

И гувернантка Жоржа Марья Васильевна, худенькая, пожилая дама, была очень довольна своимъ воспитанникомъ.

Она вела его за руку и разсказывала ему

объ одномъ миломъ мальчикѣ — американцѣ, едва-ли не менѣе благонравномъ, нежели самъ Жоржъ, прозывавшемся лордомъ Фоутельроемъ и сумѣвшемъ передѣлать своего сердитаго англійскаго дѣдушку, который подъ вліяніемъ нѣжной ласки и заботливости племянника сталъ добрымъ и научился любить людей.

Жоржъ слушалъ внимательно свою воспитательницу и, когда она кончила разсказъ, произнесъ восторженно:

— Какая прелесть вашъ маленькій лордъ! И какъ жаль, что у меня нѣтъ сердитаго англійскаго дѣдушки, котораго я бы могъ, какъ и онъ, превратить въ добраго и любящаго!

Марья Васильевна ласково погладила Жоржа по головкѣ и произнесла съ улыбкой:

— Это правда, у тебя нѣтъ сердитаго дѣдушки, но зато подлѣ тебя растетъ Волчонокъ. Волчонка ты бы могъ попытаться сдѣлать добрѣе... Конечно, это трудно.

— Охъ, очень трудно!—съ глубокимъ вздохомъ проговорилъ мальчикъ...

— Онъ меня не будетъ слушать и осмѣетъ мое намѣреніе! Это очень, очень жалко! — И Жоржъ печальнымъ взоромъ поглядѣлъ на небо.

По небу ползли темныя тучи... Оно казалось грознымъ и неумолимымъ. Деревья глухо роптали въ саду, точно жалуясь на что-то... Предгрозовый вихрь безжалостно трепалъ ихъ вершины.

— Сейчасъ начнется гроза! — произнесла Марья Васильевна, и мы не успѣемъ добѣжать до дому. Скроемся въ гротѣ и переждемъ тамъ непогоду...

Жоржъ, который боялся больше всего на свѣтѣ грома и молніи, затрясся всѣми членами. Онъ взглянулъ со страхомъ туда, гдѣ въ концѣ аллеи липы срослись такъ густо, что образовывали куполъ, подъ которымъ было темно, какъ въ сумеркахъ, и невольно зажмурился.

— Нѣтъ, Марья Васильевна!—произнесъ онъ дрогнувшимъ голосомъ,—мы еще успѣемъ, пожалуй, добѣжать до дому... Я боюсь итти въ гротъ...

Гротомъ прозывалось мѣсто, образовавшееся подъ липовымъ навѣсомъ, дѣйствительно очень похожее на какой-то живописный, таинственный гротъ.

Но едва только мальчикъ успѣлъ произнести слова, какъ тяжелыя капли дождя шлепнулись на песокъ, а секунду спустя, проливной ливень застучалъ по дорожкамъ сада.

— Жоржъ! Жоржъ! Скорѣе! — вскричала Марья Васильевна и первая кинулась къ гроту, увлекая своего воспитанника за собою.

Гроза разразилась. Огненныя зигзаги молніи бороздили небо... Сильные удары грома разносились трескучими перекатами, то замирая, то снова усиливаясь. Теперь дождь лилъ, какъ изъ ведра, разомъ наводняя аллеи, канавы и

лужайки сада и превращая ихъ въ озера и бурные потоки. Марья Васильевна и Жоржъ не бѣжали, а летѣли по направленію къ гроту, тяжело шлепая по водѣ намокшею обувью. Вотъ они достигли его...

Жоржъ первый вбѣжалъ подъ живой навѣсъ и вдругъ съ громкимъ крикомъ бросился назадъ въ объятія гувернантки.

— Гу-гу-гу-гу!—послышалось изъ грота зловѣщимъ звукомъ, и въ одинъ мигъ, съ шумомъ, свистомъ и гиканьемъ, оттуда выскочилъ мальчикъ лѣтъ десяти, немногимъ старше Жоржа, но полная противоположность ему. У мальчика были черные вьющіеся, какъ у негра, волосы, смуглое, скуластое лицо, выражавшее упрямство и смышленость, и черные глаза, сверкающіе исподлобья яркими, злыми огоньками. За мальчикомъ слѣдовала собака, мохнатая овчарка довольно внушительныхъ размѣровъ.

— Ага! Испугались! Здорово напугалъ васъ! Подѣломъ! Не суйтесь въ нашъ гротъ! — кричалъ неистово мальчикъ, размахивая руками подъ самымъ носомъ рыдавшаго съ перепуга на плечѣ гувернантки Жоржа.—Что разнюнился? Скажите, нѣжности какія!—продолжалъ выкрикивать онъ — не суйся, говорятъ. Мѣсто это наше собственное: Дамкино и мое. Неправда-ли, Дамка?—обратился онъ къ собакѣ.

Та только хвостомъ повиляла и умильно поглядѣла на своего молодого хозяина.

— Но вы испугали Жоржа! Я буду жаловаться мамашѣ. Васъ накажутъ! Пойдемте сейчасъ же домой... Пусть мамаша полюбуется лишній разъ на подобное сокровище!—сердито говорила гувернантка, тряся за плечи смуглаго мальчугана, который, въ свою очередь, съ нескрываемой злобой смотрѣлъ на нее. — И гдѣ вы только отдѣлали себя подобнымъ образомъ!— заключила она отчаяннымъ возгласомъ.

Смуглый мальчикъ, дѣйствительно, былъ въ самомъ непрезентабельномъ видѣ. Куртка и панталоны его были разорваны во многихъ мѣстахъ, лицо поцарапано. Огромный синякъ украшалъ лобъ.

Онъ тяжело дышалъ, глядя исподлобья, и сердито поблескивая черными, какъ угольки, глазенками.

— Волченокъ! Настоящій волченокъ! И когда только вы исправитесь и будете инымъ—почти въ отчаяніи вскричала Марья Васильевна и вдругъ, словно осѣненная какою-то мыслью свыше, произнесла, рѣшительно схвативъ рукою маленькую, но сильную ручонку мальчика.

— Мнѣ не нравятся ваши прогулки съ собакой во всякое время и въ такомъ видѣ. Вамъ нужно быть какъ можно болѣе съ вашимъ братомъ и со мною! Идемте домой съ нами. Я прочту вамъ очень интересную исторію о маленькомъ мальчикѣ...

— Я не люблю исторій о маленькихъ маль-

чикахъ... — произнесъ угрюмо Волченокъ, всячески пытаясь вырвать руку изъ цѣпкой руки гувернантки.

— Въ такомъ случаѣ вы будете сидѣть смирно, пока я буду читать исторію Жоржу.

— Я не хочу сидѣть смирно, и не пойду съ вами... — послышались глухіе звуки сердитаго дѣтскаго голоса.

— Я не хочу сидѣть смирно и не пойду домой!

— Нѣтъ, вы пойдете...—Кончикъ носа Марьи Васильевны чуточку покраснѣлъ, что съ нимъ случалось обыкновенно въ минуты гнѣва.

Она замѣтно сердилась и, теребя за руку Волченка, повторяла тихо, но внушительно:

— Вы пойдете съ нами... Сейчасъ пойдете!

Волченокъ тихо и упорно старался высвободить свою руку... Гувернантка, понимая его маневры, въ свою очередь, всѣми силами удерживала ее въ своихъ цѣпкихъ пальцахъ...

Глухая борьба длилась минуту... другую...

И вдругъ Волченокъ изловчился... Извернулся весь, какъ змѣя, и, изогнувшись въ три погибели, вырвался изъ рукъ гувернантки.

Та было метнулась къ нему, но мальчикъ предупредилъ ея движеніе.

— Дамка, пиль! пиль, Дамка! — крикнулъ онъ собакѣ, и та съ глухимъ ворчаньемъ, оскаливъ зубы, бросилась къ Марьѣ Васильевнѣ.

Послѣдняя неистово вскрикнула и отскочила въ сторону. Жоржъ кинулся къ ней на помощь.

— Тубо, Дамка! Сюда, ко мнѣ! — властно крикнулъ черноглазый мальчикъ и, отвѣсивъ насмѣшливый поклонъ гувернанткѣ и брату, съ громкимъ смѣхомъ бросился бѣжать отъ нихъ въ сопровожденіи собаки.

— Вы будете наказаны! Я пожалуюсь мамѣ! Остановитесь, доносился до него голосъ Марьи Васильевны. Но Волченокъ и бровью не повелъ на эти слова. Онъ бѣжалъ все быстрѣе и быстрѣе, и вскорѣ его стройная, широкоплечая фигурка исчезла за оградой сада.

II.

Няня Арина Матвѣевна затеплила лампаду передъ кіотомъ и, истово крестясь, склонилась въ земномъ поклонѣ до пола.

Дверь тихо скрипнула, и въ комнату неслышно проскользнула знакомая дѣтская фигурка.

— Няня... нянечка... Аринушка... послышался несмѣлый шопотъ.

Няня степенно, не спѣша, поднялась на ноги и оглянулась...

— Ты, Вовушка? Наконецъ-то! Мамаша давно тебя звать изволила... Игната съ Малашкой въ рощу посылали... Искали тебя...

— Батюшки свѣты! Да гдѣ же ты такъ отдѣлался, мой батюшка! — всплеснула руками старушка, тутъ только увидя мокрый до нитки костюмъ Волченка и его рваные куртку и панталоны.

— Это ничего, няня! Ничего, голубушка! Дай мнѣ переодѣться поскорѣй! А что, очень сердится мама, ты не знаешь? Марья противная опять ей нафискалила!—быстро срывая съ себя намокшее платье, ронялъ Волченокъ.

— И-и какъ стыдно, Вовушка, такъ называть свою воспитательницу!—укоризненно покачала головою нянька.

— Какая она воспитательница! Она просто вѣдьма, няня, вѣдьма съ Лысой горы... Вотъ что!

— Окстись, батюшка! Что ты! что ты! крещенаго человѣка называть такимъ чернымъ словомъ! — закрестилась старуха... Храни тебя Господи!

— Охъ, няня, няня. Никто-то меня не любитъ. Милая!..—вырвалось со слезами изъ устъ Волченка, и прежде, чѣмъ старушка могла ожидать этого, чернокудрая головенка прильнула къ ея изсохшей груди, и глухое рыданье огласило комнату.

— Вовушка, сударикъ мой, барченокъ милый, о чемъ ты?—такъ вся и встрепенулась старушка. Ей было чего испугаться. Ея старшій питомецъ Вова, или Володя Хворостинъ, единодушно прозванный Волченкомъ за нелюдимость, дикость и грубость, всѣмъ домомъ, почти никогда не плакалъ и вдругъ сейчасъ разрыдался у нея на груди, какъ самый маленькій ребенокъ.

Она не разспрашивала его ни о чемъ, только

сухая, старая, морщинистая рука старушки любовно приглаживала черные, густые, жесткіе волосы Волченка.

— Буйная ты моя головушка! Никто-то не пойметъ тебя!—мысленно говорила старушка никто не пойметъ, никто не полюбитъ такъ, какъ я люблю... Сердце у тебя доброе, да до сердца то добраться трудненько... Ахъ, ты Вовушка, Вовушка, золотой ты мой!

И снова сухая морщинистая рука гладила черную, кудлатую головенку. И сердце милой старушки билось въ унисонъ съ сердечкомъ Волченка.

— Что за трогательная картина! Что за нѣжности! — раздался насмѣшливый голосъ съ порога комнаты, и Марья Васильевна появилась на порогѣ съ торжествующей улыбкой на губахъ. — Нечего тутъ няню разжалобивать... Васъ ваша мама давно ждетъ!...—разомъ мѣняя тонъ, обратилась она рѣзко къ Вовѣ.

Волченокъ поднялъ голову. Слезы мгновенно высохли на его глазахъ, и если бы теперь ему сказали, что за минуту до этого онъ плакалъ на груди няньки, Володя отвѣтилъ-бы, что это неправда. Онъ и самъ не зналъ, чего онъ расхныкался... Правда, съ утра у него что-то тѣснило въ сердцѣ. Точно кто вдвинулъ во внутрь его огромный, тяжелый камень. И когда боль отъ этого ощущенія сдѣлалась нестерпима, онъ и расплакался. Теперь ему самому стыдно стало

своего малодушія и своихъ слезъ. Ему даже теперь неловко, что морщинистая рука няни любовно гладитъ его по лицу. Онъ грубо дернулъ головою, еще болѣе грубо крикнулъ:

— Отстань, нянька!—и рванулся впередъ.

— Ай-ай! Какъ стыдно, мой батюшка! — кротко упрекнула его Матвѣевна. Но Волченокъ даже и не слышалъ этихъ словъ. Все его вниманье, вся его злоба и ненависть обратились теперь на гувернантку.

— А вы ужъ нафискалили, небось—сердито подступилъ онъ къ ней съ горящими гнѣвомъ глазенками.

— Вольдемаръ! Какъ вы смѣете! Что за выраженія у васъ!—возмутилась она.

— Ну, да, нафискалили, конечно, про меня мамѣ. И Жоржъ вамъ помогъ! Ну ужъ ладно, вздую я его когда-нибудь, вашего любимца.

— Молчать! —прикрикнула окончательно выведенная изъ себя гувернантка и топнула ногою.

— Идемъ къ мамѣ! Вы получите должное! — строго заключила она послѣ минутнаго молчанія. И, схвативъ за руку Волченка, стремительно бросилась съ нимъ изъ комнаты. На этотъ разъ Володя не сопротивлялся. Онъ только обдернулъ на себѣ свободной рукой курточку, второпяхъ накинутую на него няней, и со спокойнымъ лицомъ, но съ сильно бьющимся сердцемъ поспѣшилъ за Марьей Васильевной.

III.

Зинаида Вадимовна Хворостина была еще очень молодая и очень красивая женщина съ голубыми глазами и бѣлокурыми волосами, точь въ точь похожая на библейскихъ женщинъ, съ такимъ же кроткимъ лицомъ, которому она иногда тщетно старалась придать строгое, сердитое выраженіе.

И теперь, когда передъ ней предсталъ съ потупленной головой ея старшій мальчуганъ, это кроткое выраженіе, какъ нельзя болѣе вредило тому сердитому тону, которымъ Зинаида Вадимовна обратилась къ своему мальчику.

— Я слышала, что ты себя очень дурно ведешь, Володя!

Володя молчалъ. Онъ упорно теребилъ свободной рукою (правую руку его попрежнему крѣпко держала Марья Васильевна) пуговицы своей куртки и, сердито нахмурившись, смотрѣлъ въ землю.

— Я слышала, что ты былъ дерзокъ съ Марьей Васильевной, что ты... страшно сказать, Вова, что ты... науськивалъ на нее Дамку... Правда? Молчаніе... Только дѣтская грудка дышитъ усиленнѣе, да отъ чрезвычайной трудности положенія Волченокъ начинаетъ чуть слышно сопѣть носомъ.

— Что тутъ спрашивать, я не понимаю, сестра — послышался низкій голосъ изъ угла

комнаты. Волченокъ метнулъ глазами въ ту сторону, откуда раздавался онъ, и увидѣлъ стараго дядю Хворостина, отставного кавалериста, жившаго у нихъ каждое лѣто въ усадьбѣ и очень строго обходившагося съ обоими племянниками.

Жоржа дядя Сергѣй считалъ никуда негодной дѣвчонкой, его, Володю — дикаремъ, котораго надо было обуздывать самыми крутыми мѣрами.

— Что тутъ еще разговаривать съ нимъ много, снова зазвучалъ сердитый голосъ дяди, мальчуганъ пойманъ съ поличнымъ... Травить собаками свою воспитательницу — вина не малая. Онъ долженъ быть наказанъ во что бы то ни стало... Въ мое время съ такими молодчиками расправлялись плетью, но...

— Ахъ, пожалуйста, не говори мнѣ этого, Сережа! — прошептала Зинаида Вадимовна подавленнымъ голосомъ—я никогда не прибѣгну къ такимъ средствамъ въ дѣлѣ воспитанія моихъ мальчиковъ.

— Ну, и выростутъ оболтусами—грубо расхохотался дядя — да не мое это дѣло, не мои дѣти, расправляйся съ ними сама. Знаю одно — былъ-бы живъ твой мужъ, онъ бы показалъ этому мальчугану, что такое за травля собакою... Ну, да ужъ ладно—не мое это дѣло повторяю... А наказать его все-таки совѣтую. Я-бы, не говоря дурного слова, отнялъ бы отъ него

ту госпожу, какъ ее, Дамку что-ли, и подаилъ бы ее тому же лѣснику, который жалуется, что у него нѣтъ порядочной собаки, чтобы оберегать рубку лѣса! Что ты скажешь на это, сестра?

И дядя Сергѣй подошелъ къ креслу, въ которомъ сидѣла Зинаида Вадимовна. Та только молча взглянула на брата.

— Великолѣпно вы это придумали, Сергѣй Вадимовичъ,—вмѣшалась въ разговоръ Марья Васильевна—это будетъ отличное наказаніе для Володи... Онъ любитъ свою Дамку больше всего въ мірѣ и готовъ сдѣлать массу непріятностей другимъ, лишь бы она была подлѣ него...

— Но если Володя извинится передъ вами... вы, надѣюсь, простите его?—произнесла своимъ милымъ голосомъ, обращаясь къ гувернанткѣ Зинаида Вадимовна.

— Да, но я буду настаивать, чтобы все-таки отъ него отняли Дамку, чтобы впослѣдствіи подобное науськиваніе ею не пришло ему снова въ голову!—прозвучалъ снова рѣзкій голосъ Марьи Васильевны.

Волченокъ быстро поднялъ голову. Глаза его двумя раскаленными угольками такъ и впились въ глаза гувернантки. Теперь она была ему болѣе ненавистна, чѣмъ когда либо, эта злая, сухая, черствая Марья Васильевна. Ему невыразимо хотѣлось броситься къ ней, впиться зубами въ ея костлявую, съ синими жилками руку и укусить ее до крови.

— Злая, противная, гадкая! — трепетало все отъ негодованія и злобы внутри его: — отнять отъ меня Дамку... милую мою! — лохматенькую мою! Злючка! Ненавистная! Гадкая!

Ему казалось въ эту минуту, что хуже и злѣе Марьи Васильевны нѣтъ человѣка на свѣтѣ... Сердце его билось быстро и неровно. Румянецъ выступилъ на щекахъ. Глаза горѣли.

И вдругъ голосъ матери разомъ заставилъ его очнуться.

— Слушай, Володя! — произнесла Зинаида Вадимовна, — слушай мальчикъ: если ты хорошенько попросишь сейчасъ прощенія у Маріи Васильевны, Дамка останется у тебя. Если же ты заупрямишься и не постараешься загладить свою вину, мнѣ придется отдать твою собаку лѣснику. Выбирай любое.

Волченокъ вздрогнулъ. Мысль потерять Дамку, которую онъ пріобрѣлъ себѣ крошечнымъ щеночкомъ, и съ которою не разлучался ни на одну минуту, наполнила ужасомъ его сердечко. Онъ даже ознобъ почувствовалъ во всемъ тѣлѣ. Даже руки у него стали холодными, какъ ледъ, а какой-то странный шумъ наполнилъ голову.

— Проси же прощенія, мальчуганъ, и собака твоя останется съ тобою! — послышался грубый голосъ дяди-кавалериста надъ ухомъ Володи. Володя поднялъ голову, вскинулъ глазами въ лицо Марьи Васильевны и, поймавъ въ лицѣ этомъ торжествующее, какъ ему пока-

залось, злорадное выраженіе, весь задрожалъ съ головы до ногъ, упрямо стиснулъ зубы и буркнулъ себѣ подъ носъ:

— Ни за что на свѣтѣ. Берите Дамку!

И тотчасъ же сердце его захлопнулось отъ горя и тоски.

— Проси же прощенія, глупенькій—шепнулъ ему голосъ его матери, гдѣ то совсѣмъ близко отъ него.

— Не хочу! — буркнулъ еще глуше Вова и низко, низко опустилъ голову.

Какъ разъ въ этотъ мигъ кто-то зацарапался у двери и неожиданно въ комнату ворвалась сама Дамка, вся мокрая отъ дождя, грязная и лохматая, и со всѣхъ ногъ кинулась прямо къ Вовѣ. Горячій, влажный языкъ собаки коснулся руки Володи... Умные, кроткіе глаза ея глядѣли добрымъ, ласковымъ взглядомъ на своего маленькаго хозяина. Дамка точно предчувствовала о перемѣнѣ въ ея собачьей долѣ и безъ словъ молила Вову о снисхожденіи.

Потерять Дамку, милую, ласковую, преданную Дамку показалось Вовѣ чудовищнымъ. Онъ вцѣпился рукою въ ея всклокоченную отъ мокроты шерсть и, прижавшись къ своей любимицѣ, смотрѣлъ на нее не отрывая взора. И вдругъ рѣзкій голосъ гувернантки точно разбудилъ его, вернувъ къ дѣйствительности.

— Ну, что же Вольдемаръ? Когда же принесете ваше извиненіе?

Этого было достаточно, чтобы испортить все дѣло. Вова сразу сдѣлался прежнимъ дикимъ, сердитымъ Волченкомъ... Глаза его снова загорѣлись недобрыми огоньками... Онъ оттолкнулъ Дамку, такъ что она завизжала и, зажмуривъ глаза и затыкая уши, прокричалъ на всю залу...

— Берите ее! Отнимайте ее! Мнѣ ее не надо! Никого не надо! Я никого не люблю! Никого!

И со всѣхъ ногъ кинулся вонъ изъ комнаты.

IV.

Между каретнымъ сараемъ и ледникомъ былъ маленькій уголокъ, гдѣ стояла кадка съ водою для поливки сада, и за этой кадкой пріютился Володя.

Онъ убѣжалъ сюда и спрятался здѣсь сейчасъ же послѣ той сцены въ залѣ... Его искали, кликали, звали и въ саду и въ рощѣ, но онъ не отзывался. Никому въ голову не пришло заглянуть сюда, за старую кадку, гдѣ спрятался мальчикъ, и онъ сидѣлъ здѣсь тихій, молчаливый, какъ мышенокъ, скорчившись въ комокъ.

Прибѣжавъ сюда, онъ въ первую минуту ощущалъ одно злое торжество отъ того, что могъ «натянуть носъ Марьѣ», какъ онъ нѣсколько разъ злорадно произнесъ про себя. Несмотря ни на что, онъ все-таки не извинился... Онъ все-таки не далъ торжествовать врагу.

— Молодчина Вовка! пріободрялъ онъ себя,— какъ есть молодчина! восхищался онъ самъ собою.

Но это настроеніе не долго оставалось въ его душѣ. Черезъ полчаса не больше съ минуты своего добровольнаго заключенія въ этомъ уголку онъ увидѣлъ стараго лѣсника, огромнаго человѣка, широкими шагами проходившаго по двору... Потомъ тихій жалобный визгъ Дамки... Сердце Волченка замерло, когда онъ, чуточку высунувшись изъ своего убѣжища, увидѣлъ слѣдующую картину:

У кухоннаго крыльца собрались люди. Тутъ былъ и кучеръ Игнатъ, и горничная Мариша, и толстая кухарка Афрося, и няня Аринушка, словомъ,—всѣ. Петръ, выѣздной лакей, мужъ Мариши, привязывалъ веревку къ ошейнику Дамки. Дамка не давалась, крутила головою и жалобно визжала, словно предчувствуя бѣду. Но вотъ Петру удалось навязать веревку, лѣсникъ Иванъ взялся за конецъ ея и потащилъ на ней Дамку. Дамка визжала. Вова зажалъ уши пальцами и, тяжко дыша, кинулся на землю за кадкой. Его маленькое сердечко рвалось на клочки.

— Дамка! Дамка! Милая моя! Единственный мой другъ! Дамочка! Лохматенькая моя! Судорожно всхлипывалъ онъ въ то время, какъ глаза его были сухи и ни одна слезинка не повисла на длинныхъ рѣсницахъ.

Когда Вова разжалъ уши и поднялся на ноги, Иванъ и Дамка были уже далеко.

Вова сразу почувствовалъ себя несчастнымъ и одинокимъ.

Никто, никто не любитъ меня! Никому я не нуженъ! Никому! Никому!—произнесъ мальчикъ, и острая жалость къ самому себѣ наполнила все его существо. Вова совсѣмъ забылъ въ эти минуты, что онъ самъ и никто другой не былъ виноватъ въ томъ, что къ нему относились далеко не такъ, какъ къ Жоржу.

У Вовы былъ тяжелый характеръ. Самолюбивый и себялюбивый до крайности, онъ не переносилъ противорѣчій. Ему постоянно хотѣлось, чтобы всѣ дѣлали все по его желанію. Кромѣ того, онъ былъ дикъ и непокоренъ отъ природы. Это была полная противоположность кроткому и покладистому Жоржу.

Еще была одна исключительная черта въ характерѣ Вовы. Онъ любилъ проявлять какое то удальство и молодечество. Вова любилъ читать и читалъ безъ разбору все, что ему не попадалось подъ руку. Обрывки сказокъ, фантастическихъ повѣстей и приключеній, все это перепуталось въ головѣ нервнаго, впечатлительнаго мальчика, и онъ сталъ смѣшивать дѣйствительность съ вымысломъ. Онъ поминутно воображалъ себя какимъ-то сказочнымъ героемъ. Любилъ похвалиться удалью, умышленно избѣгалъ дѣтскаго общества и точно стыдился ласки матери и брата.

Проявлять хорошія чувства ему казалось позорнымъ малодушіемъ, и онъ былъ умышленно грубъ со всѣми. Только съ одною Дамкой онъ

велъ себя не какъ сказочный богатырь, не какъ фантастическій вояка, а какъ добрый хозяинъ и милый заботливый Вова.

И вотъ онъ лишился Дамки, лишился по своей винѣ, конечно, но не хотѣлъ признаться въ этомъ.

Было уже темно, когда Вова, надумавшись и настрадавшись вдоволь, осторожно, крадучись, пробрался въ свою комнату.

Тамъ по прежнему тихо и ласково мерцала лампада передъ ликами святыхъ угодниковъ. Въ коридорѣ на сундукѣ укладывалась спать няня. Жоржъ лежалъ весь бѣленькій, какъ голубокъ въ своей постелькѣ.

— Гдѣ ты былъ, Вова?—тихо окликнулъ онъ брата, когда тотъ, все еще крадучись, пробирался къ своей кровати.

— Не твое дѣло... Отвяжись, пожалуйста!—огрызнулся Вова и сталъ поспѣшно раздѣваться, грубо срывая съ себя принадлежности своего костюма и небрежно разбрасывая ихъ во всѣ стороны вокругъ своей постели.

Жоржикъ приподнялся съ подушки и произнесъ еще болѣе кроткимъ голосомъ:

— Милый Вова! мнѣ очень жаль тебя... Тебѣ должно быть очень тяжело... что... отъ тебя отняли Дамку... но... но милый Вова... я завтра же попрошу маму... Она согласится... непремѣнно согласится вернуть тебѣ ее!

— Разумѣется согласится!—грубо разсмѣ-

ялся Волченокъ—вѣдь ты не я... Вѣдь только меня можно наказывать и бранить... А тебя ласкаютъ, тебя любятъ... ты не то, что я... ты любимчикъ! И очень радъ... и никого мнѣ не надо... И оставь меня въ покоѣ... я знать тебя не хочу.

И далеко отшвырнувъ отъ себя сапоги, такъ что они съ грохотомъ толкнулись о дверь, Вова бросился въ постель, съ головою укутался въ одѣяло, зарылся въ подушкахъ и весь предался отчаянію и злости, которыя наперерывъ клокотали въ немъ.

Онъ лежалъ весь потный, задыхаясь отъ жары и духоты подъ своимъ одѣяломъ съ часъ или больше, пока, наконецъ, не выглянулъ изъ своего убѣжища.

Жоржъ давно спалъ, подсунувъ ручонку подъ голову... Вова чутко прислушался... До его слуха долетѣлъ звукъ шаговъ по коридору.

— Это мама идетъ крестить насъ! мелькнула быстрая мысль въ головѣ мальчика. И вдругъ въ его сердцѣ зазвучала недобрая нотка по отношенію къ матери.

— Мама не любитъ меня! Мама любитъ Жоржа!—размышлялъ онъ.—Мама никогда не любила меня! Я ея нелюбимый сынъ. Я волченокъ. Она позволила этой глупой дурѣ Марьѣ отнять отъ меня мою Дамку. Значитъ, она хотѣла причинить мнѣ боль... А кого любишь, тому боли не причиняешь. (Вова совершенно

позабылъ въ эту минуту, что самъ онъ хотя и любилъ мать, но причинялъ ей поминутно всяческое нравственное горе)—значитъ, если со мной и случится что-нибудь—мама не огорчится даже. Вѣдь не огорчилась-же она, что я не обѣдалъ сегодня... Что меня искали и не могли найти... Значитъ, если я умру или исчезну навсегда, она не будетъ страдать и плакать... Она скоро забудетъ меня! Умеръ Волченокъ и нѣтъ Волченка! Бѣдный Володя! Бѣдный Володя! Никому ты не нуженъ! Никому, никому... А если не нуженъ такъ и уйди отсюда. Или не уйди, а испугай ихъ хорошенько! Возьми спрячься куда-нибудь! Какъ-будто тебя нѣтъ здѣсь. Какъ будто ты убѣжалъ изъ дому или тебя украли акробаты, какъ того мальчика изъ повѣсти... Вотъ-то испугается мама! И Марья—вѣдьма! И злющій дядя, у котораго давно-давно чешутся руки высѣчь его—Вову, и любимчикъ Жоржъ! Вотъ то суматоха поднимется въ домѣ! А интересно. Очень интересно будетъ взглянуть со стороны на все это представленіе! Могу себѣ представить! Всѣмъ достанется на орѣхи! Будутъ знать, что значитъ наказывать бѣднаго Володю!

И, недолго думая, мальчикъ съ быстротою молніи соскочилъ съ постели, подобралъ принадлежности своего костюма съ полу, кое-какъ нацѣпилъ на себя курточку и штанишки, натянулъ сапоги, и наскоро застлавъ постель, юрк-

Къ разсказу Волченокъ.

нулъ подъ кровать, чуту дыша, притаившись подъ нею. Минуту спустя Зинаида Вадимовна вошла въ комнату.

Она была въ легкомъ ночномъ пенюарѣ со спущенной, какъ у дѣвушки, косой. Изъ своей засады Вова могъ разсмотрѣть, какъ слѣдуетъ, ея лицо. И никогда его мать не казалась ему такой красавицей, какъ сегодня. Только лицо ея было грустно, очень грустно.. Такого грустнаго лица Вова ннкогда не видѣлъ у своей мамы.

Но странно. Мальчикъ не ощущалъ никакого сожалѣнія къ матери въ эти минуты.

— Ага, ты грустна, потому что наказала меня,—подумалъ онъ злорадно. Каково же мнѣ было потерять Дамку, и что я долженъ перечувствовать!

Зинаида Вадимовна подошла къ постели Жоржа, быстро, неслышно склонилась надъ нимъ и коснулась его лба губами. Потомъ быстро повернулась къ постели Володи, и внезапная тревога отразилась на ея красивомъ лицѣ.

— Гдѣ Вова—чуть слышно произнесли ея губы.

— Няня! Гдѣ Вова?—еще разъ уже значительно громче прежняго произнесла она.

Радостная дрожь пробѣжала по тѣлу Волченка... Онъ скорчился подъ постелью и боялся дышать, двинуться, шелохнуться, чтобы какъ нибудь не обнаружить своего присутствія.

Вошла заспанная няня и взволнованнымъ голосомъ спросила—что такое? Что случилось, матушка?

— Вова пропалъ. Нѣту Вовы!—произнесла вся блѣдная, какъ смерть, Зинаида Вадимовна.

Жоржикъ проснулся какъ разъ въ эту минуту.

— Ты не знаешь, гдѣ Вова?—кинулись къ нему сразу няня и мать.

Жоржикъ былъ несказанно удивленъ этому вопросу.

— Какъ гдѣ Вова? Да Вова преспокойно спитъ въ своей постели!—произнесъ онъ и вдругъ, кинувъ взоръ на эту постель, добавилъ совсѣмъ уже инымъ голосомъ и тономъ:

— Да куда жъ онъ дѣлся? Вѣдь онъ еще недавно разговаривалъ со мною. Но его уже не слушали. И мать и няня бросились изъ комнаты. Ихъ голоса зазвучали въ коридорѣ, въ гостиной, въ залѣ.

— Вова! Гдѣ ты, Вова! Вова! Вова! Вскорѣ весь домъ наполнился этими криками. И Жоржъ, зараженный общей тревогой, наскоро одѣлся и тоже присоединился къ искавшимъ брата.

Волченокъ осторожно выползъ изъ своей засады. Лицо его было блѣдно отъ возбужденія. Глаза горѣли.

Онъ былъ доволенъ. Онъ отомстилъ какъ слѣдуетъ. Долго будутъ помнить. Онъ уже готовился раздѣться и лечь въ постель, какъ не-

ожиданно голоса за дверью привлекли его вниманіе.

— Отвратительный мальчишка — говорила, жалуясь кому-то Мариша, горничная его матери,—сущій Волченокъ, какъ есть Волченокъ... Прости, Господи! Такъ и норовитъ начудить что-нибудь. Дикій какой-то... Дома ему што-ли худо живется... все изъ дому глядитъ...—а здѣсь что не по немъ, такъ и рветъ, такъ и мечетъ. И не видать, что баринъ—звѣрюшка какая-то, сущая, прости, Господи, животная... А штановъ то нарветъ сколько да курточекъ... Сиди съ ними всю ночь да штопай! Нѣтъ силъ больше съ такимъ-то... Ну, а теперь пропалъ еще... Ищи его всю ночь такого-то! Тутъ за день умаялся съ работой, а вотъ не угодно-ли бѣгай за нимъ, высуня языкъ...

— Да, ужъ наградилъ Господь, послалъ сокровище-сынка нашей барынѣ...—произнесъ другой голосъ, принадлежащій кухаркѣ Агафьѣ.

— Ужъ пускай, коли пропалъ, такъ и не возвращался-бы, а то опять надѣлаетъ дѣловъ! Возись съ нимъ...—снова съ какимъ то ожесточеніемъ произнесла Мариша.

— Что-ты, что-ты, рехнулась дѣвушка!—испуганно произнесла кухарка—бѣда будетъ, коли услышитъ барыня.

Вѣдь барское дитё. Не дай Богъ, что случится...

— А пущай случится... Моченьки нѣтъ! На-

доѣлъ онъ намъ! Отъ его шалостей да продѣлокъ свѣта не взвидишь. Намеднись я рукавчики барынѣ гладила, торопилась, а онъ то, Волченокъ, подкрался, схватилъ да и удралъ съ ними то... Цѣлый часъ я ихъ по саду искала... Что-жъ вы думаете: на яблоню закинулъ, милые вы мои!

— Это что... на яблоню! Онъ мнѣ въ сливки, что для крема приготовлены были, мертвую лягушку кинулъ... А тутъ еще мамзелю собакой затравилъ.

— Злодѣй! сущій волченокъ—заохала Мариша,—ну, куды ужъ жалѣть такого-то... Наказанье какое!.. Пропалъ бы на время и то ладно! По крайности-бы передохнули-бы!

Вова слышалъ этотъ разговоръ отъ слова до слова. Злоба, горечь, желчь, негодованіе—все это разомъ наполнило существо мальчика.

Онъ забылъ въ эти минуты, что Мариша и ея собесѣдница были правы, а думалъ только одно:—Вотъ какъ! Такъ вотъ вы какіе! Хотите избавиться отъ меня... Хорошо же! хорошо! Доставлю я вамъ это удовольствіе, непремѣнно доставлю! Будьте довольны! Убѣгу отъ васъ всѣхъ!.. Да, убѣгу. Буду скитаться по дорогамъ, пока не встрѣчу какого нибудь бродячаго музыканта, и буду ходить за его шарманкой... Онъ будетъ водить меня по дорогамъ и селамъ, а я буду распѣвать пѣсенки, и проживемъ отлично! Не будетъ вамъ Вовы Хворостина, всѣмъ

ненавистнаго Волченка, а будетъ странствующій пѣвецъ—шарманщикъ, котораго не любили, не цѣнили дома и который ушелъ изъ дому, гдѣ его не цѣнили и не любили. Да!

Эта мысль такъ прочно запала въ голову Вовы, что онъ уже не раздумывалъ больше.

Гдѣ то по близости снова зазвучали голоса Марьи Васильевны, дяди, мамы... Особенно взволнованно прозвучалъ голосъ мамы.

— Надо послать людей въ рощу, въ лѣсъ, въ деревню... А можетъ быть онъ у лѣсника, въ сторожкѣ, побѣжалъ провѣдать Дамку...— дрожащимъ голосомъ говорила Зинаида Вадимовна.—Сейчасъ же бѣгите къ лѣснику и приведите его сюда вмѣстѣ съ собакой... Непремѣнно верните Дамку домой, даже если бы и не нашли съ нею Вовы... Бѣдному мальчику это наказаніе было не подъ силу!

Сердечко Волченка дрогнуло отъ этихъ словъ.

— Мамочка милая! пожалѣла меня мамочка!—вихремъ пронеслось у него въ мысляхъ, и на минуту ему захотѣлось кинуться къ матери, прижаться къ ней и вылить передъ нею всю свою капризную дѣтскую душу. Но только на минуту... Въ слѣдующее же мгновенье мысли Вовы приняли другой оборотъ.

— А все-таки меня не любятъ дома, все-таки считаютъ злюкою, волченкомъ, несноснымъ мальчишкой... Все-таки хотятъ, чтобы я избавилъ хоть на время отъ своего присутствія. Ну

да, ну да! И наказываютъ... отняли Дамку... не любятъ нисколько... Жоржа любятъ, а не меня, не меня! Хорошо же!

И съ быстротою молніи онъ бросился къ окну, распахнулъ его и въ слѣдующее же мгновенье очутился въ саду, утонувшемъ въ темнотѣ поздней іюльской ночи.

V.

Голоса въ домѣ утихли... садъ погрузился въ безпробудное молчаніе... Люди, очевидно разосланные во всѣ стороны, бросились на поиски Волченка.

А Волченокъ преспокойно шагалъ въ темнотѣ ночи, не видя ни зги передъ собою, ощупью прокладывая себѣ дорогу. Теперь онъ уже твердо зналъ, что ему дѣлать. Домой онъ не вернется.

Не вернется ни за что. Онъ долженъ встрѣтить странствующаго шарманщика и уйти съ нимъ далеко, далеко. Онъ читалъ въ одной повѣсти, какъ сирота-малышъ попалъ къ такому музыканту и какъ они ходили по свѣту...

Правда, тотъ мальчикъ былъ сирота... А онъ, Волченокъ, не сирота... у него есть мама, братъ, дядя... Но что въ томъ толку, если мама, не любитъ его, Вову? Если мама любитъ Жоржа, а не его?

Что-то внутри говорило Волченку, что онъ не правъ. Что его мать горячо привязана къ нему, что она постоянно пробуетъ приласкать

его, но онъ грубо отдѣлывается отъ этихъ ласкъ, стыдясь ихъ, находя, что эти нѣжности хороши только для дѣвчонокъ или для такихъ молодчиковъ-нюнь, какъ Жоржъ.

Итакъ, онъ долженъ доказать всѣмъ имъ своимъ уходомъ, что его не оцѣнили дома, что его не любили, и что поэтому онъ нашелъ свою судьбу.

Ему конечно жаль маму... жаль няню, жаль того же Жоржа... но... они утѣшатся очень скоро и забудутъ его.

Да, забудутъ, потому что у нихъ есть умникъ Жоржъ, котораго всѣ любятъ въ ущербъ ему, Володѣ.

Бѣдный Володя! Бѣдный Володя! Какъ тяжело ему живется на свѣтѣ Божіемъ!

И бѣдный Володя зашагалъ въ темнотѣ ночи, ничего не видя передъ собою...

Постепенно голоса, звучавшіе въ домѣ и на дворѣ, затихали. Яркіе огоньки родной усадьбы все отдалялись и отдалялись отъ него. Поминутно цѣпкія вѣтви кустарниковъ удерживали его за платье... Онъ натыкался на кусты и деревья и все-таки шелъ, все шелъ, съ трудомъ пробивая себѣ дорогу во тьмѣ. Ноги его промокли отъ ночной росы, колючій холодокъ и сырость пронизывали насквозь. Голова ныла... Онъ весь дрожалъ отъ сырости, холода и волненія и все-таки медленно, но упорно подвигался впередъ.

Что-то зашумѣло, зашуршало вокругъ него... Вова вздрогнулъ, остановился...

— Это лѣсъ. Я въ лѣсу!—произнесъ онъ самому себѣ, и снова пустился въ путь. Теперь онъ шелъ поминутно натыкаясь на стволы деревьевъ, ударяясь о нихъ то головой, то руками и выбиваясь съ каждой минутой изъ силъ.

Куда ни толкнется—всюду на его пути словно изъ-подъ земли выростаютъ деревья-великаны, и всюду онъ сталкивается съ ними.

Теперь въ этомъ путешествіи по темному лѣсу Вова совершенно потерялъ представленіе о времени и о мѣстѣ.

Наконецъ, окончательно выбившись изъ силъ, онъ упалъ на сырую траву и заплакалъ... Ему было безконечно жаль самого себя... Онъ не думалъ ни о комъ, кромѣ себя... Онъ считалъ себя непонятымъ дикаремъ, который принужденъ былъ поступить именно такъ, какъ поступилъ онъ, Володя.

— Я дикарь! Я волченокъ!—повторялъ онъ, вспоминая и всячески растравляя себя—никто, никто не любитъ меня. Всѣ любятъ Жоржа... Жоржъ маминъ любимчикъ... И если бы пропалъ Жоржъ, мама умерла бы съ горя, а о Волченкѣ она и не думаетъ грустить...

И пускай, если такъ... И уйдетъ Волченокъ навсегда, уйдетъ ото всѣхъ. И снова злое, нехорошее чувство причинить боль другимъ заговорило въ Володѣ. Онъ быстро поднялся,

утеръ слезы и снова пустился въ путь. Но что это? Лѣсъ точно порѣдѣлъ какъ будто... Деревья словно уступали ему дорогу... По крайней мѣрѣ они не попадались ему такъ назойливо на пути. Прошло еще нѣкоторое время, и вдругъ между ними замелькали огоньки... Володя весь встрепенулся.

— Чья-нибудь усадьба!—произнесъ онъ мысленно... Или Войтовыхъ, или Извакиныхъ — нашихъ сосѣдей. Бѣда, если они меня замѣтятъ... Сейчасъ же отправятъ домой къ мамѣ... Лучше проберусь въ какой-нибудь сарай и пережду тамъ ночное время... А можетъ быть и засну на сѣнѣ... А завтра въ путь, куда глаза глядятъ... Только интересно было бы узнать, чья это усадьба?

И крадучись, какъ кошка, Володя осторожно пробрался къ освѣщеннымъ окнамъ и вдругъ чуть не вскрикнулъ отъ удивленія и испуга.

Эта усадьба была ихъ!

Онъ, стало быть, проплуталъ, благодаря темнотѣ, поблизости, какъ въ заколдованномъ кругу, и очутился снова на томъ же мѣстѣ. Въ одну минуту сообразивъ это, Волченокъ быстро метнулся въ сторону, намѣреваясь бѣжать отсюда, какъ вдругъ одно изъ оконъ нижняго этажа широко распахнулось, и въ немъ появилась фигура женщины.

— Мама! — точно что по сердцу ударило Володю при видѣ нея.

Да, мама...—Но что сталось съ нею?

Свѣтъ лампы, стоявшей на столѣ у окна, ярко озарялъ ея лицо. Оно было покрыто тою мертвенно-темною блѣдностью, которая бываетъ только у покойниковъ. Глаза Зинаиды Вадимовны, округленные темными кругами, странно горѣли. Вся она разомъ осунулась и казалась постарѣвшею на нѣсколько лѣтъ.

— Что съ мамой?— болѣзненно отозвалось въ душѣ Вовы—почему она такъ перемѣнилась... Не случилось-ли чего съ Жоржемъ?— мелькали въ умѣ мальчика смутныя догадки...

И вдругъ лицо Зинаиды Вадимовны приняло какое-то странное, выжидающее выраженіе... Она насторожилась вся, словно прислушиваясь... Володя вытянулъ шею и увидѣлъ стараго кучера Никиту, вошедшаго въ комнату...

Его мать съ быстротою маленькой дѣвочки бросилась къ нему навстрѣчу.

— Нашли Володю? - вырвалось у нея изъ груди полнымъ надежды и страха голосомъ.

— Нигдѣ нѣтъ... всюду искали матушка-барыня!—былъ короткій отвѣтъ.

И тутъ Володя увидѣлъ то, чего никогда не думалъ увидѣть...

Его мама махнула рукой Никитѣ, и когда тотъ скрылся за дверью, она, шатаясь, приблизилась къ окну и въ изнеможеніи прислонилась къ косяку его.

Ужасъ, горе, мука и отчаяніе отразились на

ея лицѣ съ такой силой, что Володѣ стало жутко за мать. Она протянула руки въ темноту ночи, губы ея раскрылись и ни то стонъ, ни то вопль вырвался изъ этихъ блѣдныхъ, трепещущихъ губъ.

— Володя... Володечка...—роняли эти бѣдныя, дорогія губы—вернись Володечка! Милый мой! родной мой! Голубчикъ... Спаси меня... Господи! Отдай мнѣ его обратно: я умру съ горя... Не испытывай меня, Господи!

Зинаида Вадимовна подняла руки къ небу... тихо вскрикнула и съ глухимъ судорожнымъ рыданьемъ опустилась головой на подоконникъ.

Что-то необъяснимое произошло при видѣ этихъ слезъ въ душѣ Володи... Слова мамы точно вонзились ему въ сердце. Острая жгучая жалость и мучительное раскаяніе сразу нахлынули на него. Горячая любовь къ матери вспыхнула въ немъ съ новой силой.

— Мама меня любитъ! Мама обо мнѣ тоскуетъ! Мамѣ я дорогъ не меньше Жоржа. А я гадкій! гадкій! злой! трепетали безсознательно губы мальчика, и Вова въ два прыжка очутился у окна, вскочилъ на подоконникъ, спрыгнулъ въ комнату и, рыдая навзрыдъ, упалъ къ ногамъ матери.

— Мама! мама!—лепеталъ онъ, дрожа какъ въ лихорадкѣ—я здѣсь! Я не ушелъ! Я съ тобою, мама! Я люблю тебя! Я злой! гадкій, только я люблю тебя! Прости! Прости!

При первыхъ же звукахъ дѣтскаго голоса Зинаида Вадимовна подняла голову... Точно не вѣря своимъ глазамъ, окинула она всю фигуру Володи долгимъ неподдающимся описанію взглядомъ и съ мучительнымъ радостнымъ крикомъ прижала его къ своему сильно бьющемуся сердцу.

— Володечка! мальчикъ мой! родной мой! голубчикъ мой! радость моя! Нашелся! Нашелся мой Володечка! лепетала она какъ безумная, покрывая лицо, руки и платье сына градомъ изступленныхъ поцѣлуевъ. И то отстраняла его отъ себя, какъ бы желая убѣдиться, что онъ вернулся, что онъ тутъ, что онъ съ нею, то снова прижимала его къ груди, цѣлуя и плача.

Володѣ не надо было спрашивать, простила ли его мама... По лицу мамы было видно, что она пережила за эту страшную ночь. Не надо было и убѣждаться Володѣ въ томъ, что мама любитъ его такъ же, какъ и Жоржа.

Горе мамы служило доказательствомъ этому.

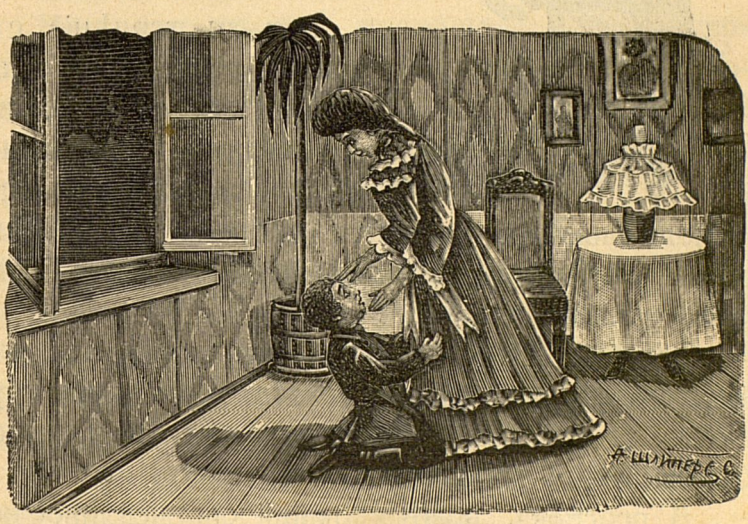
Володя ошибся... Володя былъ несправедливъ къ его мамѣ...

Но не только одна мама была внѣ себя отъ счастья, но и всѣ домашніе, собравшіеся въ столовой при первой же вѣсти, что Володя нашелся, сіяли и улыбались, даже горничная Мариша, ничего было не имѣвшая противъ исчезновенія Волченка, теперь радостно улыбалась ему своимъ круглымъ добрымъ лицомъ. А Марья

Васильевна только тихо заплакала при видѣ своего найденнаго воспитанника, не говоря уже о нянѣ, Жоржѣ и дядѣ-кавалеристѣ. Володя ни одного слова упрека ни отъ кого не услышалъ. Всѣ ласкали его на перебой.

И Вова все понялъ сразу. Понялъ, что не другіе, а онъ самъ былъ виновникъ всеобщаго къ себѣ нерасположенія. Понялъ, что самъ же отталкивалъ всѣхъ отъ себя своимъ рѣзкимъ характеромъ и дикимъ нравомъ. И тутъ-же Володя далъ себѣ торжественное слово не быть дикимъ волченкомъ больше.

И онъ свято сдержалъ его.



„Мальчишка“.

Ну, есть-ли терпѣніе съ этимъ ребенкомъ. Царица Небесная, не за грѣхи-ли онъ посланъ мнѣ! — восклицала съ неподдѣльнымъ ужасомъ добрая тетушка Агнія, тряся разноцвѣтными лентами своего бѣлаго чепца.

Тетукша Агнія, обыкновенно тихая и кроткая, съ утра до вечера занятая плетеніемъ кружевъ, теперь просто ходуномъ-ходитъ отъ шалостей этого ребенка.

А ребенокъ, возбуждающій справедливое негодованіе доброй тетушки, или, вѣрнѣе, смуглая, черноглазая и черноволосая Женни, уже болѣе получаса гоняется за поросятами по двору. Ей,

кажется, доставляетъ невообразимое удовольствіе мучить бѣдныхъ животныхъ, предварительно спугнувъ ихъ внезапнымъ нападеніемъ.

— И глупая собака Сѣрко туда-же!.. Носится съ оглушительнымъ лаемъ. Чудный примѣръ подаетъ ему Женни! Ну, и племянница! Есть-ли терпѣніе съ нею? Мальчишка, настоящій мальчишка!

Бѣлый чепецъ тетушки грозитъ свалиться съ головы. Разноцвѣтныя ленты развѣваются вокругъ раскраснѣвшагося лица, на которомъ застыло выраженіе недоумѣнія, ужаснаго недоумѣнія...

Бѣдная тетушка Агнія!

Вотъ уже 20 лѣтъ проживала она въ своемъ маленькомъ имѣніи Курской губерніи, надѣясь провести мирно и тихо остатокъ дней своихъ, какъ вдругъ неожиданное письмо отъ брата вверхъ дномъ перевернуло всю жизнь доброй тетушки.

Ея братъ, большой любитель путешествій, проводившій все свое время въ поѣздкахъ, письменно просилъ ее взять изъ института на лѣтніе каникулы его сиротку дочку и пріютить ее до времени у себя въ имѣніи.

И при всемъ томъ прилагались деньги на все необходимое для дѣвочки...

Дѣвочка какъ громъ небесный свалилась неожиданно на голову тетушки. Тетушка положительно лишилась сна и аппетита, не явив-

шихся и съ пріѣздомъ Женни, оказавшейся какимъ-то мальчишкой, съ рѣзкими манерами и звонкимъ голосъ. По мнѣнію тетушки она была даже не красива... даже дурна... положительно дурна собою... Глаза черные, черные какъ черешни, съ круглыми изсиня-бѣлыми бѣлками, зубы острые, какъ у волченка, и ротъ крупный, яркій, смѣющійся... Ну, прямо-таки неприличный ротъ для барышни!

Однимъ словомъ, цыганка, совсѣмъ цыганка... И при этомъ какая-то необузданность, стремительность и вѣчное, неумѣстное веселье... И это барышня! Но, Боже мой, чему же ихъ учили въ институтѣ? Скромность—первая наука, по мнѣнію тетушки Агніи, а Женни настоящій мальчишка. О, когда она, тетушка, была молоденькой барышней, могла-ли она скакать по полямъ на лошади, безъ сѣдла, верхомъ (о, ужасъ!), вцѣпившись руками въ гриву, какъ это дѣлаетъ Женни, или цѣлыми часами гоняться по двору съ собаками, испуская дикіе крики.

Тетушка почти задыхается отъ прилива негодованія, ленты пляшутъ дикій танецъ вокругъ ея раскраснѣвшагося, какъ макъ, лица...

И сегодня, какъ на-зло, сегодня Женни хуже обыкновеннаго, а она, тетушка, такъ разсчитывала на то, что сегодня то ужъ Женни будетъ лучше, тише и благопристойнѣе. Сегодня тетушка ждала гостя. Гости рѣдко появлялись

въ ихъ тихомъ уголку и когда ожидали гостей. тетушка весь домъ вверхъ дномъ переворачивала.

Сегодня долженъ былъ быть въ первый разъ въ домѣ тетушки новый докторъ,—назначенный недавно изъ Петербурга—въ деревню. Докторъ зналъ отца Женни и считался его пріятелемъ; поэтому тетушки хотѣлось, чтобы Женни произвела на доктора хорошее впечатлѣніе, какъ и полагается вполнѣ благовоспитанной барышнѣ. Тетушка и сама принарядилась для такого почетнаго гостя, надѣла новый чепецъ съ яркими лентами, который едва могъ держаться на ея макушкѣ.

Балконная дверь распахнулась съ грохотомъ и шумомъ... Ну, не мальчишка-ли это? Волосы спутаны... Глаза, какъ у разбойника!

— Что съ тобою?—въ ужасѣ восклицаетъ тетушка.

Женни смотритъ въ недоумѣніи. Что съ нею? Голова на мѣстѣ, руки и ноги тоже.

— Сударыня, не угодно-ли вамъ привести себя въ порядокъ,—дрожа отъ негодованія, говоритъ тетушка,—да посидите часъ спокойно на мѣстѣ, у насъ будутъ гости!

— Ужъ не докторъ-ли, о которомъ вы говорили, тетушка?—догадывается она.

— Именно докторъ, сударыня.

— Но я-же здорова, да и вы, тетушка.

О, эта глупышка! Она воображаетъ, что докторъ долженъ только лѣчить.

Тѣмъ не менѣе тетушка собираетъ все свое мужество и читаетъ наставленіе Женни, какъ надо держать себя.

Подъ окномъ захрустѣлъ песокъ, мелькнула сѣрая шляпа.... Тетушка машинально оправляетъ чепецъ и дѣлаетъ Женни отчаянные знаки уйти.

Но Женни и не думаетъ слушаться. Она впивается любопытными глазами въ пожилого человѣка съ загорѣлымъ лицомъ и коротко подстриженной сѣдой бородкой. Онъ, въ свою очередь, несказанно пораженъ видомъ дѣвочки, растрепанной, смуглой и красной, какъ ракъ.

— Левъ Александровичъ Брянскій,—представляется докторъ тетушкѣ.

Та хочетъ познакомить его съ Женни... Но, о, ужасъ! Женни уже нѣтъ на прежнемъ мѣстѣ!

Ѳекла! Ѳекла!—неистово кричитъ тетушка,—позовите барышню, скажите, чтобы шла сейчасъ.

Бѣдная тетушка! Она не воспитывалась въ институтѣ и сдѣлала промахъ въ томъ, что такъ громко закричала при гостѣ.

А Женни уже стоитъ въ дверяхъ, чинная и приглаженная; около нея Сѣрко. Спокойно подаетъ она доктору свою тоненькую, смуглую ручку.

Онъ разспрашиваетъ ее о деревнѣ, о поляхъ, о Сѣрко. Она отвѣчаетъ совсѣмъ, какъ подобаетъ барышнѣ, учащейся въ институтѣ.

Тетушка успокаивается. По лицу ея расползается довольная улыбка... Докторъ заводитъ рѣчь объ институтѣ.

— О, она великолѣпно училась,—неожиданно восклицаетъ тетушка (не ученая лѣнтяйка, по ея мнѣнію, не можетъ никому понравиться),— великолѣпно, особенно по Закону Божьему... Сколько тебѣ было по Закону, Женни?

— Пять.

И цыганскіе глаза Женни шаловливо искрятся.

— Ну, да, у нихъ пяти-бальная система,— поясняетъ довольная тетушка.

— Нѣтъ,— неожиданно заявляетъ Женни,— при двѣнадцати-бальной—пять, и изъ русскаго пять, а изъ исторіи три, и изъ географіи три, а тамъ все колы, колы, колы...— и глаза уже совсѣмъ смѣются.

Боже мой, что сталось съ этимъ ребенкомъ? Тетушка какъ на иголкахъ и поминутно мѣняется въ лицѣ. Даже докторъ смутился. Женни уже не остановить никакими силами. Она хохочетъ, какъ мальчишка, ужасно разѣвая ротъ, точно забавляясь мученіями тетушки... Одинъ Сѣрко сочувствуетъ ей, умильно вертитъ хвостомъ и заглядываетъ въ лицо.

Докторъ сталъ прощаться.

Женни присмирѣла на минуту и стала снова «барышней», но только на минуту... Какъ-только сѣрая шляпа скрылась за изгородью сада,

Женни неистово захохотала, Сѣрко залаялъ, оба съ шумомъ помчались въ садъ и пошла потѣха!

Тетушка только зажала уши и поспѣшила въ кухню жаловаться Θеклѣ.

Бѣдная тетушка Агнія!

Докторъ не приходилъ больше къ тетушкѣ и Женни. Подошли Петровки,—начались сѣнокосы, Женни цѣлые дни проводила въ лугахъ и тетушка могла отдохнуть душою.

Какъ-то вечеромъ докторъ вышелъ прогуляться по лѣсу и у самой опушки встрѣтился съ Женни, сопровождаемой Сѣрко... Она шла медленно, какъ бы усталая, теребя уши своего мохнатаго друга.

— Здравствуйте, милая барышня! — произнесъ онъ.

— Ахъ!.. — вздрогнула дѣвочка отъ неожиданности.

Раздается оглушительный лай Сѣрко.

— Здравствуйте... тубо!.. Сѣрко... глупый, чего надрываешься... вѣдь знакомый.

Они идутъ рядомъ, нѣкоторое время молча. Докторъ прерываетъ молчаніе:

— Хорошо... вечеръ славный... Вы гуляли?

— Нѣтъ... да... — путается Женни и ужасно краснѣетъ.

Докторъ видитъ ея смущеніе и очень удивляется.

— Она вѣрно скрываетъ какую нибудь ша-

лость... Удивительная проказница-дѣвочка! — мелькаетъ въ его головѣ. Женни все еще смущена. Чтобы какъ нибудь дать ей оправиться, докторъ спрашиваетъ:

— Какъ поживаетъ тетушка?

— Ворчитъ на меня по обыкновенію: «Мальчишка, совсѣмъ мальчишка!»—говоритъ Женни и, сморщивъ личико, дѣлается замѣчательно похожей на добрую тетушку.

Докторъ неудержимо смѣется.

— Какая вы славная дѣвочка, — говоритъ онъ, невольно любуясь веселымъ ребенкомъ.

Тетушка пріятно поражена, увидя Женни умницей.

Къ довершенію благополучія, Женни разливаетъ чай. Этого еще никогда не было. Тетушка счастлива, тетушка ликуетъ... Нужды нѣтъ, что Сѣрко положилъ морду на чистую скатерть и обнюхиваетъ маслянку, что крышка отъ чайника летитъ на полъ изъ неловкихъ рукъ Женни и бьется вдребезги, что чай, наконецъ, перекипѣлъ на самоварѣ и отдаетъ вѣникомъ,—Женни мила, предупредительна, скромна, чего-же больше? Тетушка довольна... Добрая тетушка!..

Встрѣча съ Женни у опушки лѣса и ея смущеніе очень удивили доктора. Онъ далъ слово отцу Женни писать ему все, что касалось дѣвочки... Что Женни веселая хохотушка, проказница и шалунья—это не могло огорчить ея отца, но что она способна на какую нибудь злую

шалость, которую хочетъ скрыть отъ тетушки и его—друга ея отца,—это не нравилось доктору.

Онъ рѣшилъ узнать, зачѣмъ ходитъ въ лѣсъ Женни и на другой же день пошелъ въ тотъ же часъ, какъ и наканунѣ, къ лѣсной опушкѣ, въ надеждѣ встрѣтить тамъ Женни.

И докторъ не ошибся.

Она выходила изъ лѣса въ обществѣ Сѣрко.

— Зачѣмъ вы были въ лѣсу?—спросилъ онъ дѣвочку.

Женни испуганно подняла глаза. И снова покраснѣла.

— Ахъ... не спрашивайте, я не могу сказать... И пожалуйста не говорите тетушкѣ о томъ, что встрѣтили меня, - произнесла она тихо.

— Нѣтъ, тутъ что-то кроется — подумалъ докторъ и я долженъ узнать это... Ея отецъ очень просилъ меня сообщать ему все про его шалунью-дочку.

И докторъ простился съ дѣвочкой, рѣшившись узнать ея секретъ во что бы то ни стало.

На другой день онъ рѣшилъ отправиться къ тетушкѣ и поговорить съ нею о Женни.

Едва онъ переступилъ порогъ калитки, какъ тетушка со съѣхавшимъ на бокъ чепцомъ вылетѣла къ нему навстрѣчу съ безконечными жалобами. Теперь она уже не стѣсняется «доктора», видя въ немъ близкаго человѣка, искренно преданнаго ей и Женни.

— Съ ней нѣтъ никакого сладу, кричитъ тетушка, потрясая лентами, — нѣтъ терпѣнія... Она мальчишка, настоящій мальчишка!

И цѣлый потокъ жалобъ выливается наружу изъ груди тетушки.

— Подумайте только... она на голубятнѣ... она гоняетъ голубей, какъ уличный мальчишка... Это дѣло кучера Евграфа... Боже мой, и какъ она лѣзла, какъ она туда лѣзла, если бъ вы видѣли, милый докторъ.

И при одномъ воспоминаніи объ этомъ тетушка такъ и закипаетъ гнѣвомъ.

— Докторъ, здравствуйте,—откуда-то сверху раздается звонкій голосокъ Женни.

Онъ поднимаетъ голову и видитъ ее трепаную, смѣющуюся, съ распущенной косой, какою видѣлъ ее въ первый день знакомства.

— Не прыгай, не прыгай!—кричитъ тетушка, воображая, что Женни прыгнетъ съ трехсаженной вышины.

Всего можно ожидать отъ этого мальчишки... А «мальчишка» черезъ двѣ минуты уже съ ними въ комнатѣ.

Она вбѣгаетъ веселая, радостная и съ размаху бросается на стулъ.

— Онъ выздоровѣлъ! Онъ выздоровѣлъ — кричитъ она такъ громко, точно тетушка и докторъ совсѣмъ глухіе.

— Кто выздоровѣлъ?—удивляется докторъ.

— Да сторожъ Терентьичъ, что живетъ въ

лѣсу. Я его вылечила! Онъ одинъ съ маленькой внучкой живетъ... Васъ еще не было, когда онъ заболѣлъ... Внучка ко мнѣ прибѣжала и стала просить вылечить дѣдушку. Ну, я и принялась бѣгать въ лѣсъ, тихонько отъ тетушки... Тетушка меня бы не пустила. Она всякихъ болѣзней боится, а за меня особенно. А я ему хины изъ тетушкиной аптечки брала и носила да и съѣдобное заодно... Вѣдь онъ лежитъ бѣдный старичокъ и стряпать не можетъ. А внучка у него еще маленькая и ей не справиться. Вотъ я и была у нихъ за лекаря и кормильца — поильца. Оттого-то я и бѣгала въ лѣсъ каждый вечеръ и очень боялась, чтобы встрѣчами со мною вы, докторъ, не выдали бы меня тетушкѣ! — неожиданно заключила Женни и весело разсмѣялась. Тетушка заохала, заволновалась...

— Но ты могла заразиться, Женни!.. Боже мой! Боже мой!

— У Терентьича была сильная простуда, а отъ простуды не заражаются! — торжествующе отвѣчала Женни.

— Но почему же вы меня не позвали, — поинтересовался докторъ.

— А вы уже тогда пріѣхали, когда Терентьичу много легче стало, - отвѣчала дѣвочка.

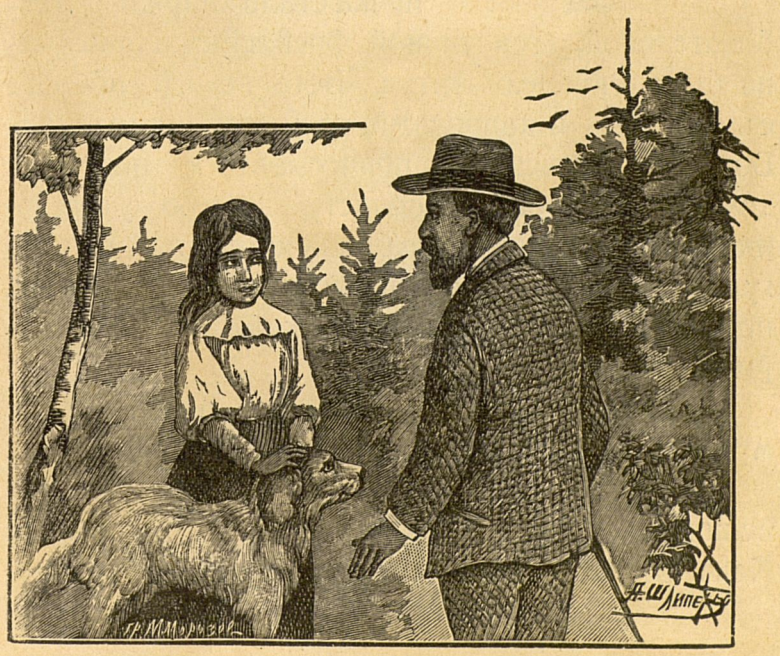
— Я его вылечила,—заключила она съ гордостью, поднявъ головку.

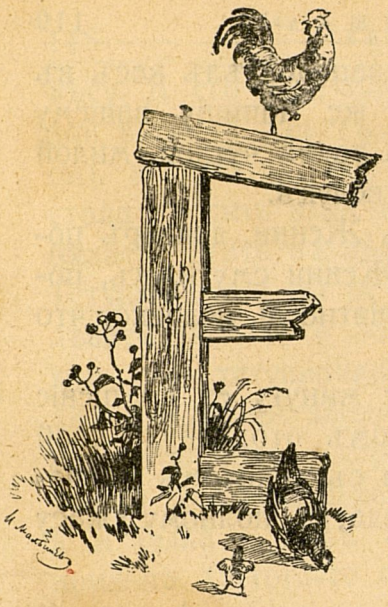
— Милая, славная дѣвочка—произнесъ мыс-

ленно докторъ,—а я еще заподозрѣлъ васъ въ злой шалости.—Сегодня же напишу вашему папѣ и поздравлю его съ такой чуткой, милой дочкой...—заключилъ онъ вслухъ.

— И ласково улыбаясь Женни, докторъ погладилъ её по головкѣ. Женни смутилась, покраснѣла... Ей было и пріятно и неловко, что её хвалятъ...

Но въ слѣдующую же минуту ея смущеніе прошло... Она съ грохотомъ отодвинула свой стулъ, свистнула Сѣрко и съ хохотомъ помчалась за нимъ по аллеѣ сада, къ полному ужасу доброй тетушки.





Безъ сердца.

й было семь лѣтъ. Она была очень хорошенькая. Такая бѣленькая, такая голубоглазенькая, прелесть что за дѣвочка... Родители обожали ее и баловали такъ, что вскорѣ испортили своимъ баловствомъ характеръ Ниночки. Ниночка стала капризной, требовательной, эгоистичной. Фрейлейнъ и прислугѣ не было отъ нея житья. Встаетъ съ постели съ крикомъ и капризами, не хочетъ ни молиться Богу, ни мыться, ни причесываться, ничего не хочетъ. На урокѣ огорчаетъ добрую учительницу, обладающую голубиной кротостью, на прогулкѣ ссорится съ бонной-нѣмкой, а вечеромъ передъ сномъ тоже исторія: крики, плачъ, капризы, чуть-ли не драка.

— Нѣту у тебя сердца Ниночка, за что такъ мучишь людей!—сказала какъ то Нинѣ ея бонна.

— Нѣтъ сердца! Какъ же это? Ниночка вскинула на фрейлейнъ изумленными глазами.— Какъ нѣтъ сердца? А у другихъ есть?

— Разумѣется, есть! Оттого они и добрые!

— А я злая?

А. ШАМПЕРЪ

Бонна съ сожалѣніемъ посмотрѣла на Ниночку и тихо произнесла?

— Ну, разумѣется, злая! Развѣ ты сама не замѣчаешь этого?

Глубоко задумалась Ниночка. У нея нѣтъ сердца, а у другихъ дѣтей есть... Ахъ, какъ это обидно! Почему же ее, Ниночку, такъ обдѣлила судьба? За что такая несправедливость? И какъ бы сдѣлать, чтобы заполучить себѣ сердце, чтобы стать доброй и ласковой дѣвочкой?

Такъ думала Ниночка, лежа въ своей постели... А вечеръ уже давно спустился и ласково вливался въ комнату черезъ открытое окно.

Былъ Май... Цвѣты благоухали, пріятно кружа голову... Голубоватые весенніе сумерки просились въ дѣтскую и окутывали ее легкой дымкой... Незамѣтно подкралась желанная дремота и Ниночка забылась...

Было уже поздно, когда она проснулась. Голубоватые сумерки смѣнились бѣлой весенней полночью. Было свѣтло, какъ днемъ... Ниночка взглянула въ окошко и неожиданно вздрогнула... Верхомъ на подоконникѣ сидѣла странная маленькая фигурка крошечного человѣчка, ростомъ меньше Ниночки, въ коричневой курткѣ и такомъ-же колпачкѣ, въ желтомъ передникѣ и въ красныхъ сапожкахъ. Борода у старичка была длинная, предлинная, лицо румяное, веселое, смѣющееся. Веселое лицо!..

— Здравствуй, дѣвочка безъ сердца!—про-

изнесъ хихикая веселый старичокъ.—Не бойся меня, я маленькій гномъ, что живетъ подъ землею и выковываетъ въ подземной кузницѣ все что надо людямъ... Хочешь выкую тебѣ сердце, дѣвочка, и ты будешь доброй и хорошей, какъ другіе...

Ниночка вспыхнула до корней волосъ и проговорила, вся красная, какъ піонъ.

— Ахъ, милый гномъ, дай мнѣ, пожалуйста сердце...

Гномъ разсмѣялся своимъ ребяческимъ смѣхомъ. – Отлично. Исполню твою просьбу,—сказалъ онъ,—но за это ты должна будешь заплатить мнѣ...

— Но у меня нѣтъ денегъ!—развела безпомощно руками Ниночка.

— О, это ничего не значитъ,—захихикалъ гномъ—ты не деньгами будешь платить мнѣ а полнымъ раскаяніемъ въ содѣянномъ злѣ.

Ниночка не поняла, что значатъ слова гнома, но раздумывать надъ ними ей не было времени, потому что веселый старичокъ схватилъ ее за руку, перепрыгнулъ съ нею черезъ окошко и бѣгомъ, все еще не выпуская ея руки, помчался съ нею по саду.

Вотъ пробѣжали они садовую аллею и очутились въ полѣ... Посреди большой поляны высился огромный грибъ; такихъ грибовъ въ жизни своей не видывала Ниночка. Подъ такимъ гигантомъ-боровикомъ можно было смѣло пря-

таться отъ дождя. У корня огромнаго гриба сидѣли два маленькіе человѣчка, какъ двѣ капли воды похожи на спутника Ниночки. Два маленькіе гнома съ сѣдыми до пояса бородами въ коричневыхъ колпачкахъ.

Спутникъ Ниночки подвелъ дѣвочку къ нимъ.

— Вотъ, она желаетъ получить сердце—эта дѣвочка,—обращаясь къ своимъ друзьямъ, произнесъ хихикая Ниночкинъ старичокъ—возьмите ваши молоточки и выкуйте ей сердечко!..

Едва онъ успѣлъ закончить свою фразу, какъ неожиданно провалились на глазахъ Ниночки подъ землю оба старичка-гнома и въ тотъ же мигъ послышались таинственные стуки подъ землею. Точно невидимые молотки ударяли по чему то твердому подъ ногами дѣвочки. Такъ длилось минутъ пять, ни больше... Снова появились на полянѣ таинственные старики. На этотъ разъ не съ пустыми руками. Они несли маленькое, красное сердечко, которое и передали Ниночкѣ. Та схватила его, прижала къ своей груди и хотѣла бѣжать домой, какъ неожиданно первый гномъ остановилъ дѣвочку.

— Куда? А расплата? Ниночка смутилась. О расплатѣ она и забыла совсѣмъ на радостяхъ.

Между тѣмъ всѣ три гнома важно усѣлись подъ грибомъ и старшій, Ниночкинъ спутникъ, задалъ вопросъ:

— Разскажи намъ, дѣвочка, какъ ты капризничаешь утромъ при вставаньи?

— Какъ обижаешь свою бонну? — вторилъ ему его пріятель.

— Какъ топаешь ногами и кричишь на прислугу?—произнесъ третій гномъ.

Ниночка готова была провалиться сквозь землю отъ этихъ вопросовъ. О, какой стыдъ! Она должна была сознаться во всемъ! Во всѣхъ своихъ капризахъ, злыхъ выходкахъ, проступкахъ и дать слово гномамъ, что это болѣе не повторится.

Смущенную, растерянную повелъ её обратно домой старичокъ гномъ, напутствуя её по дорогѣ:

— Видишь-ли, дѣвочка, мы дали тебѣ сердце, доброе, хорошее, чуткое и любящее. Отъ тебя зависитъ не испортить его... А то придется идти за новымъ и опять пережить тѣ непріятныя минуты покаянія передъ нами, гномами. Поняла меня?

— Поняла!—взволнованнымъ голосомъ произнесла Ниночка и... проснулась.

Ни гномовъ, ни сердца, ни полянки съ грибомъ.

Все это было сномъ и только, но такимъ страннымъ, таинственнымъ и значительнымъ сномъ.

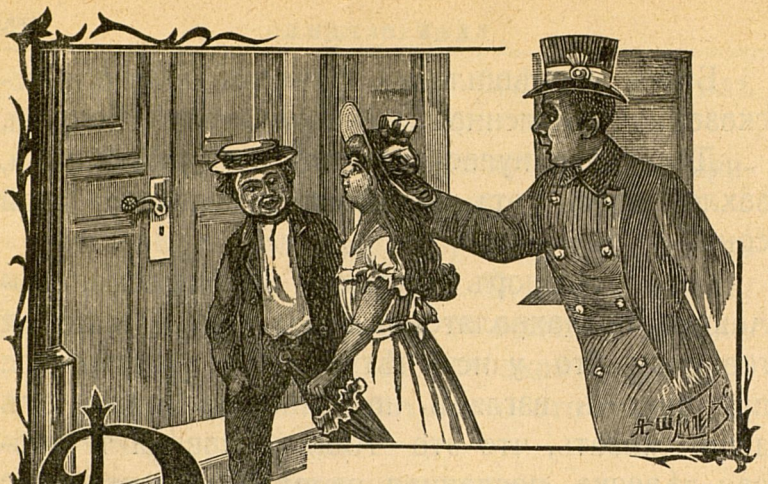
Сердце Ниночки сильно билось въ груди... Доброе, славное, свѣтлое чувство наполняло душу.

— Фрейлейнъ, милая, хорошая! — вскричала она взволнованнымъ голосомъ,—пойдете сюда!

Бонна поспѣшила къ кроваткѣ дѣвочки, несказанно удивленная ласковому тону Ниночки.

Дѣвочка кинулась на шею къ фрейлейнъ и, захлебываясь отъ волненія, разсказала свой сонъ.

Съ тѣхъ поръ Ниночка неузнаваема. Домашніе не нахвалятся на нее... Никто уже не говоритъ, что у нея нѣтъ сердца. Напротивъ, при одномъ взглядѣ на Ниночку можно отъ души сказать, что это—милая, славная и добрая дѣвочка, посланная на радость и утѣшеніе семьѣ.



Графиня Зозо.

Ваше сіятельство, пожалуйте.

Высокій, закутанный въ шубу, выѣздной Михайло широко распахнулъ дверцы кареты.

Графиня Зозо выпорхнула изъ нея, какъ птичка, и съ гордымъ видомъ направилась къ подъѣзду. Отъ кареты до подъѣзда надо было сдѣлать шаговъ десять, и графиня Зозо сдѣлала эти шаги съ видомъ маленькой королевы.

Даже прохожіе, сновавшіе по панели, невольно остановились, чтобы посмотрѣть на маленькую нарядную дѣвочку, съ такимъ надменнымъ видомъ выступавшую по плитамъ панели.

— Должно быть очень знатная барышня,— говорили прохожіе и почтительно давали дорогу маленькой графинѣ.

Только одинъ какой-то дерзкій мальчуганъ не посторонился. Онъ заглянулъ въ гордое личико графини Зозо и громко расхохотался.

— Ишь ты, фря какая! И чего важничаетъ, спрашивается? Что родители богаты, что шелковые наряды, да лошади есть... Не велика штука! Подумаешь! А у тебя-то што есть свое собственное? Гордячка ты этакая!..

Мальчишка хотѣлъ еще прибавить что-то, но тутъ выросъ передъ нимъ, какъ изъ-подъ земли, выѣздной Михайло и сильно толкнулъ мальчишку. Тотъ покатился съ панели прямо на улицу. А графиня Зозо вошла въ дверь подъѣзда, которую Михайло предупредительно распахнулъ предъ нею.

II.

Весь день графиня Зозо чувствовала себя какъ-то невесело, не спокойно. Слова уличнаго мальчишки не выходили изъ головы.

— Миссъ Молли,—обратилась она, наконецъ, вечеромъ съ вопросомъ къ своей гувернанткѣ,— что у меня есть своего собственнаго?

Миссъ Молли посмотрѣла на Зозо такъ, какъ будто видѣла ее въ первый разъ, и стала перечислять своимъ деревяннымъ голосомъ:

— Какъ что есть? Дорогія игрушки, есть книги, нарядныя платья, лошади, экипажи...

— Ахъ, нѣтъ, не то, не то!—прошептала съ досадой Зозо,—все это папино и мамино, а не мое. Мальчишка сказалъ, что это не мое.

— Какой мальчишка?

Миссъ Молли чуть не сдѣлалось дурно, когда она узнала, что какой-то уличный мальчишка разговаривалъ съ Зозо.

Былъ призванъ выѣздной Михайло и ему сдѣлали выговоръ за то, что онъ плохо смотрѣлъ за барышней... Миссъ Молли пообѣщала пожаловаться графу и прибавила, что графъ навѣрное прогонитъ за это Михайлу, откажетъ ему отъ мѣста.

Графиня Зозо слышала все. Она могла-бы заступиться за Михайлу и объяснить миссъ Молли, что Михайло не виноватъ ни въ чемъ. Но Зозо мысленно рѣшила, что не ей, знатной маленькой графинѣ, заступаться за какого-то лакея. Слишкомъ много чести!

И она, какъ ни въ чемъ не бывало, занялась разсматриваніемъ картинокъ.

А Михайло, уходя изъ комнаты, взглянулъ на маленькую графиню и произнесъ невесело:

— А мальчишка-то правду сказалъ, барышня... Карета папашина, наряды папаша вамъ сдѣлали, и игрушки и лошади купили они... Все ихнее значитъ... А у васъ собственнаго своего одно сердечко могло бы быть... Да и того нѣтъ, графинюшка. Безсердечныя вы, коли бѣднаго человѣка зря обидѣть позволили...

Сказалъ—и ушелъ въ переднюю...

А графиня Зозо низко-низко наклонилась надъ своими картинками и задумалась.

Чуть не въ первый разъ задумалась графиня Зозо.—«Правъ Михайло»,—думала дѣвочка и тутъ же рѣшила во что-бы то ни стало быть доброй.

Когда миссъ Молли пожаловалась на лакея графу, Зозо такъ горячо отстаивала его, что Михайлу простили и оставили.

Съ этого дня Зозо какъ будто измѣнилась. Она не гордится богатствомъ отца, ни своимъ титуломъ и знатностью,—и всѣми силами старается дѣлать какъ можно больше добра людямъ.

Теперь ей хорошо и весело живется... Вѣроятно гораздо лучше и пріятнѣе, нежели прежде...

Лидочка.

I.

улины воротнички куда класть прикажете?

— Все равно, Даша.

— А бархатную курточку оставите здѣсь? Выросли они изъ нея очень, барыня.

— Все равно, оставь здѣсь.

Краснощекая, плотная Даша, съ улыбающимся лицомъ, на которомъ, въ видѣ забавной пуговки, торчитъ крошечный носикъ, растерянным недоумѣвающимъ взглядомъ смотритъ въ глаза своей барынѣ!

Эти глаза заплаканы, красны и на всемъ блѣдномъ, худенькомъ болѣзненномъ личикѣ видно много страданья.

«Ишь, вѣдь, убивается! — про себя размышляетъ Даша.—Видно не легко со своими разставаться!

И она упирается обѣими руками въ груду бѣлья, наложеннаго горкой, и сильно захлопываетъ крышку дорожнаго сундука, обитаго клеенкой и украшеннаго металлическими пуговками.

Громкій продолжительный звонокъ долетаетъ изъ передней настойчивымъ звукомъ. За нимъ второй, третій, четвертый...

— Иди же, отопри,—говоритъ Елена Александровна Дашѣ,—дѣти вернулись.

Лишь только горничная скрывается за дверью она быстрымъ движеніемъ схватываетъ полотенце и, обмакнувъ ее въ кувшинъ съ водою поспѣшно обтираетъ лицо, раскраснѣвшееся и вспухшее отъ слезъ.

«Избави Богъ, дѣти замѣтятъ!»

О, они ничего не должны знать какъ ей тяжело, ихъ мамѣ особенно онъ, ея Гуля, ея крошка, ея радость!

Онъ и безъ того такой слабенькій, болѣзненный чуткій. Она бережетъ его, какъ можно только беречь свое сокровище!

Лидочка—не то. Лидочка не такъ чутка и совсѣмъ не такая, какъ Гуля...

Лидочка спокойно приняла-бы извѣстіе о томъ, что можетъ быть никогда уже въ жизни уже болѣе не увидитъ матери...

Лидочка такая крѣпкая сильная, никогда не

волнующаяся... Ничѣмъ ее нельзя ни тронуть, ни всколохнуть Еленѣ Александровнѣ даже немножко досадно на дочь. Точно Лидочка и не нуждается въ ея материнскихъ заботахъ и ласкахъ. Еленѣ Александровнѣ кажется, что Лидочка не любитъ ее никогда не подойдетъ приласкаться къ ней, а если мать сама притянетъ ее къ себѣ, обойметъ или поцѣлуетъ, то у дѣвочки глаза расширяются и становятся не то испуганными, не то удивленными. И при видѣ этихъ глазъ у Елены Александровны пропадаетъ всякое желаніе приласкать Лидочку, а съ нимъ исчезаетъ и чувство материнской нѣжности по отношенію къ дочери, и вся любовь ея переносится на маленькаго Гулю, ласковаго и милаго по отношенію къ ней.

Наружно она не дѣлаетъ никакого отличія между дѣтьми: у нихъ одинаковые наряды, бѣлье, платьица, игрушки. Даже кружева и ленты для отдѣлки ихъ костюмовъ она старается отыскать одинаковыя—это ея привычка, ея обыкновеніе... Но въ глубинѣ ея сердца между ея чувствомъ къ Лидочкѣ и чувствомъ къ Гулѣ — большая разница Елена Александровна безконечно рада, что съ нею поѣдетъ Гуля только Гуля, а Лидочка останется здѣсь съ отцомъ.

Елена Александровна болѣетъ давно. У нея долгая, тягучая и серьезная болѣзнь. На Югѣ, за-границей она можетъ жить и поправиться даже въ два, три года, но здѣсь въ Петербургѣ

ей оставаться нельзя. Доктора послали ее въ Ниццу... Ея мужь не можетъ ѣхать съ нею. У него служба. Они не такъ богаты, чтобы онъ могъ не работать.

Рѣшено было взять Гулю, а Лидочку съ M-elle Люси оставить въ Петербургѣ у отца. Мать могла бы взять съ собою и Лидочку, но Елена Александровна не особенно хотѣла этого. Съ отцомъ Лидочка, какъ казалось, Еленѣ Александровнѣ чувствовала себя счастливѣе, лучше, отца она любила какъ будто больше, нежели мать.

И все таки Еленѣ Александровнѣ было жаль растаться съ дочерью на долгіе мѣсяцы, можетъ быть годы и она горько плакала о томъ, что благодаря холодности, и эгоизму Лидочки, ничѣмъ не возвратившей любви своей къ матери, она должна лишиться ея общества.

II.

— Мама! мама! ты здѣсь... а мы искали тебя въ столовой...

— Я думалъ, что ты спряталась, какъ вчера, за портьеру.

— Нѣтъ, это я думала!.. и первая тебѣ сказала, да!

И двое дѣтей, семи и пяти лѣтъ, разрумяненныя морознымъ воздухомъ, одѣтыя въ одинаковыя щегольскія пуховыя шубки, дѣлавшія ихъ похожими на маленькихъ эскимосовъ,

проворно вбѣжали въ комнату, держа каждый по красному воздушному шару въ рукѣ.

— Это откуда?—спросила Елена Александровна, одной рукой притягивая къ себѣ прелестнаго хрупкаго темноглазаго ребенка, до смѣшного похожаго на нее, а другую, протягивая толстенькой семилѣтней румяной Лидочкѣ, такъ и пышущей здоровьемъ и веселостью.

— C'est monsieur, qui leur a acheté. Nous avons rencontré monsieur sur le quai, madame! *) поспѣшила пояснить пожилая, француженка, вошедшая въ комнату вслѣдъ за дѣтьми.

— Да, да, это папа!—подхватила Лидочка, поблескивая свѣтлыми, ярко разгорѣвшимися глазками.—Мы встрѣтили папу на набережной съ какимъ-то господиномъ, толстымъ, толстымъ...

— Parle donc français! **)—круто оборвала Елена Александровна рѣчь дѣвочки, съ неудовольствіемъ замѣчая, что Лидочка скорѣе похожа на маленькую крестьяночку, нежели на ребенка хорошей семьи.

— Oui maman, ***) — сразу какъ-бы осѣклась дѣвочка и стала при помощи m-lle Люси и горничной стягивать съ себя шубу и гамаши.

Гуля безъ церемоніи вскарабкался, какъ былъ, одѣтый, на колѣни матери и, гладя ея раскраснѣвшіяся щеки, цѣловалъ ея носъ, губы,

*) Это баринъ имъ купилъ... Мы встрѣтили его на набережной.
**) Говори же по французски.
***) Хорошо, мамочка

глаза и брови, приговаривая тихимъ шопотомъ, чтобы не быть услышаннымъ гувернанткой и Дашей.

— А ты опять плакала? Да, плакала... плакала, маленькая...

Онъ въ минуты особенной ласки всегда называлъ такъ мать.

— Полно, Гуля! что ты сочиняешь: просто у мамы глазки болятъ,—попробовала успокоить Елена Александровна мальчика, а непокорныя слезы такъ и застилали глаза, рискуя вылиться ежеминутно.

Ей стало, однако, какъ-то теплѣе на сердцѣ отъ этой безхитростной ласки ея любимца.

«Какой онъ чуткій, ангелочекъ мой, капелька моя!—мысленно награждала она ласковыми именами своего мальчика.—Вѣдь, вотъ Лидочка не замѣтила, что глаза наплаканы, а этотъ! о, цыпленокъ мой маленькій!..»

И она крѣпко прижала сына къ себѣ и стала осторожно стягивать съ его нѣсколько кривыхъ ножекъ теплую обувь.

Гуля подставлялъ ножки матери и говорилъ, не умолкая и не спуская съ ея милаго, изнуреннаго лица своихъ темныхъ прелестныхъ, не дѣтски серьезныхъ глазокъ.

— Не плачь, маленькая... Будешь плакать, заболѣешь.., Придетъ докторъ и лекарство пропишетъ... горь-ко-е.., Ты плачешь, что Лидочка съ папой не ѣдутъ съ нами въ Ниццу?.. Такъ,

вѣдь, имъ и въ деревнѣ хорошо будетъ... тамъ садъ... рѣка... малина! а потомъ мы пріѣдемъ имъ апельсиновъ привеземъ. Много.

— И миндалю! — подхватила Лидочка и, подпрыгнувъ на одной ножкѣ, завертѣлась волчкомъ по комнатѣ.

— И миндалю! - серьезнымъ тономъ подтвердилъ маленькій человѣчекъ и потомъ добавилъ совсѣмъ уже шепотомъ, припавъ губами къ самому уху матери:—не плачь же, маленькая, слышишь? а я тебѣ подарю мой шаръ... Намъ папа купилъ по шару на набережной у мужика... Встрѣтилъ насъ и купилъ, одинъ Лидочкѣ, другой мнѣ. На, возьми мой, маленькая, я тебѣ его дарю, мнѣ не нужно.

И онъ совалъ въ руки матери комочекъ нитокъ, на которомъ держался большой красный шаръ.

— Нѣтъ, нѣтъ у меня возьми, мамочка,— подскочила Лидочка, окончательно забывая о томъ, что слѣдуетъ говоритъ по-французски.— Мой лучше, на!

Елена Александровна поцѣловала обоихъ и отослала въ дѣтскую играть.

Лидочка побѣжала впередъ, подскакивая на ходу по своему обыкновенію. На порогѣ она оглянулась и поманила брата, медленно слѣзавшаго съ колѣнъ матери.

— Лида, пойди сюда!—позвала ее Елена Александровна.

— Что, мамочка?—и дѣвочка быстро и незамѣтно дернула оборку платья.

Она уже привыкла, что, мать ее зоветъ только для того, чтобы поправить костюмчикъ и волосы или же пожурить слегка за какую ни будь дѣтскую провинность, и потому стояла теперь въ нерѣшительности, переминаясь съ ноги на ногу, и, не мигая, глядѣла на мать.

— Послушай, Лидочка,— начала Елена Александровна,—ты будешь умницей во все время моего отсутствія?

— Да, мама.

Будешь слушаться m-lle Люси?

— Да, мама.

— Не будешь скучать безъ меня и Гули?

Лидочка подумала немного и потомъ, тряхнувъ головою, отвѣтила, краснѣя подъ пристальнымъ острымъ взглядомъ матери:

— Мы будемъ часто писать вамъ съ папой, а потомъ вы пріѣдете...

— А что же ты будешь дѣлать безъ насъ въ деревнѣ?

— О, многое!—воскликнула Лидочка и сразу оживилась.—Буду работать въ цвѣтникѣ, полоть гряды, даже въ полѣ буду убирать сѣно съ бобами... Папа сказалъ, что можно,—поторопилась она прибавить и смущенно покосилась на мать.

Но Елена Александровна слушала съ ласковой ободряющей улыбкой, и при видѣ этой

улыбки Лидочка подхватила съ новымъ запасомъ оживленія:

— А потомъ еще папа обѣщалъ подарить мнѣ маленькій велосипедъ, настоящій, какъ у него, двухколесный, и мы будемъ съ нимъ вмѣстѣ кататься по саду... Это будетъ очень весело!

— Нѣтъ она, безсердечная какая-то эта дѣвочка!—съ неудовольствіемъ замѣтила про себя Елена Александровна и совсѣмъ не любитъ меня. Веселиться думаетъ безъ матери. И рѣзко оборвавъ Лидочку, отослала ее играть.

III.

Самоваръ докипаетъ на столѣ, заканчивая свою монотонную пѣсенку.

Гуля сидитъ на своемъ высокомъ дѣтскомъ стулѣ и лѣниво потягиваетъ подслащенное молоко изъ граненаго стаканчика.

Елена Александровна, еще болѣе осунувшаяся и поблѣднѣвшая въ послѣдніе дни, сидитъ подлѣ сына и отъ времени до времени машинальнымъ движеніемъ руки проводитъ по его пышнымъ пепельнымъ локонамъ.

Гулѣ хочется спать, у него давно слипаются глазки, но онъ болтаетъ безъ умолку какую-то милую дѣтскую чепуху...

Лидочки нѣтъ съ ними... Лидочка больна... Утромъ, вернувшись съ гулянья, она жаловалась на боль въ горлѣ. Ей сдѣлали компрессъ

и положили въ кроватку. Къ вечеру начался жаръ... Ихъ домашній докторъ, лечившій постоянно обоихъ дѣтей отъ всякихъ немощей, осмотрѣлъ дѣвочку и, отозвавъ Елену Александровну въ сторону, шопотомъ заявилъ, что у Лидочки начинается корь и что надо отдѣлить Гулю.

Корь—обыкновенная болѣзнь въ дѣтскомъ возрастѣ...

Лидочка—здоровая, крѣпкая по натурѣ дѣвочка и Елена Александровна не только не испугалась за дочь, но и подосадовала въ душѣ на ея болѣзнь, помѣшавшую имъ выѣхать на другой день за границу.

Все готово... все уложено, закрыто и забито—билеты на мѣста въ спальномъ вагонѣ взяты, и вдругъ... эта противная, ненужная корь. Чего добраго, еще, не дай Богъ, заразится Гуля. Правда, она не ходитъ туда, въ дѣтскую, и сдала Лидочку на полное попеченіе мисъ Люси и Марѳушки, Дашиной помощницы.

Добрая француженка, любившая дѣтей, какъ своихъ собственныхъ, взялась выходить дѣвочку, и Елена Александровна вполнѣ спокойна за дочь... И Марѳуша прекрасная сидѣлка и просто обожаетъ Лидочку. Къ тому-же у дѣвочки довольно легкій случай заболѣванія, и она, Елена Александровна, разговариваетъ съ нею черезъ маленькое окошечко, выходящее въ коридоръ изъ дѣтской, Лидочка сидитъ на по-

стели и улыбается веселой и здоровой улыбкой. Да и температура у нее не высокая: всего 37,5. Успокоивъ самое себя этими доводами, Елена Александровна удѣляетъ теперь все свое вниманіе сыну...

— Пора спать, Гуля,—говоритъ она и, взявъ его на руки, осторожно несетъ къ себѣ въ спальню.

Гуля въ восторгѣ. Во первыхъ, его уложитъ сегодня не Люси, а мама, сама мама, его „маленькая“, которую онъ обажаетъ и съ которой будетъ спать на широкой маминой постели, пахнущей майскимъ ландышемъ а, во-вторыхъ, благодаря этой кори, которая представляется Гулѣ не иначе, какъ сморщенной старушкой съ очками на носу, они съ мамой не уѣдутъ до тѣхъ поръ, пока не поправится Лидочка. Правда, онъ любитъ папу и Лидочку гораздо меньше, нежели маму, но и они очень дороги его маленькому сердечку, и ему безконечно жаль разставаться съ ними.

— Мамочка, бормочетъ онъ, засыпая,— когда мы вернемся изъ Ниццы я буду уже большой мальчикъ?

— Да, котенокъ, будешь... А теперь спи!

— И привеземъ Лидочкѣ апельсиновъ?

— Да, да, привеземъ... Спи-же, спи, котикъ!

— И тогда уже кори не будетъ? — неожиданно дѣлаетъ онъ свой выводъ и, притянувъ рученками голову матери къ подушкѣ, на ко-

торой разсыпались его пепельныя кудри, шепчетъ чуть внятно, скованный дремотой.—Ложись и ты рядомъ, маленькая! Гулѣ скучно одному!

Елена Александровна не заставляетъ повторять приглашеніе, быстро сбрасываетъ съ себя платье и обувь и, юркнувъ въ постель, прижимаетъ къ себѣ худенькое, дорогое тѣльце, все окутанное до пятъ въ длинную ночную рубашенку.

Они оба – и мать, и сынъ—кажутся такими маленькими на этой громадной, громоздкой постели...

Черезъ пять минутъ оба спятъ, какъ убитые...

IV.

— Барыня, а барыня! вставайте, барышнѣ дурно... вставайте, барыня! — сквозь сонъ слышится Еленѣ Александровнѣ тревожный голосъ Даши.

Она быстро вскакиваетъ и садится на кровати:

— Что? что такое?

— Барышнѣ худо... m-lle Люси за докторомъ послали... сейчасъ пріѣдетъ.

— Да, да, хорошо, что послали, — затуманенная сномъ, лепечетъ Елена Александровна и вдругъ, сдѣлавъ невѣроятное усиліе, широко раскрываетъ глаза.—Который часъ, Даша?

— Около одиннадцати.

— А баринъ дома?

— Баринъ въ клубѣ.. послали за ними... Вотъ извольте туфли, барыня.

Елена Александровна надѣваетъ туфли и халатъ, поданные Дашей и, стараясь не разбудить свернувшагося калачикомъ Гулю, на цыпочкахъ выходитъ изъ спальни.

Въ дѣтской навстрѣчу ей бросается взволнованная и растрепанная Люси. На глазахъ у нея слезы.

Лидочка сидитъ въ постели, вся красная, какъ макъ, и лепечетъ что-то невнятно, вперивъ пристальный немигающій взглядъ въ одну точку.

Елена Александровна бросается къ ней.

— Лидочка! Лидуша! что съ тобою?

Лидочка съ минуту смотритъ сознательно въ глаза матери, потомъ снова начинаетъ бредить какой-то взоръ и невнятно.

Минутъ черезъ десять входитъ докторъ, за нимъ вторая горничная, Марѳуша, вноситъ лампу подъ зеленымъ абажуромъ. Лидочка узнаетъ Марѳушу и манитъ ее къ себѣ, потомъ снова начинается бредъ.

Докторъ послѣ продолжительнаго осмотра цѣлуетъ дѣвочку въ горячій лобикъ и при помощи Марѳуши открываетъ ей ротъ. Тамъ, немного повыше языка, вокругъ горлового отверстія ясно виднѣются бѣлые пятна... При видѣ этихъ пятенъ у Елены Александровны, заглянувшей тоже въ ротикъ ребенка, вырывается крикъ отчаянія и ужаса:

— Господи! этого еще не доставало!..

Она въ послѣднее время читала много медицинскихъ книгъ, преимущественно о дѣтскихъ болѣзняхъ боясь за слабенькаго Гулю и отлично знаетъ, что эти налеты бываютъ только при дифтеритѣ...

Да и докторъ не отрицаетъ... У него испуганные глаза и нахмуренныя брови. Къ тому-же Лидочкѣ осень, очень плохо... Она дышитъ съ трудомъ и уже не узнаетъ своей любимицы, Марѳуши...

Елена Александровна схватываетъ руку доктора и, съ силой тряся ее, кричитъ, волнуясь и задыхаясь:

— Она умираетъ? Скажите, умираетъ? Да?

— Богъ знаетъ, что вы говорите, милая барыня! — съ дѣланнымъ спокойствіемъ отвѣчаетъ онъ.

— Нѣтъ! нѣтъ, я знаю! Она умретъ отъ дифтерита,—блѣдная, какъ платокъ, твердитъ Елена Александровна и вдругъ, обернувшись на шумъ шаговъ входящаго мужа, шепчетъ глухимъ, упавшимъ, раздавленнымъ смертельной тоской голосомъ.—Слышишь, наша дочь умираетъ отъ дифтерита!..

V.

Спущенныя шторы не пропускаютъ свѣта. День или ночь теперь — неизвѣстно. Должно быть день, потому что Кириллъ Петровичъ на

службѣ... Ночи онъ аккуратно проводитъ у постели больной дочери рядомъ съ женою...

Они ни о чемъ не говорятъ, но думаютъ много, мучительно много... Отъѣздъ въ Ниццу отложенъ на неопредѣленное время. Пока не поправится старшій ребенокъ, Елена Александровна не уѣдетъ. День и ночь ее, усталую, измученную безсонницей и заботами, не переставая, точитъ одна и та же мысль:—Что будетъ, если Лидочка заболѣетъ въ ея отсутствіе? Кто будетъ ее отхаживать безъ матери?

Сегодня третій день, какъ больна въ одномъ положеніи... Уѣзжая на службу, Кириллъ Петровичъ сказалъ то-же самое женѣ, что говорилъ теперь ежедневно:

— Если, не дай Богъ, что либо случится, пришли за мною.

Одна мысль о томъ, что можетъ случиться сжимаетъ горло Елены Александровны и давитъ ей сердце, точно тисками. Она не можетъ смотрѣть безъ слезъ на это исхудалое, ярко пышущее горячечнымъ румянцемъ, личико, на эти глаза, ставшіе громадными въ короткое время мучительной болѣзни.

Эти глаза смотрятъ на нее, не узнавая матери, и заплетающійся въ бреду язычекъ называетъ ее поминутно то Люси, то Марѳушей.

Иногда легкій стукъ въ коридорное окошечко будитъ Елену Александровну изъ ея тяжелаго оцѣпенѣнія и въ стеклѣ появляется пре-

лестная пепельная головка съ длинными локонами... Но она машетъ головкѣ руками и умоляющимъ жестомъ указываетъ на больную:

„Не испугай ея! Она забылась!“

И пепельная головка усердно трясетъ своими локонами въ знакъ того, что поняла „маленькую“ и исчезаетъ.

Вчера утромъ Елена Александровна не могла, впрочемъ, отказать себѣ въ удовольствіи приложиться губами черезъ стекло къ губамъ сына... Но въ эту минуту больная, встревоженная шорохомъ, застонала, и она опрометью кинулась къ ней...

VI.

Ночь долгая, долгая... Елена Александровна все сидитъ, прикованная къ своему стулу, и не спускаетъ глазъ съ личика ребенка. Мужа она уговорила пойти прилечь въ кабинетѣ, давъ ему слово, что разбудитъ, если положеніе Лидочки ухудшится.

Но этого ухудшенія она уже больше не боится... Лидочкѣ лучше сегодня... Лобикъ ея увлажнился и дышитъ она много спокойнѣе и ровнѣе. Вотъ она пошевелилась на постели... Елена Александровна заботливо склоняется надъ нею... Въ полумракѣ комнаты, чуть освѣщенной крошечнымъ огонькомъ лампады, она не можетъ понять, спитъ или не спитъ ея дѣвочка.

— Марѳуша!—слабо доносится до слуха Елены Александровны.

— Пить хочешь, родная?—напряженнымъ шепотомъ спрашиваетъ она.

— Нѣтъ, Марѳуша!—шепчетъ Лидочка, увѣренная, что у ея постели сидитъ горничная.—Я не хочу пить!—и, помолчавъ съ минуту, снова шепчетъ.—А какъ ты думаешь, Марѳуша, наши уже доѣхали до Ниццы? Мнѣ такъ скучно безъ нихъ... особенно безъ мамы... Я не увижу ее до осени... и Гулю тоже... Гуля обѣщалъ привести апельсиновъ, но мнѣ не надо... не хочу! Я хочу маму.

«Бредитъ!» — съ тоскою подумала Елена Александровна, ниже склоняясь надъ постелькой.

— Такъ хочется маму...—повторяетъ Лидочка съ тоскою, и ея слабенькій голосокъ дрожитъ сильнѣе. —И зачѣмъ она не зашла ко мнѣ проститься, когда уѣзжала!.. Я, вѣдь люблю ее, Марѳуша! Такъ люблю, когда она приходитъ крестить и цѣловать меня ночью. Ахъ, Марѳуша!.. Сначала она подходитъ къ Гулиной кроваткѣ... стоитъ надъ нимъ долго-долго... потомъ къ моей, перекрститъ, поцѣлуетъ и опять къ Гулѣ... А я стараюсь не засыпать съ вечера какъ можно дольше, чтобы увидѣть ее... Сонную она цѣлуетъ меня крѣпче, нежели днемъ. Иногда m-lle Люси разъ десять подъ-рядъ спроситъ меня, когда я лежу въ постелькѣ:

«dormez-vous, Lydie?» *) а я нарочно закрою глаза и притворяюсь спящей. И жду... жду маму... А разъ... я ждала долго... долго... она не пришла... т. е. пришла къ Гулѣ, поцѣловала перекрестила его, а про меня забыла, прошла мимо моей постельки и даже не остановилась... Я тогда долго проплакала, кажется, до утра и все думала, въ чемъ я провинилась за день и за что сердится мама... Да, ты слушаешь меня, Марѳуша?..

Елена Александровна, почти задушенная подступившими къ горлу рыданіями, хочетъ отвѣчать и не можетъ.

— Марѳуша!—уже настойчивѣе и тверже повторяетъ слабый голосокъ и, не получая отвѣта, маленькая головка поднимается съ подушки и зоркіе сознательные глазенки смотрятъ въ упоръ на мать. Мама!—слабо и восторженно срывается съ запекшихся губокъ Лидочки,—это ты, мама? Ты не уѣхала?..

Счастливая улыбка разливается по исхудалому личику больной. Елена Александровна рыдаетъ навзрыдъ, осторожно сжимая въ своихъ объятіяхъ слабенькое тѣльце дѣвочки...

Ярко улыбается апрѣльское солнышко въ громадныя окна дѣтской.

Слабенькая, худенькая Лидочка, остриженная подъ гребенку, сидитъ посреди ковра на маленькомъ дѣтскомъ стулѣ съ любимой кук-

*) Спите-ли вы, Лида?

лой Алькой на колѣняхъ. Гуля, вооруженный палками отъ комнатнаго крокета, изображаетъ собою гребца и капитана въ одно и то-же время.

— Ну, скорѣе,—важно говоритъ ему Лидочка,—торопитесь грести, мой милый, такъ мы никогда не доѣдемъ!

Но Гулѣ уже не до веселъ—онъ стоитъ, открывъ ротикъ, посреди ковра и къ чему-то прислушивается.

— Что ты?—спрашиваетъ Лидочка, и вдругъ алая краска заливаетъ ея блѣдныя щечки.—Это—она! Непремѣнно она! Я знаю ея шелестъ!—лепечетъ она съ радостнымъ восторгомъ.

Да, это она! Ихъ мама.

Съ легкостью дѣвочки вбѣгаетъ она въ комнату, охватываетъ обоихъ дѣтей разомъ и валится вмѣстѣ съ ними на коверъ съ крикомъ, визгомъ и смѣхомъ...

— Что ты дѣлаешь, маленькая?—съ неподдѣльнымъ ужасомъ восклицаетъ Гуля.—Ты прошла по морю... и замочила ноги. Вѣдь, мы ѣхали въ Ниццу...

— Только «по-нарочному»,—подтверждаетъ Лидочка, и оба виснутъ на шеѣ матери.

А въ спальной барыни краснощекая Даша распаковываетъ сундуки и корзины, и уложивъ въ нихъ Лидочкины вещи и игрушки, снова запаковываетъ ихъ.

Лидочка ѣдетъ съ мамой и Гулей. Папа бу

детъ навѣщать ихъ въ лѣтніе мѣсяцы, иначе онъ не можетъ—у него служба... Лидочка счастлива, а Елена Александровна еще счастливѣе дочки...

Она поняла, какъ крѣпко любитъ свою маму ея дѣвочка и низачто не разстанется съ нею.....

Синичка.

I.

амъ, гдѣ высокій желтый заборъ примыкаетъ къ сѣрому сараю, гдѣ растутъ лопухи и крапива и бѣгаютъ крысы, гдѣ летаютъ выпуклые и глянцевитые майскіе жуки, черные, какъ вишни—тамъ живетъ «Синичка».

Никто не помнитъ и не знаетъ, когда и откуда появилась «Синичка».

Она вылѣзла въ одинъ прекрасный весенній день изъ закоптѣлой дворницкой и поселилась въ углу между лопухами и крапивой. Знали, впрочемъ, одно, что толстая и круглолицая дворничиха Агафья пріютила чумазую, грязную, вѣчно безсмысленно улыбающуюся «Синичку» и заботилась о ней ровно столько, сколько это ей, Агафьѣ, казалось нужнымъ.

О маленькой, тщедушной и одинокой «Синичкѣ» позабывали днемъ, когда каждый былъ занятъ своимъ дѣломъ, и вспоминали вечеромъ, когда изъ царства «Синички» лилась пѣсня, жалобная и протяжная, вызывающая на глаза невольныя слезы.

— Не велика птичка-синичка, а какъ поетъ,— сострилъ про нее какъ-то старшій дворникъ изъ сѣраго дома и, слушая жалобно-тоскливую пѣсню «Синички», умилялся душой и вспоминалъ почему-то давно забытую деревню, родной лѣсъ, куда онъ бѣгалъ въ дѣтствѣ по-ягоды и золотистыя поля кругомъ деревни...

А «Синичка» пѣла-себѣ да пѣла, ни мало не заботясь о томъ впечатлѣніи, которое производила ея пѣсенка на людей.

«Синичка» была лишена ума. Она ничего не смыслила, не понимала. Такихъ людей называютъ идіотами.

Ея черные красивые глаза ничего не выражали. Въ нихъ была какая-то пустота.

Впрочемъ, глаза эти загорались злобно, когда въ ея «царство» забирались люди съ цѣлью подразнить ее. Тогда она сжимала свои грязные кулачонки или царапала землю ногтями, и все ея лицо дѣлалось тогда страшнымъ и дико красивымъ.

Потомъ гнѣвъ ея проходилъ, такъ-же быстро, какъ и появлялся, и она снова пѣла свою пѣсенку, грѣясь и нѣжась, какъ котенокъ на солнцѣ.

Зимою «Синичка» исчезала изъ своего «царства, испуганная стужей и снѣгомъ, особенно снѣгомъ, котораго она очень боялась.

Бѣлая пелена его, ровно устилавшая дворъ и уголъ между сараемъ и заборомъ пугала ее. И она скрывалась въ дворницкую и пряталась на лежанкѣ, гдѣ и проводила цѣлую зиму.

Но когда снова расцвѣтали бѣлые подснѣжники на зеленѣющемъ дернѣ земляного погреба, съ первыми лучами весенняго солнышка, «Синичка» опять выползла изъ дворницкой и поселилась въ своемъ углу, среди большихъ листьевъ лопуха и жгучей крапивы. И пѣла, снова пѣла жалобно и протяжно.

— Ишь, разливается!—говорили о ней подвальные жильцы сѣраго дома.—Тоже, подумаешь, созданіе Божеское...

И они торопились пройти мимо, какъ-бы

боясь при видѣ оборванной, обездоленной идіотки подчиниться чувству жалости отъ котораго такъ болитъ сердце...

— Ладно, и своего горя довольно!.. Что ее жалѣть, сыта, обута и слава Богу! А что не смыслящая—такъ это и лучше для нея...

Никто поэтому не заглядывалъ въ далекій уголъ двора, заросшій лопухами и крапивой, гдѣ ютилась со своей пѣсней и странными глазами маленькая, красивая, обиженная судьбою идіотка.

II.

Въ сѣромъ домѣ случилось событіе.

Въ одинъ ясный весенній полдень во дворъ сѣраго дома въѣхали два фургона. Въ одномъ была нагружена мебель, а въ другомъ—такія диковинныя вещи, о которыхъ бѣдные темные люди, жильцы сѣраго дома, не имѣли ни малѣйшаго понятія. Изъ послѣдняго фургона осторожно вынимали какія-то папки и картины, и въ рамахъ и безъ рамъ, и высокіе треугольники на ножкахъ, и какіе-то ящики съ ѣдкимъ и острымъ запахомъ красокъ. Слѣдомъ за ними появились человѣческія фигуры, гисповыя руки, ноги, и опять папки и картины, картины и папки, безъ числа и счета.

И все это бережно, какъ драгоцѣнность, неслось въ 3-й этажъ, откуда такъ чудесно было видно голубое небо и деревья сосѣдняго сада, покрытыя первою весеннею зеленью.

И вотъ блѣдный, высокій, красивый человѣкъ съ добрыми сѣрыми глазами, въ бархатной курткѣ выглянулъ изъ окна 3-го этажа и заторопилъ извозчиковъ съ разборкою фургоновъ.

А внизу пѣла и заливалась «Синичка», потому что она всегда пѣла, когда бѣгали и суетились люди вокругъ нея. Пѣсня ея не оборвалась и тогда даже, когда блѣдный человѣкъ въ бархатной курткѣ неожиданно появился передъ нею въ ея углу.

— Кто ты, дѣвочка?—спросилъ онъ, удивленно всматриваясь въ крошечную фигурку, полуприкрытую разросшимися вдоль забора лопухами.

Она не удивилась, не оборвала пѣсни, только взглянула на него своими странными глазами, въ которыхъ не было ни ума, ни мысли. Художникъ,—такъ какъ блѣдный человѣкъ въ бархатной курткѣ былъ художникъ,—вздрогнулъ и отступилъ отъ «Синички».

Какая-то внезапная мысль промелькнула въ его головѣ.

Онъ не отрывалъ уже взора отъ глазъ «Синички» и сказалъ ей, насколько умѣлъ, ласково и кротко:

— Пойдемъ со мною въ мою мастерскую!

Но она не поняла его и только все пѣла и пѣла, протяжно и печально, свою однообразную пѣсенку, подъ звуки которой невольно хотѣлось плакать.

Онъ порылся немного въ карманѣ своей бархатной куртки и, вынувъ оттуда конфетку, протянулъ ей со словами:

— Я тебѣ дамъ еще много конфектъ, если ты пойдешь за мною въ мою мастерскую...

Тутъ она улыбнулась ему, потому что любила конфекты и сласти, и, оборвавъ свою пѣсню, пошла въ домъ вмѣстѣ съ художникомъ.

Онъ привелъ ее въ мастерскую, изъ окна которой виднѣлись голубое небо и зеленыя деревья, гдѣ было много прекрасныхъ картинъ, и, усадивъ Синичку въ кресло сталъ рисовать ее...

III.

Сначала дѣло не клеилось...

Онъ никакъ не могъ растолковать, чтобы она не двигалась и сидѣла смирно...

Она грызла конфекты и смотрѣла на него своими странными глазами, поразившими его съ перваго взгляда.

А художникъ работалъ быстро, не отрываясь.

Это была большая картина, которую онъ задумалъ, а задумалъ онъ нарисовать смуглое лицо... спутанные кудри, поющія губы и пустые ясные спокойные глаза.

И все...

«И эта картина назовется: Счастье». Маленькая идіотка всѣмъ своимъ видомъ подходитъ къ такой картинѣ.

Глядя въ пустые странные глаза «Синички», въ ея невинное, счастливое лицо безъ единой мысли и выраженія, художникъ былъ увѣренъ, что она очень счастлива, потому что не видитъ горя въ жизни.

Каждое утро теперь онъ приходилъ за «Синичкой» въ ея уголокъ и уводилъ ее къ себѣ въ мастерскую.

Онъ давалъ ей сласти и показывалъ, какъ надо сидѣть, чтобы ее было удобно рисовать.

Теперь заинтересованная «Синичка» притихла и сидѣла смирно, какъ мышка, внимательно всматриваясь въ быстро подвигавшуюся работу художника.

IV.

Такъ шли дни... недѣли...

«Синичку» со двора сѣраго дома точно перенесли на полотно картины, и живая «Синичка», смѣясь, указывала пальцемъ на синичку, нарисованную на картинѣ, и твердила радостно хлопая въ ладоши:

— Это я... «Синичка!»

Это вышла великолѣпная картина.

Блѣдный художникъ съ добрыми глазами испытывалъ теперь большую радость.

Картина была кончена. Онъ далъ денегъ «Синичкѣ» и отпустилъ ее въ ея уголокъ между лопухами и крапивой.

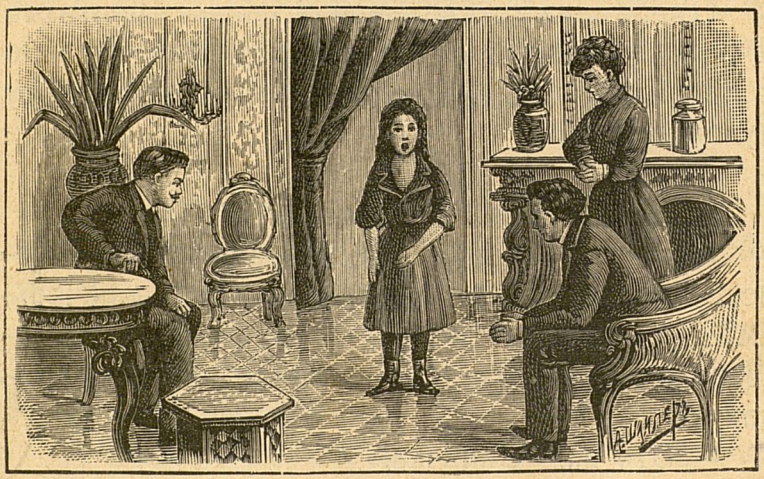
Большая мастерская, въ которой такъ чудесно улыбалось голубое небо, опустѣла. Блѣд-

ный художникъ, въ бархатной курткѣ, выѣхалъ оттуда и увезъ съ собой картину.

Онъ сталъ очень богатъ,—за картину ему заплатили громадныя деньги... Ее выставили на показъ въ большомъ городѣ...

Люди останавливались подолгу передъ картиной и любовались красавицей-дѣвочкой со странными глазами и интересовались ея судьбой.

И вотъ однажды во дворъ стараго дома

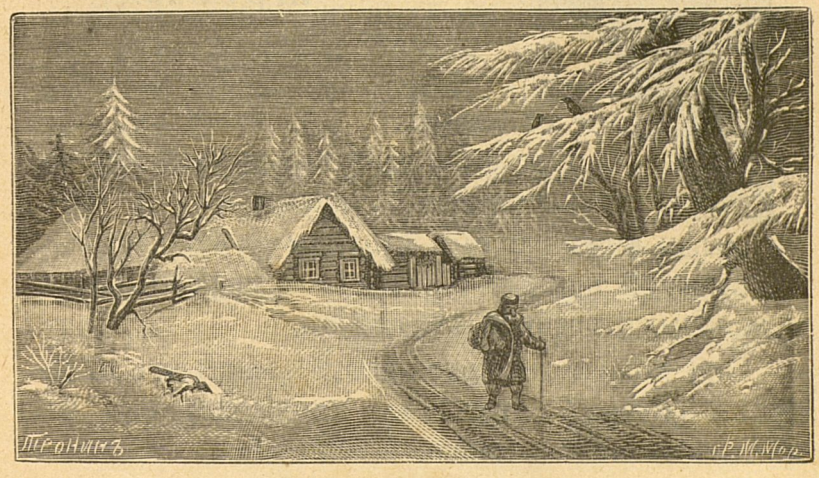


въѣхала карета. Нарядная дама вышла изъ нея и направилась прямо въ тотъ уголъ, гдѣ сидѣла и пѣла «Синичка»... Дама прислушалась... На лицѣ ея выразилось удивленіе. Потомъ она подошла къ «Синичкѣ», приласкала ее, дала ей конфектъ... А черезъ $^1/_2$ часа, переговоривъ съ дворничихой, увезла «Синичку» въ своей нарядной каретѣ.

«Синичку» привезли въ домъ богатой барыни, одѣли какъ барышню, стали учить пѣнію... «Синичка» подросла, но съ годами не поумнѣла. Она оставалась попрежнему идіоткой... Только пѣсни ее слушали теперь не одни жильцы сѣраго дома, а знатные и важные господа...

«Синичка» выросла и стала пѣвицей... Но поетъ она хуже, чѣмъ прежде... Въ уголку, на заднемъ дворѣ, между лопухами и крапивой, «Синичка» пѣла лучше и задушевнѣе...

И печальнѣе стала она... Ей недостаетъ свободы... По дикому уголку соскучилась «Синичка»...



Гиме—живая игрушка.

I.

Гиме ее звали...

Она была черненькая, какъ мушка, съ черными приподнятыми и опущенными книзу по обѣ стороны носа глазами, съ высокой прической, съ массою черепаховыхъ и золотыхъ гребней въ головѣ.

Она ходила въ шелковомъ вышитомъ халатикѣ, который назывался киримоно, опоясанномъ атласнымъ поясомъ, или оби...

Киримоно было свѣтло-голубое съ желтыми цвѣтами, а оби—чернаго цвѣта съ золотыми кистями,

Гиме была маленькая японочка, очень нарядная маленькая японочка и вдобавокъ кра-

сивая, какъ фарфоровая куколка. Кромѣ черныхъ раскосыхъ японскихъ глазокъ и черныхъ глянцевитыхъ волосъ, у Гиме было матово, изжелта-смуглое личико, цвѣтъ желтаго мрамора, на которомъ игралъ не переставая нѣжный. розовый, какъ заря, румянецъ. У Гиме были караловыя губки и черныя, точно нарисованныя брови. И если дѣвочекъ съ раскосыми глазками можно назвать красивыми, то Гиме была самою красивою изъ нихъ. Гиме была красавица.

Старый Азума, ея отецъ, очень любилъ свою красивую дочку.

Азума давно лишился жены. Онъ вдовѣлъ уже лѣтъ десять и теперь всю свою любовь къ женѣ послѣ ея смерти перенесъ на хорошенькую Гиме.

Старый Азума имѣлъ маленькій чайный домикъ близъ японской столицы Токіо... Въ этомъ домикѣ хорошенькія граціозныя японочки, называемыя гейшами, пѣли и плясали подъ звуки ше. Ше—это музыкальный ящикъ, одинъ изъ любимыхъ инструментовъ Японіи.

Многочисленные посѣтители приходили въ чайный домикъ, какъ у насъ приходятъ въ театры, садились за столики и, распивая душистый чай изъ крашеныхъ фарфоровыхъ чашечекъ, любовались танцами маленькихъ и нарядныхъ гейшъ и давали старому Азумѣ много золотыхъ монетъ за представленіе... И Азума

покупалъ на нихъ своей Гиме нарядныя кимоно и золотые гребни и дорогіе оби... Азума одѣвалъ Гиме, какъ куколку... Она была наряднѣе и красивѣе всѣхъ своихъ подругъ. Иногда, по большимъ праздникамъ, когда чайный домикъ посѣщаютъ особенно знатные иностранцы, Гиме играла и пѣла съ остальными гейшами. И всегда выдѣлялась среди нихъ граціей и красотою.

— Гиме у тебя растетъ какъ принцесса!—говорили Азумѣ знакомые посѣтители гейшъ.

— Не дай богъ, что случится съ тобою, дѣвочкѣ будетъ очень трудно...—Небось немного ты скопилъ денжонокъ для дочки на случай своей смерти.

— Ничего не скопилъ!—простосердечно сознавался Азума.—Всѣ деньги, которыя я выручалъ съ представленій въ чайномъ домикѣ, шли на наряды Гиме... на украшеніе ея жилища, на всевозможныя удовольствія, которыя я доставлялъ ей... О томъ, чтобы отложить копейку на черный день, я и не думалъ. Да и зачѣмъ думать? Проживу я еще долго... И волею судьбы умру тогда, когда моя Гиме вырастетъ и будетъ женою какого-нибудь знатнаго самурая (рыцаря) или богатаго иностранца.

Такъ говорилъ своимъ друзьямъ Азума.

Такъ онъ думалъ...

А судьба думала иначе...

II.

Въ одинъ прекрасный вечеръ въ чайный домикъ пріѣхалъ знатный богатый русскій князь съ женою и дѣтьми, одного возраста съ маленькаго Гиме.

Какъ только дѣти князя увидѣли Гиме, они пришли отъ нея въ неописанный восторгъ.

— Папа! Мамочка! Смотрите, что за прелестная японочка! вскричала миловидная бѣлокурая княжна Нина по англійски.

Гиме понимала англійскій языкъ, которому ее выучили учителя, приглашенныя для ея образованія старикомъ Азумой и услышала замѣчаніе миловидной бѣлокурой княжны, улыбнулась и закивала ей своей хорошенькой головкой.

— Ты мнѣ напоминаешь цвѣтокъ бѣлой розы!—весело крикнула она бѣлокурой Нинѣ. Это было очень любезное привѣтствіе по японскимъ обычаямъ. И Гиме начала танцовать свой красивый полный восточной граціи танецъ подъ мелодичные звуки ше, струны котораго перебирала другая маленькая гейша.

Чѣмъ дольше шелъ танецъ, тѣмъ все граціознѣе и милѣе танцовала его Гиме. Ея черные, приподнятые по уголкамъ, глазки ярко блестѣли, точно двѣ черныя яркія звѣздочки... Ея пріятно матовыя щечки горѣли яркимъ румянцемъ. Она была чудна-хорошенькая въ эту

минуту. Маленькія гейши старались не отставать отъ нея... Но до Гиме имъ было далеко. И вдругъ въ самый разгаръ танцевъ откуда-то снизу раздался отчаянный крикъ по японски:

— Скорѣе! Сюда! На помощь! Старый Азума разбился. Несчастье со старымъ Азумой.

Гиме дико вскрикнула и, какъ подкошенная, рухнула безъ чувствъ на полъ. Нѣкоторые изъ публики кинулись къ ней, другіе бросились на помощь къ старому Азумѣ.

Дѣйствительно, страшное несчастье случилось съ хозяиномъ чайнаго домика. Желая угостить гостей, какъ можно лучше, онъ спустился въ погребъ, гдѣ у него хранились самыя старыя и самыя лучшія вина, но въ потьмахъ оступился, упалъ на спину и сломалъ себѣ спиной хребетъ.

Азума умеръ сразу, тутъ же на ступеняхъ погреба. Его бережно подняли и отнесли въ шайню. А Гиме все еще не приходила въ себя.

Около нея хлопотала княгиня и бѣлокурая Нина, жена и дочь посланника.

— Вы знаете, что значитъ посланникъ, дѣти?

Это представитель каждаго государства въ другомъ чужомъ государствѣ. Всѣ государства обмѣниваются между собою посольствами и князь Павелъ Петровичъ Бѣльскій былъ русскимъ посланникомъ при Японскомъ дворѣ. Оттого онъ и жилъ въ Токіо, въ столицѣ Японскаго государства.

Князь Бѣльскій принялъ большое участіе въ маленькой Гиме.

Старый Азума лежалъ мертвый. Его домикъ наполнился друзьями покойнаго. Всѣ они спорили и говорили по поводу Гиме.

— Ахъ, что-то будетъ съ дѣвочкой? Держалъ ее отецъ какъ принцессу, а ничего ей не оставилъ, ни одной іены. Кто-то приметъ ее къ себѣ въ домъ—не обрадуется... Ужъ очень избалована дѣвочка, а вѣдь ничего не имѣетъ! Совсѣмъ нищая... худо ей будетъ бѣдняжкѣ Гиме! Князь Бѣльскій прислушивался къ этимъ спорамъ и сердце его наполнялось жалостью.

Въ самомъ дѣлѣ, что станется съ малюткой Гиме? Куда дѣнется бѣдная сиротка?.. Всѣ ея родственники и друзья не торопятся высказать желаніе принять Гиме въ свой домъ. И князь взглянулъ на маленькую японочку. Она какъ разъ въ эту минуту пришла въ себя, открыла удивленные глазки и дико озиралась вокругъ, какъ бѣдный запуганный звѣрекъ.

И вдругъ увидѣвъ трупъ отца, бросилась на грудь княжны Нины и горько неудержимо зарыдала.

Маленькая княжна, чѣмъ могла, утѣшала Гиме. Она осыпала ее ласками, нѣжно цѣловала въ кораловыя губки... Князь услышалъ взволнованный лепетъ дочери и тутъ-же рѣшилъ:

— Гиме некуда дѣться... Я возьму ее въ

свой домъ, пока мы поживемъ здѣсь, ей будетъ время привыкнуть, а потомъ, когда придетъ срокъ уѣзжать въ Россію, она уже вполнѣ освоится съ нами. Къ тому же очень пріятно имѣть въ домѣ такую прелестную, искусную, граціозную дѣвочку. И князь высказалъ свое предложеніе взять Гиме ея родственникамъ. Тѣ охотно согласились и были даже очень довольны тѣмъ, что Гиме попадетъ въ домъ богатыхъ и знатныхъ иностранцевъ.

Послѣ похоронъ стараго Азумы, Гиме переселилась въ домъ князя Бѣльскаго.

Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ... Князь думалъ долгое время пробыть въ Токіо, но дѣла повернулись такъ, что его вызвали въ Россію. Онъ долженъ былъ сразу собраться и уѣхать. Поѣхала съ нимъ въ Россію и его семья. И Гиме поѣхала съ нею...

III.

Гиме очень полюбили въ семьѣ князя...

Да и нельзя было не полюбить эту нѣжную, ласковую, очаровательную дѣвочку. Она долгое время тосковала по отцѣ и горько неутѣшно плакала... Но мало по-малу горе малютки стало притупляться, вѣдь время лучшій докторъ для всякаго горя... И съ теченіемъ времени Гиме стала привыкать къ своей потери.

Къ тому же Бѣльскіе окружили маленькую японочку самыми нѣжными заботами. Ея ком-

нату застлали лучшими восточными коврами, а поверхъ ковровъ положили расшитыя шелками и разрисованныя акварелью татами. Татами называются подушки, которыя кладутся на полъ и служатъ вмѣсто мебели для сидѣнья въ Японіи.

Всюду были разставлены хорошенькія ширмочки и висѣли разноцвѣтные бумажные фонарики съ нарисованными на нихъ птицами и цвѣтами. Въ углу комнатки стояла высокая въ родѣ глубокой кадки красивая ванна. Ее наполняли теплой водой и Гиме каждый день купалась въ ней, какъ это дѣлаютъ японцы.

На палочкахъ стояли всевозможныя изображенія Будды (Богъ, которому поклоняются японцы) и передъ ними ставились фарфоровыя чашечки величиной съ наперстокъ, съ крѣпкимъ ароматичнымъ чаемъ и клались засохшія цвѣты.

Это были приношенія Буддѣ маленькой Гиме.

Впрочемъ, не одни засохшія цвѣты были въ ея жилищѣ. Княгиня приказала садовнику вырастить много бѣлыхъ лотосовъ и хризантемъ въ теплицѣ. Лотосы и хризантемы—это цвѣты въ Японіи.

Цѣлые поля лотосовъ вы найдете тамъ.

А хризантема царственный цвѣтокъ въ Японіи и почитается особенно жителями ея.

И вотъ цѣлые букеты лотосовъ и хризантемъ наполняли вазы въ комнатѣ Гиме.

Ей не позволили одѣваться по европейски и она носила свои цвѣтные шелковые киримоно, одинъ другого богаче, одинъ другого наряднѣе...

Когда къ Бѣльскимъ пріѣзжали гости, Гиме призывали въ гостинную и заставляли ее играть на ея ше, пѣть пѣсни и танцовать передъ гостями...

И Гиме играла, пѣла и плясала...

Ее хвалили, восторгались ею, ласкали наперерывъ... Ее задаривали конфектами, цвѣтами, подарками... Съ нею много разговаривали на англійскомъ языкѣ.

Гиме была весела, мила и остроумна...

Ея отвѣты вызывали новый восторгъ...

— О, она совсѣмъ оправилась послѣ своего горя, эта маленькая Гиме; смотрите на нее, какъ она весела и беззаботна!.. Слышите, какъ она смѣется? говорили про нее...

Да, маленькая Гиме смѣялась...

Она видѣла заботы чужихъ ей людей... Ее трогали эти заботы и, чтобы чѣмъ нибудь отплатить за нихъ, Гиме старалась утѣшить и повеселить добрыхъ людей въ свою очередь.

Одного только избѣгала Гиме... выходить на воздухъ и смотрѣть въ окна... Шторы въ ея комнатѣ, гдѣ она проводила весь день, были всегда спущены. Гиме боялась поднять ихъ и взглянуть туда, гдѣ было такъ холодно, и гдѣ летали бѣлыя пушинки снѣга, а землю покрывала бѣлая-же сплошная пелена. Оттого

она и не выходила изъ своей хорошенькой поэтичной комнатки, гдѣ всегда такъ хорошо пахло цвѣтами и гдѣ цѣлый день горѣла хибаччи, то-есть японская переносная печь, жаровня.

И только, когда во всѣхъ остальныхъ комнатахъ огромной княжеской квартиры спускали занавѣси на окнахъ и зажигали лампы, Гиме выходила изъ своего уютнаго уголка.

Но чаще всего она сидѣла въ немъ, перебирая струны своего музыкальнаго ящика, и мурлыкая какую-то восточную пѣсенку.

И лицо у нея дѣлалось трогательно задумчивымъ и печальнымъ въ такія минуты...

Но вотъ раскрывалась дверь ея комнатки и къ ней влетала стрѣлой княжна Нина.

— Гиме! Голубушка! Что ты одна сидишь! Спой что нибудь или станцуй для меня! Милая Гиме! Пожалуйста... Мнѣ сегодня такъ скучно.

И лицо Гиме сразу измѣняется... Глаза снова загораются веселыми огоньками... Губки улыбаются. О, она съ радостью потѣшитъ свою русскую сестру, какъ называетъ Гиме Нину и въ слѣдующую же минуту Гиме танцуетъ, напѣвая какую-то восточную пѣсенку.

— Совсѣмъ освоилась у насъ Гиме! въ тотъ же вечеръ говоритъ княжна Нина матери.

— Знаете, мамочка, она даже никогда не вспоминаетъ о своей родинѣ... И такая всегда веселая, щебечущая—точно птичка!

— Милая дѣвочка!—ласково цѣлуя Гиме, говоритъ княгиня.

— А я ей сюрпризъ приготовилъ! говоритъ князь и лукаво улыбается въ сторону Гиме.

— Какой? какой сюрпризъ, папа? на перерывъ бросаются къ отцу княжна Нина и ея младшій братъ Жоржъ.

Но Павелъ Петровичъ только продолжаетъ улыбаться.

— Сюрпризъ—Гиме! И никто не долженъ знать его раньше Гиме...—отвѣчаетъ онъ со смѣхомъ.

IV.

Это было въ день имянинъ Павла Петровича.

Ждали много почетныхъ гостей. По комнатамъ скользили лакеи, дѣлая всевозможныя приготовленія къ вечеру...

Въ буфетѣ убирали вазы конфектами и фруктами... Масса цвѣтовъ, разставленныхъ по угламъ залъ и гостиныхъ, лили свой пріятный, сладкій ароматъ...

Гиме было приказано нарядиться въ ея лучшій киримоно...

Въ десять часовъ стали съѣзжаться гости.

Позвали Гиме... Она вошла въ нарядный залъ, одѣтая какъ куколка, съ оживленнымъ личикомъ, держа въ рукахъ свой музыкальный ящикъ и граціозно поклонилась гостямъ.

Гиме скромно опустилась на шелковое татами, принесенное ей изъ ея комнаты лакеемъ и запѣла.

Ахъ, какъ пѣла Гиме!

Голосокъ у нея былъ чистый и звонкій, какъ свирѣль... Серебряные звуки его точно таяли въ огромной прекрасной залѣ.

Она пѣла о синемъ морѣ, о жаркомъ солнцѣ, о цвѣтахъ лотоса и хризантемы...

Щечки ея разгорѣлись и сами стали похожими на розовыхъ хризантемъ..

И вдругъ Гиме вздрогнула...

— Гиме! позвалъ ее кто-то позади нея...

Она насторожилась.

Это былъ совсѣмъ незнакомый голосъ..

— Гиме! снова произнесъ голосъ и тихо продолжалъ на чистѣйшемъ Японскомъ нарѣчіи.

— Здравствуй, маленькая Гиме! Я привезъ тебѣ поклонъ изъ нашей обожаемой страны. Дай Нипонь *),..

Едва только услышала эту фразу Гиме, какъ тихо вскрикнула .. Глаза ея широко раскрылись и смертельная блѣдность разлилась по прелестному помертвѣвшему личику.

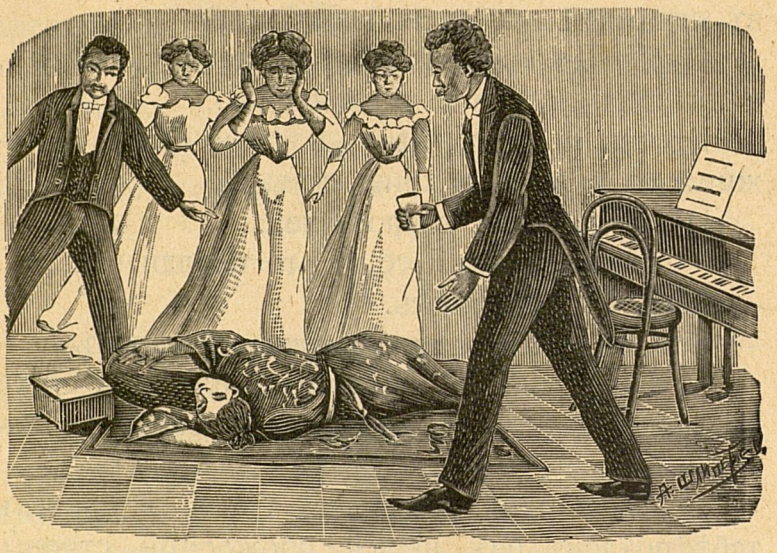
— Дай Нипонь! Дай Нипонь! прошептали ея губки и она тихо безъ чувствъ соскользнула на полъ со своей татамы...

*) Дай Нипонь называется священная страна. Такъ называютъ японцы свою родину.

Страшный переполохъ наступилъ въ залѣ.

Гости, на смерть перепуганные, окружили маленькую японочку... Всѣ волновались...

Но больше всѣхъ волновался небольшого роста господинъ съ характернымъ типомъ лица настоящаго японца... Это былъ членъ японскаго



посольства, котораго пригласилъ къ себѣ князь Бѣльскій, чтобы доставить удовольствіе маленькой Гиме.

Маркизъ Нито, молодой японецъ, очень растерялся при видѣ безчувственной малютки Гиме... Онъ не думалъ, что Гиме такъ тяжело переживетъ первое, услышанное ею на чужбинѣ, родное японское слово.

Между тѣмъ Гиме медленно приходила въ себя.

Вотъ ея черные глазки раскрылись, она увидѣла князя Бѣльскаго и съ рыданьемъ бросилась къ нему и зашептала, сквозь слезы.

— Простите Гиме! Простите мой названный отецъ, не сердитесь на маленьюю бѣдняжку Гиме... Гиме любитъ свою родину больше всего на свѣтѣ и если открыто не грустила, не плакала по ней, то только потому, что не хотѣла огорчать своими слезами добрыхъ русскихъ... пусть же простятъ маленькую Гиме за то, что она испортила имъ праздники... но бѣдняжка Гиме услышала родную рѣчь и вдругъ увидѣла передъ собою свою дорогую страну... свой обожаемый Дай-Нипонь... который никогда уже больше не увидитъ бѣдняжечка Гиме...

Закончила она и слезы неудержимымъ потокомъ полились изъ ея глазъ.

— Нѣтъ, ты ее увидишь! Увидишь свою родину, дорогая малютка! горячо возразилъ глубоко взволнованный князь—даю тебѣ слово, что ты ее увидишь скоро, Гиме!

— О! могла только прошептать Гиме и прижала свои маленькія рученки къ сердцу.

Безумный восторгъ отразился въ ея черныхъ глазахъ... Голова закружилась... Она едва вторично не лишилась чувствъ отъ счастья...

Весь вечеръ Гиме не отходила отъ маркиза Ното и жадно распрашивала его про свою дорогую родину.

А когда маркизъ Ното съ женою уѣхали

черезъ мѣсяцъ въ Токіо, князь Павелъ Петровичъ отпустилъ Гиме вмѣстѣ съ ними...

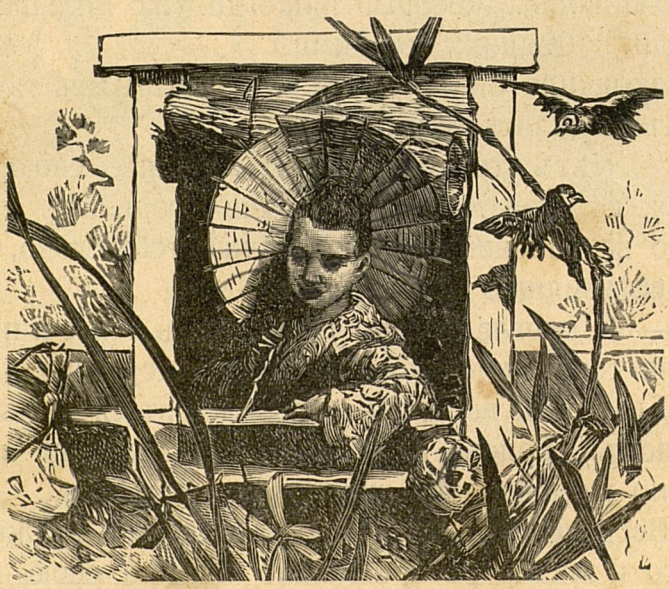
Осенью маркизъ вернется снова въ Петербургъ.

И Гиме вернется вмѣстѣ тоже...

Она пишетъ изъ Токіо длинныя задушевныя письма всей семьѣ Бѣльскихъ.

Она пишетъ, что безконечно счастлива находиться снова въ своей чудесной Японіи.

Она пишетъ еще, что очень, очень любитъ добрыхъ русскихъ друзей и осенью вернется къ нимъ непремѣнно снова...



Чудовище.

I.

Когда у фрейлейнъ болятъ зубы, Витикъ бываетъ очень доволенъ, и не потому, чтобы Витикъ былъ дурной мальчикъ, нѣтъ, у Витика очень доброе сердечко и онъ не можетъ безъ слезъ видѣть прихрамывающую собачку, или запутавшуюся въ паутинѣ мушку, а просто Витикъ радъ свободѣ, потому что когда фрейлейнъ возится съ больными зубами, она совсѣмъ забываетъ о существованіи Витика и онъ можетъ бѣжать въ свой „уголокъ“.

Ахъ, этотъ уголокъ!

Какъ тамъ хорошо на крошечной полянкѣ

между ледникомъ и прудомъ, поросшей высокой сочной травой и окруженной густыми кустами смородины. Это лучшее мѣсто въ саду. Витику „уголокъ“ и раньше нравился, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ, что-то про сосѣднюю дачу, прилегающую своимъ полисадникомъ къ „уголку“, онъ сталъ чаще навѣдываться сюда.

Правда, ему строго-настрого запрещено подходить къ забору, по которому растутъ кусты смородины съ незрѣлыми ягодами, но никто не мѣшаетъ ему лежать на травѣ и смотрѣть въ отверстіе между корнями кустовъ на сосѣднюю дачу и чудный полисадникъ.

А ему такъ интересно смотрѣть туда.

Прежде тамъ не было такъ интересно, а съ того вечера, какъ онъ слышалъ разговоръ мамы съ фрейлейнъ, Витикъ положительно только и думаетъ, что о сосѣдней дачѣ и ея обителяхъ.

Три дня тому назадъ, когда шелъ дождь и Витикъ не ходилъ на прогулку, а сидѣлъ въ дѣтской и устраивалъ смотръ оловяннымъ солдатикамъ, которыхъ у него было цѣлыхъ четыре коробочки, онъ слышалъ, какъ мама говорила фрейлейнъ въ сосѣдней комнатѣ.

— Ради Бога только, чтобы Витикъ какъ нибудь не увидѣлъ его.

— Нѣтъ, нѣтъ, не безпокойтесь, я буду слѣдить,—отвѣчала фрейлейнъ.

— Вѣдь это чудовище!—ужаснулась мама,— и подумать, что такое чудовище поселилось съ

нами рядомъ! Пожалуйста берегите Витика, прошу васъ!

— О, будьте покойны! Витикъ и не увидитъ его!—поторопилась успокоить маму бонна.

Витикъ навострилъ ушки, страшно заинтересованный разговоромъ, но было уже поздно: онъ не услышалъ ничего. Мама ушла въ столовую, фрейлейнъ пришла къ нему и строго-настрого запретила тутъ же подходить къ забору, отдѣляющему „уголокъ“ отъ сосѣдней дачи.

Витику ужасно интересно было узнать, что это за чудовище, о которомъ говорили мама и фрейлейнъ, съ рогами оно или съ хвостомъ и бросается-ли чудовище на людей или сидитъ на привязи.

— Фрейлейнъ, а оно кусается?—спросилъ онъ робко бонну.

— Кто?—не поняла флейлейнъ.

— Да чудовище, о которомъ вы сейчасъ говорили?

Но тутъ фрейлейнъ страшно разсердилась и сказала, что Витикъ скоро состарится, если будетъ все знать, и велѣла ему забыть про чудовище.

Но вотъ тутъ-то Витикъ и не могъ сладить съ собою. Чудовище не выходило у него изъ головы съ этой минуты.

Его поминутно тянуло теперь въ «уголокъ» и онъ не отрываясь смотрѣлъ въ чужой полисадникъ, черезъ отверстіе между двумя смо-

родинными кустами. Къ забору, однако, Витикъ подходить не смѣлъ. И не оттого, чтобы боялся. Нѣтъ! Витикъ никогда не былъ трусомъ и даже не боялся лягушекъ, въ то время какъ фрейлейнъ благимъ матомъ кричала, завидя ихъ; а просто Витику запрещено было подходить къ забору, а Витикъ былъ послушный мальчикъ. Онъ приходилъ въ «уголокъ» въ тѣ часы, когда фрейлейнъ была занята чѣмъ-либо, и думалъ о чудовищѣ, благо думать ему не было запрещено.

И чудовище представлялось Витику то въ видѣ огромнаго льва, съ мохнатой гривой, то въ видѣ длинной-предлинной змѣи.

Ахъ, какъ ему хотѣлось повидать его хоть однимъ глазкомъ... хоть на минуточку. Вѣдь Витикъ не былъ трусомъ и потомъ... потомъ...

Ужъ очень ему хотѣлось повидать чудивище!

II.

Витикъ лежитъ въ своемъ уголкѣ. Фрейлейнъ отпустила его въ садъ, потому что онъ только раздражаетъ ее сегодня, и зубы у нея при немъ болятъ сильнѣе.

Ахъ, что за прелесть „уголокъ“ Вити! Это совсѣмъ, совсѣмъ особенный уголокъ!

Въ то время какъ за изгородью сада по шоссе снуютъ люди, кричатъ разнощики и сѣрая пыль клубится столбомъ, здѣсь чудо какъ хорошо, зелено и уютно! Бѣлыя, желтыя и розо

выя кашки мелькаютъ тутъ и тамъ въ зеленой травѣ. Быстрыя ящерицы скользятъ мимо и смотрятъ во всѣ глаза на маленькаго мальчика, растянувшагося въ травѣ. Витикъ не боится ящерицы. Уже если чудовища онъ не боится, то ужъ ящерицы и подавно!

Онъ съ наслажденіемъ потягивается, жмурится какъ котенокъ и думаетъ все объ одномъ и томъ-же:

„Съ рогами чудовище, или съ хвостомъ? на цѣпи или ручное? И увидитъ-ли его когда нибудь онъ, Витикъ?“

III.

Витикъ самъ не замѣтилъ, какъ уснулъ, лежа на мягкой травѣ въ своемъ уголкѣ.

Лежалъ, лежалъ и уснулъ.

Вдругъ чувствуетъ во снѣ, какъ что-то холодное прикасается ему къ носу. Витикъ мигомъ просыпается.

— Лягушка! Бррр...—вздрагиваетъ мальчикъ.

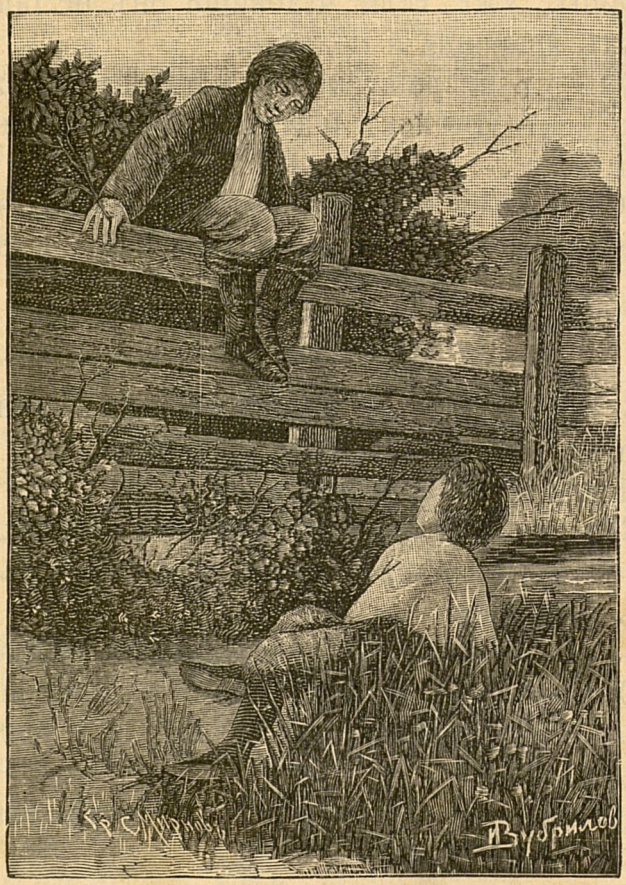
Онъ конечно не трусъ и не боится лягушекъ, но кому же пріятно, когда лягушка усядется вамъ на носъ?

Громкій хохотъ раздается гдѣ-то близко, близко около него.

Витикъ вскакиваетъ на ноги и смотритъ передъ собой большими, круглыми отъ удивленія, глазами.

На заборѣ, отдѣляющемъ «уголокъ» отъ со-

сѣдней дачи, сидитъ мальчикъ быстроглазый, стройный, хорошенькій. На немъ рваная курточка съ матросскимъ воротникомъ и щегольскіе желтые сапожки.



Очевидно, курточку онъ порвалъ только что, когда лѣзъ на заборъ, потому что все остальное въ костюмѣ мальчика новешенько и чисто. Лицо его весело улыбается и губами, и глазами,

и щеками. Во всемъ улыбка. Даже задорно вздернутый носикъ и бѣлокурый хохолъ надъ лбомъ улыбаются тоже...

— Вотъ такъ ловко! смѣется мальчикъ,— прямо въ носъ угодилъ и не цѣлился даже!

Тутъ только Витикъ понимаетъ, въ чемъ дѣло; не лягушка его задѣла за носъ, а небольшой резиновый мячикъ, который валяется здѣсь же въ травѣ.

— Что это ты на меня глаза выпучилъ?— говоритъ мальчикъ.—Шагай ко мнѣ! Влѣзай на заборъ! Ну, живо!—командуетъ онъ.

Но Витикъ очень хорошо помнитъ, что ему запрещено подходить къ забору, и не двигается съ мѣста.

Тогда веселый мальчуганъ въ одну минуту спрыгиваетъ на землю, подскакиваетъ къ Витику и, дернувъ его за бѣлокурый локончикъ, красиво вьющійся на лбу, говоритъ:

— Здравствуй!

Витику не нравится, что съ нимъ такъ здороваются, и онъ хмуритъ брови. Мальчикъ замѣчаетъ это и хохочетъ громче.

— Ѳедулъ, что губы надулъ?—кричитъ онъ.

— Совсѣмъ я не Ѳедулъ,—обижается Витикъ,—а Витя.

— Ну, ладно, Ѳедулъ или Витя, не все-ли равно?—вскричалъ весело мальчикъ.—А вотъ, что разиня ты, такъ это вѣрно! Лежитъ въ

этакомъ довольствѣ—смородина сама въ ротъ лѣзетъ, а онъ и ягодки не отвѣдалъ.

И съ этими словами веселый мальчикъ быстро подскочилъ къ кусту, съ котораго свѣшивались зеленовато-розоватыя ягоды красной смородины, которая могла поспѣть не ранѣе какъ черезъ мѣсяцъ, и съ жадностью сталъ ихъ ѣсть.

— Мнѣ запрещено кушать ягоды!—произнесъ Витикъ, глядя на мальчугана, уписывающаго смородину за обѣ щеки,—она еще не поспѣла.

— Вздоръ!—прервалъ его тотъ;—или ты трусишь!—боишься животикъ бо-бо будетъ, касторки дадутъ, въ постельку положатъ?—поддразнилъ его мальчикъ и смѣялся.—Ахъ ты нюня, дѣвчонка!

Но тутъ уже Витя не выдержалъ дольше и, чтобы выказать своему незванному гостю, что онъ не нюня и не дѣвчонка, сталъ рвать ягоды по примѣру того и класть ихъ въ ротъ. Ягоды были кислыя-прекислыя, и Витику онѣ не нравились совсѣмъ, но, чтобы не отставать отъ своего новаго пріятеля, онъ все ѣлъ и ѣлъ безъ конца. Наконецъ весь ротъ у него стянуло отъ непріятнаго ощущенія кислоты и подъ ложечкой стало непріятно сосать и пощипывать. Къ тому же одинъ вопросъ занималъ Витика гораздо больше ягодъ. Ему ужасно хотѣлось разспросить веселаго мальчика, гдѣ спрятано чудовище у нихъ на дачѣ и какое оно на видъ, съ рогами или съ хвостомъ?

Онъ уже было и ротъ раскрылъ для этого, какъ вдругъ веселый мальчикъ отскочилъ отъ куста и изо всѣхъ ногъ кинулся къ забору.

Черезъ минуту оттуда послышалось жалобное мяуканье и снова появился изъ-за кустовъ веселый мальчикъ, но уже не одинъ, а съ большимъ, жирнымъ котомъ на рукахъ.

— Вотъ такъ толстякъ! — вскричалъ онъ, показывая кота Витику,—въ жизни не видѣлъ такой здоровенной кошки. Онъ, поди, и играть не можетъ, неповоротливъ, какъ тюфякъ. Сейчасъ попробуемъ!

И, прежде чѣмъ Витикъ успѣлъ остановить веселаго мальчика, онъ вытащилъ изъ кармана кусокъ бичевки и, сорвавъ большой листъ лопуха, сталъ привязывать его съ помощью веревки къ хвосту кошки.

Задумано—сдѣлано!

Кошка дѣлаетъ движеніе и лопухъ за нею. Кошка вправо—и лопухъ вправо. Кошка влѣво—и лопухъ за нею. Кошка совсѣмъ очумѣла, кружится волчкомъ по полянкѣ, а веселый мальчикъ заливается-хохочетъ.

— Вотъ такъ тюфякъ! Отлично двигается!.. А я-то думалъ...

Но тутъ произошло нѣчто совсѣмъ неожиданное и для Витика и для веселаго мальчика.

Обозленный коташка вмѣсто того, чтобы по-прежнему кружиться въ погонѣ за собственнымъ хвостомъ, метнулся къ тому мѣсту, гдѣ

сидѣлъ Витикъ, и изо всѣхъ силъ оцарапалъ его за щеку.

Витикъ сначала закричалъ благимъ матомъ, потомъ заплакалъ навзрыдъ. Кошка съ лопухомъ въ ту же минуту исчезла куда-то, а веселый мальчикъ подскочилъ къ Витику и сталъ его утѣшать.

— Ну, ну, не реви... будетъ! Велика важность, кошка цапнула! До свадьбы заживетъ. Не реви! Смотри, какъ я кораблика спускать буду!

Витикъ пересталъ хныкать при словѣ «кораблика» и внимательно осмотрѣлся кругомъ, ища, гдѣ-бы могъ находиться кораблика. Но его нигдѣ не находилось. Тогда веселый мальчикъ расхохотался своимъ громкимъ смѣхомъ.

— Думаешь, нѣтъ кораблика? Надулъ я тебя, — смѣялся онъ. — А вотъ! развѣ не кораблика?

И самымъ неожиданнымъ образомъ онъ подскочилъ къ Витѣ и, сдернувъ у него съ ноги желтую туфельку, подбѣжалъ къ пруду и пустилъ ее на воду.

Витику это такъ понравилось, что онъ и самъ разсмѣялся.

И правда, кораблика! Плаваетъ роскошно, точно на парусахъ.

Съ одной ногой въ чулкѣ, съ другой въ туфлѣ, Витикъ со всѣхъ ногъ несется къ пруду. Веселый мальчикъ уже тамъ и отталки-

ваетъ Витину туфлю отъ берега большимъ сукомъ.

— Бери вонъ ту палку и дѣлай то-же!— командуетъ веселый мальчикъ Витику и бросаетъ ему такую-же жердь, найденную тутъ-же у пруда.

Витикъ не заставляетъ себя просить вторично и тоже отталкиваетъ туфлю отъ берега поднятымъ сукомъ. Но туфля не слушается; она завязла въ тинѣ и не хочетъ плыть. Витикъ тянется еще дальше отъ берега своимъ сукомъ и вдругъ...

Нога мальчика скользитъ, голова кружится и онъ, потерявъ равновѣсіе, бултыхъ въ воду!

Воды въ прудкѣ мало. Тамъ и курицѣ утонуть трудно, а Витику и подавно, но развѣ пріятно очутиться въ холодной водѣ по колѣни, да еще въ тинистой и грязной?

Какъ вы думаете, читатель?

По крайней мѣрѣ Витику это очень непріятно; ему холодно и страшно — онъ дрожитъ.

— Давай мнѣ руку! Давай мнѣ руку!—кричитъ ему веселый мальчикъ съ берега и тянетъ его изъ воды.

Витикъ, съ трудомъ вытаскивая то одну, то другую ногу изъ тины, причемъ и вторая туфля падаетъ съ его ноги, вылѣзаетъ на берегъ.

— Ну вотъ и спасенъ! Велика важность, выкупался, не реви только!—говоритъ веселый мальчикъ.

— У меня животъ болитъ,—пищитъ Витикъ,— отъ смородины болитъ незрѣлой...

— Экая ты братецъ, нѣженка, размаз...— начинаетъ веселый мальчикъ и вдругъ останавливается разомъ, Витикъ тоже оглядывается и замираетъ отъ страха.

Къ пруду бѣжитъ фрейлейнъ, за нею горничная Даша, за нею кухарка Матрена, а вдалекѣ виднѣется фигура мамы, которая тоже спѣшитъ къ «уголку».

— Боже мой!—кричитъ фрейлейнъ такимъ голосомъ, точно ана увидѣла у пруда льва или крокодила.—Чудовище! Витикъ съ чудовищемъ! Боже мой; Боже мой!

Витикъ разомъ оглядывается.

— Чудовище!? Гдѣ? Наконецъ-то!

И какъ онъ не замѣтилъ, что оно подкралось къ нему?

И онъ оглядывается на всѣ стороны съ самымъ любопытнымъ видомъ. Но никого нѣтъ. Рѣшительно никого. Одинъ только веселый мальчикъ спѣшно лѣзетъ черезъ заборъ, отдѣляющій Витикинъ «уголокъ» отъ чужой дачи.

— Гдѣ чудовище? гдѣ?—спрашиваетъ Витикъ и смотритъ во всѣ глаза на фрейлейнъ.

— Онъ еще разговариваетъ!—кричитъ фрейлейнъ,—а это кто? Чудовище! Разбойникъ! Негодный мальчишка! Вотъ постой, я тебя...

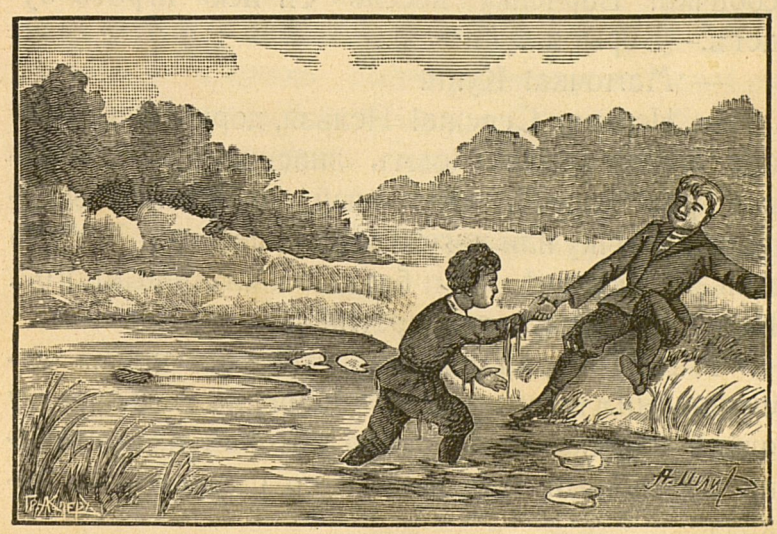
И фрейлейнъ, вся красная отъ злости, бѣжитъ къ забору, поднявъ по дорогѣ сукъ, брошенный веселымъ мальчикомъ.

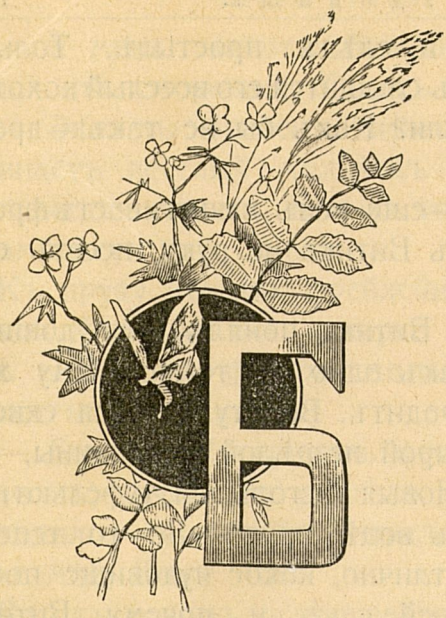
Но того уже и слѣдъ простылъ. Только гдѣ-то за заборомъ слышится его веселый хохотъ:

— Что, поймали? Какъ бы не такъ!—дразнится онъ.

— Чудовище!—еще разъ взвизгиваетъ фрейлейнъ и, схвативъ Витика на руки, несетъ его въ домъ.

Теперь только Витикъ понялъ, что чудовище и веселый мальчикъ одно и то-же. Ему холодно... его лихорадитъ. Во рту остался скверный вкусъ отъ сырой незрѣлой смородины, въ животѣ—рѣзня. Новыя щегольскія туфельки навсегда исчезли въ водѣ пруда. За то теперь Витикъ понялъ отлично, какое чудовище поселилось въ сосѣдней дачѣ и почему Витику нельзя бывать одному въ его «уголкѣ».





Бѣдный Топсикъ.

арыня, милая, купите собачку.

— Нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ, не надо, проходи!

— Барыня, миленькая, купите! Хорошая собачка! Барченку весело съ нею играть будетъ.—Барыня... Милая!..

— Мамочка! Купи!

— Нельзя, Сережа! Нельзя, дорогой! Съ собакой много возни, самъ знаешь, да и ты такой разсѣянный, вѣтренный, покормить забудешь собачку или погулять ее вывести!.. А этого нельзя. Акулинѣ же и безъ собаки дѣла много... Не стоитъ покупать, дорогой!—

Такъ говорила мама, стоя со своимъ десятилѣтнимъ сынишкой посреди бульвара у одной изъ скамеекъ, около которой ихъ остановилъ уличный мальчишка со щенкомъ въ рукахъ.

Щеночекъ былъ сама прелесть. Черная шерсть, черные ушки, уморительная мордочка и умные живые глазенки... Самъ же крохотный, пушистый, забавный. Ну, словомъ, чудо что такое!

У маленькаго Сережи глаза разгорѣлись на щенка.

— Купи, мамуся, милая, дорогая! чуть-ли не плача сталъ упрашивать маму мальчикъ.— Я самъ буду ухаживать за щеночкомъ, Акулинѣ не будетъ съ нимъ хлопотъ, увѣряю тебя, мамочка! Купи только!..

— Купи, барынька, милая— вторилъ Сережѣ и продавецъ—мальчишка, которому, очевидно, до смерти хотѣлось продать щенка. Мама, любившая безъ памяти своего ненагляднаго Сереженьку, однако, не сдавалась на его просьбу. Она отлично знала отличительную черту своего сынишки. Сережа былъ удивительно разсѣянный и забывчивый мальчикъ. – Сережа,—бывало, говоритъ ему Анна Викторовна,—убери твои картинки, а то ихъ Акулина можетъ въ кухню вымести нечаянно съ соромъ, видишь, на полу валяются!

— Сейчасъ! Сейчасъ мамочка!—отвѣчаетъ на все готовый Сережа и... тотчасъ-же забываетъ мамино приказаніе, увлекшись по дорогѣ видомъ огромной мухи, бившейся о стекло окна.

— Сереженька,—проситъ мама,—я пойду

по дѣлу, ты завтракаешь одинъ. Пожалуйста не ѣшь чернаго хлѣба, а то у тебя животикъ болѣлъ съ утра.

— Хорошо, мамочка! покорно отвѣчаетъ Сережа, и въ забывчивости съѣдаетъ за завтракомъ огромную горбушку.

Въ школѣ тоже исторія. Сережа хорошій, послушный мальчикъ, но удивительно разсѣянный и невнимательный бываетъ порою. Учитель задастъ задачу, Сережа забудетъ ее сдѣлать. Велятъ выучить стихи—онъ и про стихи забудетъ...

— Ну, куда тебѣ заводить щенка, когда ты и про свои обязанности забываешь! Вѣдь собачку кормить аккуратно надо! урезониваетъ Сережу мама.

— Ахъ, мамочка! Пожалуйста купи, я тебѣ слово даю такъ заботиться о ней! Такъ!...

И Сережа отъ полноты чувствъ цѣлуетъ мохнатую мордашку дѣйствительно прелестной собаченки.

Глаза Сережи полны мольбы... Голосъ тоже. У мамы нѣтъ духа отказать своему любимцу, и вотъ къ великому удовольствію Сережи и уличнаго мальчишки у послѣдняго покупается щенокъ. Мальчишкѣ даютъ цѣлковый, щенка заворачиваютъ въ платокъ и торжественно несутъ домой.

* * *

Его назвали Топсикомъ.

Сережа не помнилъ себя отъ восторга.

Купили огромную чашку, купили овсянки, купили костей и Сережа сталъ брать уроки у Акулины, какъ готовить обѣдъ маленькому Топсику.

Мама сшила щенку перинку, набили ее сѣномъ и устроили Топсику нѣчто похожее на постель въ углу прихожей.

Топсикъ оказался очень веселымъ, игривымъ и забавнымъ существомъ.

По утру, уходя изъ дома въ школу, Сережа заготовлялъ ему пищу на цѣлый день, ставилъ свѣжую воду и только послѣ продолжительнаго прощанія со своимъ новымъ питомцемъ уходилъ въ школу.

Послѣ окончанія уроковъ Сережа, сломя голову, спѣшилъ домой.

Тамъ его встрѣчалъ съ радостнымъ визгомъ Топсикъ. Больше часа гонялись они оба, мальчикъ и щенокъ, по маленькой гостинной, столовой и прихожей взапуски, причемъ Топсикъ хваталъ за ноги Сережу, и Сережа хохоталъ, какъ сумасшедшій. Когда же послѣ обѣда мальчикъ усаживался за приготовленія уроковъ, Топсикъ растягивался у его ногъ и погружался въ сладкую дремоту.

Но стоило только Сережѣ вскочить со стула, какъ Топсикъ уже былъ на ногахъ и оглушительнымъ лаемъ привѣтствовалъ своего маленькаго хозяина.

Такъ прошелъ мѣсяцъ. Наступали святки.

Школьниковъ распускали по домамъ на рождественскіе двухнедѣльные каникулы.

Сережа съ радостью помышлялъ о чудесной елкѣ и о дѣтскомъ балѣ, который давалъ своимъ пріятелямъ его товарищъ Миша Воиновъ.

И вдругъ... Топсикъ заболѣлъ. У Топсика сдѣлалась чума, эта неизбѣжная болѣзнь всѣхъ щенятъ. Онъ пересталъ бѣгать и возиться и все больше лежалъ на своей перинкѣ въ углу прихожей. Сережѣ было очень жаль милаго Топсика, но его мысли теперь были заняты иными впечатлѣніями—баломъ и елкою и онъ менѣе, чѣмъ можно было это предполагать, сокрушался о своемъ другѣ. Мама нѣсколько разъ уже напоминала мальчику покормить Топсика, перемѣнить ему воду, взбить перинку... Сережа смущался за свою разсѣянность, исполнялъ все необходимое, отъ души жалѣлъ Топсика и раскаявался до слезъ въ своей винѣ.

Наступилъ день бала. Сережа любилъ танцы всей душою, поэтому приготовленія къ балу заняли всѣ его мысли. Въ этотъ день его мама должна была отлучиться съ утра по дѣлу и Сережа собирался на балъ безъ мамы. Балъ былъ назначенъ въ шесть часовъ вечера и Сережа съ четырехъ часовъ принялся мыться, причесываться одѣваться съ помощью Акулины.

Мама Сережи была небогатая женщина, жила на пенсію, оставшуюся послѣ покойнаго мужа, и не могла держать ни бонны, ни гувер-

нантки для Сережи. Когда она находилась въ отсутствіи, обязанности бонны выполняла кухарка Акулина. И теперь, одѣвая Сережу, Акулина то и дѣло торопила его:

— Опоздаешь, миленькій, одѣвайся скорѣе!

Наконецъ Сережа былъ готовъ и со всѣхъ ногъ пустился бѣжать по лѣстницѣ, чтобы поспѣть во время, къ началу танцевъ.

Ему было не до Топсика, ни до прощанья съ нимъ... Да онъ, признаться, и забылъ о Топсикѣ въ эти минуты.

Забыла о Топсикѣ и Акулина, когда $^1/_2$ часа спустя по уходѣ Сережи запирала дверь квартиры на ключъ, отправляясь къ кумѣ въ гости.

Сережа не ошибся въ своемъ разсчетѣ. Балъ удался на славу.

Дѣтишки плясали до 11-ти часовъ вечера и, когда мама пріѣхала за Сережей, то ей чуть не на рукахъ пришлось тащить домой своего едва стоявшаго на ногахъ отъ усталости мальчика.

Едва добрался до постели Сережа, какъ бухнулся на нее и тотчасъ же уснулъ. Ему снились всю ночь веселые звуки танцевъ, кружащіеся подъ музыку нарядныя пары веселыхъ дѣтокъ, шутки, радостные возгласы, смѣхъ.

Проснулся онъ на другой день поздно, около 12-ти. Мама нарочно не будила его, желая дать выспаться какъ слѣдуетъ утомившемуся наканунѣ мальчику.

Проснулся и вдругъ вспомнилъ о Топсикѣ... Вспомнилъ и похолодѣлъ отъ ужаса... Даже потъ каплями выступилъ на его лбу... Смертельная блѣдность покрыла лицо.

— Что онъ надѣлалъ? О Господи! Онъ совсѣмъ, совсѣмъ забылъ про своего больного Топсика.

Забылъ заготовить пищу и питье наканунѣ... Съ третьяго дня бѣдный Топсикъ ничего не пилъ и не ѣлъ. О, ужасъ! О, ужасъ!

Не помня, себя сталъ одѣваться дрожащими руками Сережа... натягивать кое-какъ куртку, штанишки... Вотъ онъ наконецъ готовъ! Слава Богу! Стремглавъ летитъ въ прихожую, подбѣгаетъ къ постелькѣ Топсика и съ громкимъ воплемъ отскакиваетъ назадъ.

На перинкѣ лежитъ распростертый Топсикъ. Его языкъ высунутъ... Глаза со стеклянной неподвижностью устремлены куда то въ уголъ... Мордочка безпомощно свѣсилась съ перинки.

Не смѣя догадываться о страшной истинѣ, Сережа стремглавъ несется въ столовую, хватаетъ со стола сдобныя булочки и летитъ съ ними къ Топсику. Протягивая ихъ къ самой мордочкѣ собачки, онъ жалобно шепчетъ:

— Топсикъ! Миленькій! Хорошенькій! Кушай, пожалуйста! И вдругъ его пальцы нечаянно касаются холоднаго, какъ ледъ носа Топсика. Сережа испускаетъ отчаянный крикъ и, закрывъ лицо рученками, громко судорожно рыдаетъ!..

А. Шлиперт С.
1906

Сомнѣній нѣтъ... Его Топсикъ мертвъ! Бѣдный Топсикъ!..

Онъ задохся отъ жара, не имѣя ни капли воды, измученный и безъ того болѣзнью.

И никто иной, какъ Сережа, виновенъ въ его смерти, забывшій своего больного друга.

Бѣдный, несчастный, покинутый Топсикъ!

И Сережа рыдаетъ такъ, что прибѣжавшая на его плачъ мама долго не можетъ успокоить ребенка.

Топсикъ погибъ, но его гибель благотворно подѣйствовала на Сережу. Онъ окончательно потерялъ свою разсѣянность и забывчивость. Теперь онъ внимательный, исполнительный мальчикъ.

Но какой жертвы стоило ему его перерожденіе!.. Онъ долго, долго не могъ забыть своего милаго, мертваго Топсика, погибшаго по его винѣ.

Бѣдный Топсикъ!

Въ гости къ бабушкѣ.

Кира... Соня... Алекъ... Витюша!...— гулко разносится по квартирѣ,— собирайтесь... пора ѣхать... на поѣздъ не попадемъ. — Кира! Соня! Алекъ! Витюша!

— Сейчасъ! Сейчасъ!—откликаются звонкіе дѣтскіе голоса и изъ небольшой, залитой солнцемъ, веселенькой дѣтской выскакиваютъ два мальчика и двѣ дѣвочки возрастомъ отъ шести до 12 лѣтъ.

— Няня, одѣвайте дѣтей, только поскорѣе. Поѣздъ не ждетъ, милая.

И Анна Павловна Хромина стала поспѣшно прикалывать шляпу предъ большимъ зеркаломъ въ прихожей.

Поднялась суматоха невообразимая.

Нянѣ помогала краснощекая, неуклюжая Дуняша, недавно взятая изъ деревни для комнатныхъ услугъ дѣвушка. Надо было одѣть дѣтямъ весенніе пальто, повязать на шею галстухи и достать съ вѣшалокъ шляпы...

Алекъ, двѣнадцатилѣтній гимназистъ, недавно блестяще сдавшій экзаменъ, одинъ не суетился... Онъ стоялъ въ сторонкѣ, застегнутый на всѣ пуговицы и съ видомъ скучающаго молодого человѣка разсматривалъ, какъ снаряжали его маленькаго братишку и сестеръ.

Особенно много было хлопотъ съ шестилѣтнимъ Витюшей. Въ то время, какъ няня занялась обѣими дѣвочками, Витюшу одѣвала Дуняша. Витюша отдувался подъ ея неловкими руками, какъ маленькій паровозъ.

Его крошечный пуговицеобразный носикъ морщился поминутно и онъ дѣлалъ такія гримасы своей потѣшной маленькой мордочкой, какимъ позавидовалъ-бы любой клоунъ изъ цирка.

А неумолимая Дуняша продолжала суетиться около него, не мало не обращая вниманія на всѣ его нетерпѣливыя ужимки.

И вдругъ оглушительный ревъ наполнилъ прихожую.

— Мама!—завопилъ не своимъ голосомъ Витюша,—Дуня меня за шею ущипнула...

Дуняша растерялась. Оставила въ покоѣ крючекъ у ворота Витиной куртки, который намѣревалась застегнуть, и осталась стоять съ

разинутымъ ртомъ и выпученными глазами передъ плачущимъ мальчикомъ. Няня, обожавшая Витюшу, накинулась на Дуняшу.

— Деревеньщина... Неуклюжая... Не руки, а грабли... Барское дите обидѣла... У-у, глупая! Не плачь мой розанчикъ, не плачь моя крошечка, моя ягодка малинная... Дай-кось я тебѣ конфетку дамъ!

И вынувъ изъ кармана конфетку въ особенной соблазнительной ярко-красной оберткѣ, няня сунула ее своему любимцу.

«Ягодка малинная» сразу пересталъ ревѣть, позволивъ нянѣ застегнуть злополучный крючекъ, и усиленно занялся конфеткой.

Дѣвочки Кира и Соня стали одѣвать свои шляпы передъ зеркаломъ. Кирѣ было десять лѣтъ и она была черненькая, какъ мушка, Соня же блондинка, того красиваго оттѣнка волосъ, про который говорятъ, что онъ отливаетъ золотомъ.

Обѣ дѣвочки были премиленькія и обыкновенно были очень дружны между собою, но сегодня точно злой волшебникъ всталъ между ними и поминутно науськивалъ ихъ одну на другую.

— Сонька,—ты мою шляпу надѣла!—неожиданно заявляетъ черненькая Кира.

— Ай, неправда! Кирка, ты врешь!—такъ и вспыхиваетъ бѣлокурая Соня;—мамочка, скажи Кирѣ, чтобы она не врала.

— Соня! Соня! Что за манеры!—ужасается мама.

— Какъ ты можешь такъ говорить съ сестрою?

— Отдай мою шляпу!—снова повелительно обращается къ сестрѣ старшая Кира.

— Это не твоя шляпа, а моя... У тебя была пряжка съ жучкомъ на твоей шляпѣ, а на моей просто шарикъ!—горячится Соня.

— Не правда, шарикъ былъ у меня, ты вѣчно все перепутаешь!—злится Кира.—Снимай сейчасъ!—и она тянется къ головѣ сестры обѣими руками.

Та отскакиваетъ въ сторону и со всего размаха налетаетъ на ногу нянюшки. Нянюшка взвизгиваетъ на всю прихожую... У нянюшки мозоли на ногахъ и она ихъ тщательно покрываетъ каждый вечеръ какою-то темною жидкостью. Не мудрено поэтому, что она чувствуетъ страшную боль подъ ногою вертлявой Сонечки.

— Да уймитесь вы, сударыни, сладу нѣтъ съ вами,—сердится она на обѣихъ дѣвочекъ; барыня, прикажите имъ старыя шляпы надѣть, что они будутъ въ тюлевыхъ дѣлать, коли дождь пойдетъ,—обращается няня къ Аннѣ Павловнѣ.

Но оказалось сдѣлать этого было нельзя. Картонки съ простенькими соломенными шляпами отнесены уже въ коляску. Идти выни-

мать ихъ — лишняя проволочка времени. Къ тому же кучеръ наемнаго ландо уже нѣсколько разъ присылалъ отъ воротъ дворника напомнить господамъ, что онъ давно ждетъ и что за рубль-цѣлковый онъ цѣлые сутки стоять не намѣренъ...

— Собрались, наконецъ?—недовольнымъ голосомъ говоритъ мама, которую начинаютъ раздражать эти неимовѣрно долгіе сборы.

— Идемте!

Идутъ попарно, слѣдомъ за нею. Впереди Алекъ съ Витюшкой и съ длиннѣйшей удочкою, которою онъ намѣренъ ловить рыбу на прудѣ у бабушки, и которою уже поймалъ сейчасъ красный тюлевый бантъ на шляпѣ у Киры и немилосердно тянетъ шляпу съ головы сестры.

Кира, выступающая подлѣ Сони, громко вскрикиваетъ и хватается за голову. Еще минута и тюлевый бантъ оторванъ отъ шляпы и виситъ на удочкѣ, въ видѣ особенно красивой пурпуровой рыбы. Кира заливается слезами. Няня бросается освобождать бантикъ... Алекъ сконфуженъ... Такого улова онъ не ожидалъ. Наконецъ, бантъ освобожденъ и торжественно водворенъ въ карманъ нянѣ.

— Нѣтъ, ужъ ты какъ хочешь, а брось эту дрянь, мой батюшка,—рѣшительно заявляетъ Алеку няня,—а то всѣмъ въ лондѣ глаза ею выколешь. Но Алекъ не согласенъ. Вчера онъ купилъ удочку. Она самая длинная и удобная,

какая была только въ магазинѣ... Онъ выбиралъ ее цѣлый часъ и не броситъ низачто на свѣтѣ.

— Мамочка,—кидается онъ къ матери,— позволь оставить удочку.

Начинается продолжительное совѣщаніе, послѣ котораго рѣшено удочку дать на козлы Дуняшѣ, которая, за неимѣніемъ мѣста въ экипажѣ, поѣдетъ рядомъ съ кучеромъ. Удочку торжественно вручаютъ горничной. Вотъ и ландо... Добрались, слава Богу!

Кучеръ съ сердитымъ лицомъ требуетъ на чаекъ.

— Долго больно собирались, господа, лошади застоялись!—говоритъ онъ недовольнымъ голосомъ.

Ему накидываютъ лишній двугривенный и приступаютъ къ самой трудной задачѣ—усаживанію въ ландо. Хотя народу, кажется, и немного, но дѣло осложняется. Узловъ и картонокъ гибель. Въ послѣднюю минуту на крыльцо выскакиваетъ огромный догъ Марсъ и заливается лаемъ. Онъ точно предчувствуетъ, что господа уѣзжаютъ на три мѣсяца и скучная жизнь вдвоемъ съ кухаркой Катериной ему совсѣмъ не кажется пріятной.

— Марсенька! Миленькій! Голубчикъ! съ нами хочешь, съ нами,—кричатъ дѣти, протягивая сверху руки изъ экипажа.

Тотъ лаетъ еще оглушительнѣе.

— Мамочка, возьмемъ съ собой Марсеньку! жалобнымъ голосомъ просятъ дѣвочки.

— Пожалуйста, мамочка! Бабушка его такъ любитъ!—вставляетъ свою просьбу Алекъ.

— Но вѣдь онъ будетъ драться съ бабушкиной Фанни! – слабо протестуетъ Анна Павловна, которой самой до смерти жаль оставлять Марса.

— Ничего, ничего, мамочка! Мы за ними присмотримъ!—хоромъ отвѣчаютъ дѣти.

Мама соглашается.

Марсу кричатъ... хлопаютъ .. свищутъ...

Онъ, какъ ошалѣлый, кидается съ крыльца, къ коляскѣ.

— Садись, Марсенька, садись!—наперерывъ лепечутъ Соня, Кира, Алекъ и Витюша.

Но не тутъ то было... Марсъ не намѣренъ садиться въ экипажъ, гдѣ и безъ него сутолка и давка. Онъ предпочитаетъ бѣжать съ боку и лаять на лошадей.

Ландо трогается. Марсъ стрѣлою летитъ впередъ.

— Хамъ! хамъ! хамъ!— несется его оглушительный лай на всю улицу.

— Господи, спаси и помилуй!—бросаясь въ сторону, испуганно вскрикиваютъ прохожіе.—Не собака, а тигра! Въ садъ-бы такого Зоологическій! громко выражаетъ свою мысль встрѣчный городовой.

И все таки ландо медленно подвигается подъ

оглушительный лай Марса. Анна Павловна скользитъ усталымъ взглядомъ по встрѣчнымъ домамъ и магазинамъ. Слава Богу, они на цѣлые три мѣсяца освободятся отъ городской духоты и пыли. У бабушки въ ея маленькомъ имѣніи, Новгородской губерніи, такая благодать въ лѣтнее время!

И дѣти поправятся, окрѣпнутъ... Особенно Витюша! Онъ такой хилый, слабенькій...

Анна Павловна останавливаетъ на Витѣ свой заботливый материнскій взглядъ и вдругъ громко неожиданно вскрикиваетъ...

Витюша не узнаваемъ...

Гдѣ его носъ, щеки, губы?

Все сплошь покрыто огромными красными пятнами, даже на лбу они, эти страшныя пятна, даже на шеѣ...

— Господи, что это? въ ужасѣ шепчетъ разомъ поблѣднѣвшая Анна Павловна:—корь? скарлатина? оспа?

— Витюша! Милый! Родной! Что съ тобою? притягивая къ себѣ сына, вся холодная отъ ужаса, спрашиваетъ на смерть перепуганная мать.

А Витюша сидитъ какъ ни въ чемъ ни бывало. У него ничего не болитъ, его ничто не безпокоитъ.

Взглядъ мамы переходитъ на курточку Витюши, украшенную бѣлымъ воротничкомъ съ манишкой на груди.

И на бѣлой манишкѣ такіе же пятна, какъ и на лицѣ, и на шеѣ.

Лицо мамы проясняется.

— Витька, гадкій мальчишка, гдѣ это ты такъ разукрасился?—едва удерживаясь отъ смѣха, спрашиваетъ она.

— Не извольте безпокоиться, барыня!—вмѣшивается няня,—я ему конфетку дала, конфетка въ бумажкѣ... Витенька сосали съ бумажкой, а бумажка краситъ!

Вотъ оно что! Бумажка!

Всѣ смѣются. Витюша громче всѣхъ... И лицо его въ красныхъ пятнахъ дѣлается при смѣхѣ еще забавнѣе и смѣшнѣе.

— Нѣтъ, его положительно нельзя везти такимъ на вокзалъ!—рѣшаетъ Анна Павловна.—Дуняша! Дуняша!—обращается она къ преважно возсѣдающей на козлахъ горничной,—слѣзай скорѣе и бѣги домой! Возьми полотенце, намочи его водою и сюда обратно! Только скорѣе, слышишь, какъ можно скорѣе!

— Слышу, барыня!—отвѣчаетъ Дуняша съ козелъ и въ одинъ прыжокъ соскакиваетъ на землю.

На ней зеленая юбка и красная кофта, которую она носила въ большіе праздники въ деревнѣ, и которые въ городѣ кажутся слишкомъ яркими и пестрыми.

Она киваетъ головою, радостно улыбаясь, и очень довольная промять ноги, стремглавъ летитъ домой.

Но вотъ бѣда... Дуняша въ торопяхъ забыла

оставить у кучера удочку и бѣжитъ съ нею, ежеминутно грозя выколоть ею глаза прохожимъ.

Встрѣчные бранятся... Дуняша, не мало не обращая на это вниманіе, несется стрѣлою, размахивая удочкой, какъ копьемъ въ бою и страшно стуча своими огромными башмаками по тротуару улицы.

Но вотъ ея красно-зелено-желтая фигура скрылась за угломъ. Анна Павловна хочетъ приказать кучеру повернуть обратно къ дому за Дуняшей, но няня отговариваетъ барыню.

— Поворачивать съ пути дурной знакъ! Плохая дорога будетъ. Здѣсь лучше дождемся!—говоритъ она.

Марсъ, которому надоѣло лаять и прыгать на лошадей, усѣлся передъ ландо и тяжело дышетъ, высунувъ свой длинный, покрытый, пѣной языкъ.

И вдругъ нежданно-негаданно передъ нимъ появляется огромный черный пудель.

Марсъ не любитъ собакъ, а черныхъ пуделей особенно. Онъ глухо ворчитъ и скалитъ зубы.

И черный пудель ворчитъ и тоже скалитъ зубы.

Марсъ медленно поднимается и, сверкнувъ глазами, приближается къ черному пуделю, очевидно съ далеко не благими намѣреніями.

Господинъ, идущій съ пуделемъ, поднимаетъ

палку и замахивается на марса... Марсъ не любитъ палку гораздо болѣе, нежели черныхъ пуделей. Въ два прыжка онъ подлѣ господина и награждаетъ его оглушительнымъ лаемъ. Черный пудель, казалось, только и ждалъ этой минуты.

Со всѣхъ ногъ кидается онъ на Марса. Но Марсъ не промахъ... Онъ быстро становится въ боевую позу... Драка разгорается въ одинъ мигъ со всѣми ея разрушающими послѣдствіями. Марсъ кусаетъ чернаго пуделя... Черный пудель— Марса...

Анна Павловна машетъ зонтикомъ изъ экипажа и кричитъ на Марса... Дѣти тоже кричатъ...

И няня кричитъ, и господинъ на тротуарѣ, и городовой на углу... Всѣ кричатъ...

Дворникъ отъ сосѣднихъ воротъ кидается на выручку, за нимъ еще кто то, еще и еще...

Въ эту минуту изъ-за угла дома показывается длинный тонкій конецъ удочки, а за нимъ крупная фигура красно-зелено-пестрой Дуняши. Она машетъ удочкой и машетъ чѣмъ то бѣлымъ, обильно намоченнымъ водой.

— Вотъ! говоритъ она торжествующе, протягивая что-то бѣлое Аннѣ Павловнѣ.

Анна Павловна беретъ у нея это бѣлое, мелькомъ взглядываетъ на него и не можетъ удержаться отъ смѣха.

Не полотенце намочила второпяхъ и принесла Дуняша, а Витины нижніе панталончики.

Толпа, собравшаяся вокругъ дерущихся собакъ и ландо, видитъ занимательное зрѣлище: нарядная дама въ колескѣ оттираетъ мокрыми панталончиками красныя пятна на лицѣ мальчика.

Витюша не любитъ мыться и вытираться тѣмъ болѣе. Онъ немилосердно гримасничаетъ носомъ и ртомъ.

Толпа смѣется...

Слава Богу! Удалось Марса отбить отъ чернаго пуделя, оставшагося все таки побѣдителемъ.

Теперь уже Марсъ не упрямится и позволяетъ себя усадить въ экипажъ.

Дуняша снова громоздится на козлы. Ландо трогается. Удочка въ видѣ знамени покачивается надъ головою Дуняши.

Все обстоитъ благополучно.

Вотъ и вокзалъ... Но странно! Вокругъ него ни экипажей, ни публики, ни обычнаго движенія.

— Поѣздъ только что отошелъ!—торжественно докладываетъ носильщикъ съ мѣдною бляхою на груди.—Слѣдующій идетъ черезъ два часа.

Анна Павловна въ ужасѣ... Дѣти въ унынiи... Посудите сами! Каково два часа провести въ ожиданiи на скучномъ и пыльномъ вокзалѣ.

Къ довершенію горя Дуняшѣ не обходится благополучно ея вторичное путешествiе съ козелъ.

На вокзальномъ подъѣздѣ много носильщиковъ, торговокъ съ яблоками и сусальными леденцами.

Дуняшѣ, заинтересовавшей взоры всѣхъ своимъ яркимъ нарядомъ, нежелательно ударить въ грязь лицомъ передъ столь почтенною публикою. Она хочетъ выказать особую грацію и легкость. Поэтому, прежде чѣмъ соскочить съ козелъ, она дѣлаетъ легкій, изумительно-граціозный поворотъ, потомъ подскакиваетъ на одной ногѣ и, не глядя внизъ, спрыгиваетъ на землю.

Отчаянный визгъ... Что то мягкое подъ ея ногами... И въ слѣдующую же минуту Дуняша и не во время очутившійся у ступеней вокзала Марсъ барахтаются въ одной сплошной кучѣ.

Няня бранится... „Ишь дура безглазая! И сойти-то не умѣетъ, какъ слѣдуетъ!“—ворчитъ она. Дѣти смѣются.

Отъ нечего дѣлать рѣшено Дуняшу съ обѣими дѣвочками отправить погулять въ ближайшемъ къ вокзалу городскомъ саду. Няня съ Витюшей идутъ отдыхать въ уборную.

Алекъ съ Марсомъ преважно прохаживаются по платформѣ.

Анна Павловна хлопочетъ съ билетами и вещами.

Два часа ожиданія тянутся медленно, скучно.

Наконецъ, они приходятъ къ концу.

Заспанный Витюша приходитъ съ няней изъ уборной.

Толстый кондукторъ подходитъ къ большому колоколу, повѣшенному у дверей зала III-го класса, и дергаетъ за веревку.

Бимъ! Бумъ! Бумъ! Бимъ! сердитымъ звукомъ кричитъ колоколъ, точно бранится.

Алекъ и Марсъ появляются передъ Анной Павловной съ его первымъ ударомъ. Алекъ въ отчаяніи...

Толстый кондукторъ говоритъ, что такую большую собаку, какъ Марсъ, нельзя вести въ вагонѣ II-го класса. Для этого есть особый собачій вагонъ.

— Но Марсъ очень благовоспитанная собака,—убѣждаетъ сладкимъ голосомъ кондуктора Алекъ,—и никогда никого не тронетъ.

Какъ на зло, какъ разъ въ эту минуту, мимо Алека проходитъ какая-то старушка съ корзиной. Изъ корзины торчитъ голова кошки. Благовоспитанный Марсъ заливается оглушительнымъ лаемъ и кидается къ корзинкѣ. Старушка страшно пугается. Она еще никогда не видѣла такой огромной собаки. Не помня себя, она роняетъ корзину... Кошка взъерошеннымъ, сѣрымъ клубкомъ выскакиваетъ изъ нея... Марсъ бросается къ кошкѣ...

Ахъ!

Съ отчаяннымъ фырканьемъ кошка выгибаетъ спину... дѣлаетъ прыжокъ... и награжда

етъ Марса такой царапиной, отъ которой мгновенно носъ задиры-дога превращается изъ чернаго въ ярко-красный... Алыя капли крови выступаютъ на немъ, красныя струйки льются съ морды Марса на полъ платформы.

Удовлетворенную мщеніемъ и все еще шипящую и фыркающую кошку водворяютъ въ корзину, а Марсъ мгновенно поджимаетъ хвостъ и вдругъ дѣлается кроткимъ какъ овечка.

Раздается второй, оглушительный ударъ колокола.

Няня, таща за руку растеряннаго Витю, почему-то во весь голосъ кричитъ на всю платформу Аннѣ Павловнѣ, находясь всего въ двухъ шагахъ отъ нея.

— Дуняша съ барышнями загулялись... Не поспѣютъ чего добраго.,. Скоро третій звонокъ!

Публика удивленно оглядываетъ маленькую старушку съ такимъ пронзительнымъ громкимъ голосомъ и смѣется.

— Ахъ, Господи! раздраженно отвѣчаетъ Анна Павловна,—что за несчастье такое! Никогда въ жизни не поѣду больше съ дѣтьми...

— И то правда... Сидѣли-бы дома!.. Куда спокойнѣе!—продолжаетъ громко кричать няня.—

Она не довольна, во первыхъ, потому, что Дуняша не знаетъ времени и непремѣнно опоздаетъ, а во вторыхъ, она не успѣла въ сматохѣ передъ отъѣздомъ на вокзалъ напиться кофе.

къ разсказу Въ гости къ Бабушкѣ.

Къ довершенію всѣхъ благъ къ Аннѣ Павловнѣ подходитъ кондукторъ и говоритъ, почтительно прикладывая руку къ козырьку:

— Сударыня, такую большую и сердитую собаку нельзя везти въ пассажирскомъ вагонѣ.

— Но увѣряю васъ, она вовсе не сердитая! вступается Алекъ за своего любимца.—Кошка сама виновата. Она первая фыркала изъ корзины. Марсъ и бросился на нее...

— Въ такомъ случаѣ держите ее при себѣ безотлучно на цѣпи и одѣньте на нее намордникъ!—идетъ на соглашеніе кондукторъ.

Новое затрудненіе!

Намордника нѣтъ... Забыли дома...

Что дѣлать?

Тогда Анна Павловна рѣшается сдѣлать намордникъ наскоро изъ платка.

Алекъ, няня и Витюша завязываютъ морду Марса носовыми платками.

Марсъ совсѣмъ не привыкъ къ такому странному обращенію... Онъ крутитъ головой и глухо рычитъ, потомъ неожиданно бросается впередъ и толкнувъ роняетъ няню, Витюшу и Алека, присѣвшихъ на корточки передъ нимъ, для того чтобы удобнѣе нарядить его въ самодѣльный намордникъ.

На концѣ платформы появляются двѣ тюлевыя красныя шляпки: это Кира и Соня, преспокойно возвращающіяся съ прогулки. Марсъ,

какъ безумный кидается къ нимъ, сшибивъ съ ногъ какого-то маленькаго старика въ форменной фуражкѣ по дорогѣ.

Скорѣе! Скорѣе!—кричитъ Алекъ сестрамъ, спѣшите: сейчасъ будетъ третій звонокъ!

— Развѣ?—удивляются дѣвочки,— а мы думали...

Они не доканчиваютъ объясненія того, о чемъ думали, и въ припрыжку кидаются къ вагону.

— А Дуня? Гдѣ вы Дуню оставили? гдѣ?— волнуясь, спрашиваетъ Анна Павловна дѣвочекъ.

— Дуня... Ахъ... да!.. Дуняша остановилась на подъѣздѣ покупать подсолнушки,—отвѣчаетъ Кира,—она сейчасъ при...

Дѣвочка не доканчиватъ.

Оглушительнымъ рѣзкимъ звукомъ раздается третій звонокъ...

Всѣ бросаются въ вагонъ. Мѣста заблаговременно заняты носильщиками.

Собаку пропустили наконецъ съ ними, благодаря долгимъ увѣщаніямъ Анны Павловны толстаго кондуктора. У нихъ цѣлое купе... Будутъ, какъ дома... Да и ѣхать то недолго, всего семь часовъ, не больше... Въ три будутъ на мѣстѣ.

Но вотъ бѣда,—нѣтъ Дуняшки...

Третій звонокъ смѣняется пронзительнымъ свисткомъ кондуктора и поѣздъ начинаетъ медленно двигаться...

— Дуняша! Дуняша!—неистиво кричитъ, высовываясь изъ окна, Анна Павловна.

— Дуняша! Дуняша! Скорѣе! скорѣе!—отчаянно вторятъ ей дѣти.

На платформѣ дѣйствительно несется что-то красно-зелено-пестрое.

Это Дуняша. Ея красная кофта и зеленая юбка, ея пестрый платокъ съ каймою...

Къ груди она прижимаетъ мѣшокъ съ подсолнухами и несется стрѣлою по платформѣ, невозможно стуча своими яликами-сапогами.

Поѣздъ движется быстрѣе, и Дуняша мчится почти наравнѣ съ нимъ, подобно урагану. Она вся красная, такая же красная, какъ ея кофта. А изъ прорвавшагося мѣшка сыпятся на платформу только что купленные подсолнухи.

За Дуняшей стелется узкая длинная дорожка изъ черныхъ зернышекъ.

— Скорѣе, скорѣе, Дуняша!—кричатъ ей изъ окна.

Запыхавшаяся Дуняша пулей вскакиваетъ на площадку вагона, толкнувъ какого-то барина въ цилиндрѣ, причемъ его цилиндръ въ одну секунду падаетъ съ головы на полъ, и бомбой влетаетъ въ купэ, едва переводя духъ.

Анна Павловна такъ довольна, что Дуняша успѣла вскочить въ вагонъ, что даже забываетъ побранить ее.

За то няня бранитъ дѣвушку, отводя душу.

Поѣздъ идетъ быстрѣе. Вотъ оканчивается платформа и мелькаютъ желѣзнодорожныя строенія. Вотъ и онѣ окончились... Теперь видны изъ окна дома, домики, сараи, дачи, рощицы, и поля, поля безъ конца...

Весенній воздухъ тихъ и пріятно-тепелъ. Ни малѣйшаго вѣтерка. Мама позволяетъ спустить окно. И дѣти высунули въ него головы.. И Марсъ просунулъ между ними свою смышленую морду съ отвислыми щеками породистаго дога.

— Кира, не высовывайся такъ—въ четвертый разъ замѣчаетъ мама,—чего добраго, шляпа слетитъ!

Но Кира самая упрямая изъ дѣтей Холминыхъ.

— Не слетитъ, мамочка!—отвѣчаетъ она,—я ее двумя шпильками приколола.

Витюша начинаетъ пищать: Соня такъ налегла на окно, что прищемила ему плечо.

Соня божится, что Витя краемъ фуражки заѣхалъ ей въ глазъ. Одинъ Алекъ степененъ, какъ и подобаетъ гимназисту третьяго класса. Онъ считаетъ мелькающія версты и поясняетъ Марсу, сколько ихъ проѣхали и сколько осталось ихъ до имѣнія бабушки.

— Ай! Ай! Ай! оглушительно взвизгиваетъ Кира, по поясъ высунувшася изъ окна.

— Шляпа моя! Шляпа! Спасите!

Красная шляпа Киры, красивая тюлевая шляпа

Богъ вѣсть какимъ образомъ сорвалась съ головы и, подобно красной птицѣ, несется по полотну желѣзной дороги наравнѣ съ поѣздомъ. Вотъ она скатывается по склону желѣзнодорожной насыпи и въ одну минуту исчезаетъ изъ вида.

— Пріятнаго пути! — насмѣшливо кричитъ ей въ догонку Алекъ.

На глазахъ Киры слезы.

Любимая, красная шляпа! Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ она высовывалась изъ окна!

Мама ни однимъ словомъ не упрекаетъ дѣвочку. Кира наказана и безъ того въ достаточной мѣрѣ. Бѣдная Кира!

Дуняша великодушно предложила старшей барышнѣ свой пестрый яркій платокъ...

Сама Дуняша чувствовала себя превосходно. Она щелкала уцѣлѣвшіе въ мѣшкѣ подсолнухи и мурлыкала себѣ подъ носъ какую-то деревенскую пѣсенку.

Въ окошкѣ мелькали теперь деревни, покрывившіяся избушки... амбары... сараи и опять избушки... Они такъ напомнили Дуняшѣ ея недавно покинутую ею деревню, что сердце ея забилось шибко, шибко, глаза увлажились, а пѣсня громче и смѣлѣе зазвучала на весь вагонъ. Дуняша теперь пѣла во весь голосъ. Няня съ Витюшей вышли постоять на площадкѣ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ и, слѣдовательно, строгой Дуняшиной гонительницы не было подлѣ.

Анна Павловна, жалѣя дѣвушку, не пожелала остановить ее. И Дуняша пѣла все громче и громче тонкимъ визглявымъ, пронзительнымъ голосомъ, какимъ обыкновенно поютъ бабы на огородахъ, копая гряды.

«Собрались у церкви кареты,
Тамъ пышная свадьба была...»

Заливалась пташкой Дуняша.

И вдругъ неожиданно дверь купэ широко распахнулась и передъ изумленною Анною Павловною, дѣтьми и пѣвуньей горничной предстала высокая фигура въ цилиндрѣ того самаго господина, котораго толкнула, вбѣгая въ вагонъ, Дуняша.

— Нѣтъ, это что же такое!—сердито заговорилъ онъ.—Опера тутъ что-ли, или мирно путешествующіе люди? Сударыня, Бога ради уймите эту дѣвицу! У меня отъ ея визга голова болитъ!

И, сердито передернувъ плечами, скрылся за дверью.

Дуняша оборвала пѣсню. Дѣти притихли.

Няня съ Витюшей вернулись въ вагонъ, потому что Витя захотѣлъ пить.

Стали рыться по корзинамъ, ища бутылку съ молокомъ. Няня рѣшительно не помнила, куда сунула ее второпяхъ.

Попадались подъ руку Алекины книги, взятыя для чтенія на лѣто, Витины туфли, Сонины во-

ротнички, Витины штанишки, но молока не было. Не было молока...

— Знаю, знаю, гдѣ! Нашла, нашла! Вспомнила! обрадовалась Дуняша и вся просіяла.

— Ну, давай скорѣе сюда, оживилась и няня, уставшая искать бутылку и рыться по корзинамъ и узламъ.

— Да она на печкѣ, въ городѣ осталась!— радостно и весело отвѣчала Дуняша.

Тьфу ты, дуреха! Какъ есть дуреха,—окончательно разсердилась няня и свирѣпо принялась втискивать обратно всѣ вынутыя вещи въ тючки и корзиночки.

А поѣздъ все подвигался и подвигался впередъ да впередъ. Вотъ рѣки стали попадаться, дома и строенія. Чаще лѣса и рощи.

Оглушительный гудокъ локомотива... свистокъ... И онъ медленно подходитъ къ платформѣ.

Это уже пятнадцатая остановка, та станція, на которой ожидала дорогихъ гостей бабушка съ экипажемъ, чтобы увезти ихъ въ имѣніе.

Дѣти издали увидѣли ея высокую, не по годамъ прямую, фигуру и сѣдую голову надъ широкополой шляпой

Бабушка! Бабушка! Вотъ и мы!—закричали они, высовываясь изъ оконъ.

Нѣсколько носильщиковъ сразу кинулись въ ихъ купэ, предлагая свои услуги выносить вещи.

Дѣти выскочили изъ вагона и бросились къ бабушкѣ. За ними бросился Марсъ и Дуняша.

— Бабушка милая!—и дѣти на перебой цѣловали и обнимали старушку.

Марсъ усиленно вилялъ хвостомъ и смотрѣлъ на всѣхъ такъ, точно хотѣлъ сказать окружающимъ:

— И я пріѣхалъ! Знаете-ли, здѣсь лучше, куда лучше, нежели въ городѣ! Воздухъ, знаете-ли, пріятный и намордника одѣвать не требуется! Весьма радъ! Весьма радъ!

А въ сторонѣ стояла красно-зелено-пестрая Дуняша и умильно улыбалась, восхищенными взорами глядя по сторонамъ.

— Точь въ точь у насъ въ деревнѣ!—чуть слышно шептали ея губы.

— Что жъ ты не подойдешь поздороваться, зашипѣла няня, успѣвшая уже приложиться къ ручкѣ старой барыни.

Дуняша вздрогнула, неожиданно оторванная отъ грезъ и со счастливой улыбкой приблизилась къ группѣ.

— Здравствуйте, бабушка, произнесла она, все еще продолжая счастливо улыбаться.

Дѣти фыркнули. Бабушка улыбнулась.

Няня начала ворчать на Дуняшу по своему обыкновенію.

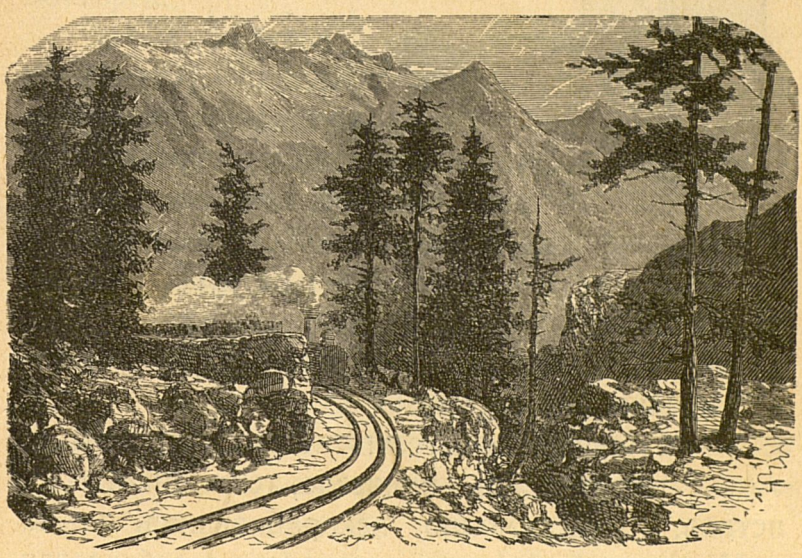
— Дура! Деревеньщина!—шипѣла она, бросая сердитые взгляды на дѣвушку.

— Оставьте ее, няня, она хорошая! – остановила разошедшуюся старуху Анна Павловна.

— И правда хорошая!—подхватили дѣти и наперерывъ стали разсказывать бабушкѣ свое неудачное путешествіе...

Теперь оно казалось имъ веселымъ и смѣшнымъ. Въ близкомъ будущемъ ихъ ожидало веселое лѣтнее время въ гостяхъ у бабушки. Всѣ недавнія невзгоды отошли куда-то далеко, далеко.

Всѣмъ было весело и радостно на душѣ...



Танюша.

I.

Тетя Лика пріѣхала! Тетя Лика! И едва молодая, нарядно одѣтая дѣвушка переступила порогъ свѣтлой комнаты, она мигомъ была окружена шумной, веселой толпой дѣтишекъ, не меньше двухъ и не старше шести лѣтъ.

— Тетя Лика! Холосая! Поцѣлуй меня,—пищалъ одинъ голосокъ.

— И меня! И меня тозе! — вторилъ ему другой.

— А гостинцевъ привезла, тетя Лика?—лепетала, безцеремонно вскарабкавшись на ея колѣни, четырехлѣтняя прелестная голубоглазая дѣвочка.

И градъ частыхъ дѣтскихъ поцѣлуевъ по-

сыпался на ошеломленную посѣтительницу небольшого пріюта.

Этотъ пріютъ былъ устроенъ на деньги богатагокнязя Гарина и молодая дѣвушка, которую называли тетей Ликой, была одной изъ попедѣти чительницъ пріюта. Здѣсь большею частью находились бѣдныя маленькія сиротки, не имѣвшія ни угла, ни призора.

И всѣ они безъ памяти любили ихъ „милую тетю Лику".

И тетя Лика ежедневно ѣздила въ пріютъ, гдѣ ее ждали два десятка малютокъ, бросавшихся кь ней на встрѣчу съ громкими криками восторга.

Она собственноручно причесывала однихъ, лечила другихъ, мыла третьихъ и читала имъ всѣмъ или разсказывала сказки.

Надзирательница пріюта добрая, уже не молодая женщина Валерія Ивановна Коркина и ея помощница няня Матвѣевна, горячо любившая дѣтвору, помогали Ликѣ.

Молодая дѣвушка была безконечно счастлива среди дѣтишекъ. Она съ улыбкой выслушивала карапузика Ѳедю, разсказывавшаго о томъ, что добрый «князенька» опять прислалъ большой ящикъ конфектъ для своихъ питомцевъ.

— Они объѣдятся, пожалуй, Валерія Ивановна,—опасливо проговорила Лика, обращаясь къ надзирательницѣ.

— Не безпокойтесь, Лидія Валентиновна, почтительно отвѣчала та,—мы съ няней слѣдимъ за ними.

— А Танѣ князинька куклу прислалъ. Покажи Таня куклу тетѣ Ликѣ,—командовалъ баловникъ Ѳедя.

Тетя Лика похвалила куклу, нарядную барыню съ эмалевыми глазами, и вдругъ ей попалась на глаза огромная шишка на лицѣ трехлѣтняго мальчугана.

— Валерія Ивановна, отчего это у Митюши шишка на лбу?—спросила она надзирательницу.

— Дерутся они, Лидія Валентиновна,—отвѣчала та,—ужасные они драчуны, право, силъ моихъ нѣтъ съ ними.

А тетя Лика уже прикладывала ко лбу Митюши мокрую тряпку и тихо уговаривала дѣтей не ссориться и вести себя, какъ слѣдуетъ.

II.

Была у тети Лики въ пріютѣ своя любимица—голубоглазая сиротка Таня. Тетя Лика любила всѣхъ дѣтей, но Таню больше другихъ. Бѣдная сиротка въ свою очередь привязалась къ тетѣ Ликѣ и каждый день ожидала ея пріѣзда съ большимъ нетерпѣньемъ.

Но вотъ наступила зима, настало время баловъ, театровъ и вечеровъ. Лика стала выѣзжать на эти вечера со своими сверстницами. Ей было такъ весело въ обществѣ ея подругъ,

что она временно забывала о пріютѣ и нѣсколько дней не заглядывала туда.

Однажды, подъ вечеръ, когда Лика собиралась выѣхать на балъ, ей подали письмо изъ пріюта. Лика быстро вскрыла конвертъ и прочла:

„Ваша любимица Танюша опасно занемогла. Зоветъ васъ въ бреду. Ради Бога пріѣзжайте, Лидія Валентиновна. Ребенокъ очень привязанъ къ вамъ. Почтительно преданная Вамъ Валерія Коркина".

— Танюша! Боже мой, Танюша!—дрожа и волнуясь шептала Лика,—она больна опасно! Можетъ быть умираетъ! А я то? Я то хороша? Забросила ради баловъ и веселья милыхъ моихъ дѣтокъ.—По дѣломъ мнѣ! Умненькая, тихонькая, голубоглазая Танюша, такъ ласково смотрѣвшая на всѣхъ своими огромными глазами, и вдругъ умретъ... умерла уже! Танюша! Танюша! Надо сейчасъ же ѣхать къ ней... Сію же минуту!

И Лика дрожащими руками застегивала пальто, закалывала шляпу, вуаль, а сердце ея билось сильно, сильно, не переставая.

Черезъ полчаса она уже была въ пріютѣ.

— Слава Богу! Вы пріѣхали, Лидія Валентиновна,—встрѣтила надзирательница молодую дѣвушку.

— Что Танюша? Ей лучше? Хуже?

— Плоха Танюша! Врядъ-ли выживетъ!

Жаль дѣвочку! Такая хорошенькая... Нѣжненькая... Самая ласковая изо всѣхъ.

— Умретъ?! Но почему же вы раньше не дали знать о ея болѣзни?—упрекнула Коркину Лика.

— Да помилуйте, Лидія Валентиновна!—оправдывалась та.—Кабы вы могли, сами пріѣхали-бы. Ишь вѣдь на васъ лица нѣтъ. Тоже больны, вѣрно, были?

Эти слова больно отозвались на сердцѣ Лики.

Нѣтъ, она не была больна! Она просто утомилась отъ танцевъ и вечеровъ за послѣднее время.

Ахъ, какъ ей стыдно теперь за все это!

— Гдѣ Танюша?—спросила она Валерію Ивановну.

— Пожалуйте. Я васъ проведу къ ней. Я ее въ комнатѣ у себя держу. Въ дѣтской ребятишки ее безпокоили.

— Тетя Лика пріѣхала! Кто скорѣе къ тетѣ Ликѣ?!—услышала дѣвушка веселый голосокъ Ѳедюши и вся ватага дѣтишекъ бросилась къ ней на встрѣчу.

— Ты больна была? Отчего не ѣхала? А мы ждали, ждали! Танюша захворала... кричитъ. Докторъ ѣздитъ, такой важный съ очками... Страсть!..—докладывали ей со всѣхъ сторонъ ребятишки.

— Милые вы мои...—ласкала ихъ Лика,—соскучились обо мнѣ! Постойте-ка, сейчасъ я къ Танюшѣ схожу и снова вернусь къ вамъ.

Она нѣжно отстранила отъ себя Ѳедю, кивнула дѣтямъ и быстро прошла въ комнату Валеріи Ивановны.

На широкой постели надзирательницы вся красная, какъ кумачъ, лежала Танюша. Бѣлокурые волосы дѣвочки разсыпались по подушкѣ, окруживъ точно сіяніемъ исхудалое, заострившееся личико. Глаза Тани были широко раскрыты и блестѣли, какъ звѣздочка. Засохшія губки съ трудомъ выпускали горячее дыханіе.

Тетя Лика!—слабо произнесли эти губки, и худенькая, похожая на лапку цыпленка, ручка, съ трудомъ поднявшись отъ одѣяла, потянулась къ Ликѣ.

— Сокровище мое!—прошептала дѣвушка, осторожно обнимая исхудалое тѣльце ребенка.

Я рада, что ты пріѣхала! Я рада!—лепетала Танюша; я боялась, что не увижу тебя. Я такъ люблю тебя, тетя Лика... и вотъ, вотъ, наконецъ, увидала.

Когда былъ докторъ?—спросила дрожащимъ голосомъ Лика надзирательницу.

— Вчера вечеромъ.

— И что сказалъ?

— Сказалъ что врядъ-ли выживетъ Танюша,— тихо отвѣчала Валерія Ивановна,—силъ у нея совсѣмъ нѣтъ.

— Господи! Господи! прошептала въ ужасѣ Лика, потомъ разомъ встрепенулась. Она почувствовала въ себѣ приливъ энергіи.

— Нужно спасти! Спасти Таню во чтобы то ни стало!—мысленно проговорила она и добавила громко, обращаясь къ Валеріи Ивановнѣ:—

— Вы пойдете къ дѣтямъ! Успокойте ихъ... А я останусь одна съ Танюшей.

— Но, Лидія Валентиновна!—попробовала возражать Коркина,—не лучше-ли я приглашу сидѣлку?

— Нѣтъ, нѣтъ!—я одна останусь у Тани.

Надзирательнида послушно удалилась.

Тяжелая ночь потянулась для Лики. Около одинадцати заѣзжалъ докторъ. Онъ выстукивалъ, выслушивалъ и всячески мучилъ Танюшу и въ концѣ концовъ заявилъ, что врядъ-ли дѣвочка доживетъ до утра.

— А я вамъ барышня посовѣтовалъ-бы убраться по-добру по-здорову; дружески посовѣтовалъ докторъ Ликѣ:—болѣзнь у Тани заразительная и можетъ перейти на васъ.

— Нѣтъ, я останусь!—упрямо отвѣчала Лика.

— Дѣвочка очень плоха. Единственно, что можетъ спасти ее—это если она уснетъ хорошенько и этимъ наберется силы. Лекарства не помогутъ. Сама природа вылѣчитъ скорѣе,—проговорилъ докторъ и уѣхалъ.

Лика осталась.

Каждый разъ, что сознательно открывались голубые глазки Танюши, они встрѣчались съ большими любящими встревоженными глазами ея «тети Лики».

— Тетя Лика, ты?—съ трудомъ спрашивали запекшіяся губки малютки.

Я, мое сокровище! Я моя крошечка!—отвѣчала молодая дѣвушка, стараясь подавить подступившія къ горлу слезы. И обнимала Танюшу, чувствуя подъ своими пальцами выступившіе отъ худобы ребрышки ребенка.

Дѣвушка съ болью думала о томъ, что не ѣзди она на балы, не увлекись танцами и веселъемъ, можетъ быть съумѣла-бы захватить болѣзнь Тани во время и дѣвочка осталась бы жить.

Танѣ становилось все хуже и хуже. Она не бредила и не металась больше, а только слабо трепетала на постели, какъ подстрѣленная птичка. Ея губки, широко раскрытыя, какъ у птенчика, жадно ловили воздухъ.

— Жарко!—Пить! шептала охрипшимъ голосомъ больная.—Тетя Лика, пить! Гдѣ ты?

Я тутъ моя радость! Тутъ, дѣтка моя ненаглядная!

И Лика поила Танюшу водой, съ трудомъ пропуская воду сквозь крѣпко стиснутые зубки ребенка.

Душно! Жарко!—лепетала Таня тѣмъ же тихимъ, чуть слышнымъ голоскомъ.

Тогда Лика схватила ножницы со стола и въ одинъ мигъ остригла пышныя кудри Танюши.

— Теперь легче? Неправда-ли, мой ангелъ?—

нѣжно наклоняясь надъ дѣвочкой, прошептала она.

Танюша хотѣла отвѣтить и не смогла, силилась улыбнуться, но улыбка не вышла.

Только слабая судорога повела ея засохшія губки.

Тогда Лика бросилась на колѣни передъ образомъ и, задерживая рыданіе, рвавшееся изъ груди, произнесла, сжимая руки:

— Боже мой! Спаси ее! Сдѣлай чудо, спаси ее, Господи. Возьми мою жизнь, но сохрани Танюшу! Молю тебя, Господи, исцѣли ее!

Горячая молитва срывалась съ губъ молодой дѣвушки. Такъ еще никогда не молилась въ своей жизни Лика. Слезы струились по ея лицу, глаза съ теплой вѣрой смотрѣли на образъ.

— Господи, произносила она,—если выздоровѣетъ Таня, я отрекусь отъ баловъ и веселья и все свое время отдамъ дѣтямъ.

Уже свѣтало, когда Лика обезсиленная поднялась съ колѣнъ.

— Танюша!—тиха позвала она.

Отвѣта не было.

— Умерла!—вихремъ пронеслось въ мысляхъ Лики и, вся холодная отъ страха, она наклонилась надъ Таней.

Дѣвочка лежала безъ движенія и казалась мертвой.

Но дѣтская грудка дышала ровнѣе. Губки не

ловили воздуха. Крупныя капли пота выступили на лбу.

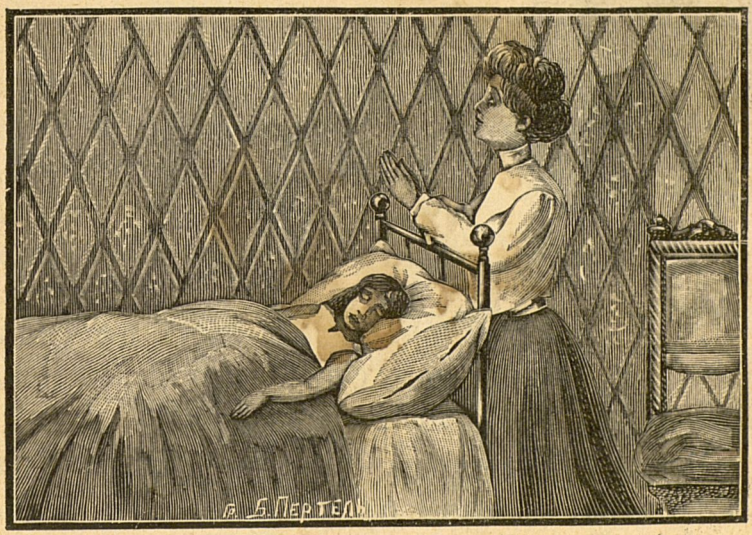
Танюша спала. Это былъ тотъ сонъ, придающій силы, о которомъ говорилъ докторъ, что онъ одинъ поможетъ Танѣ.

Когда подъ утро врачъ пріѣхалъ къ Танюшѣ онъ былъ удивленъ больше самой Лики.

— Дѣвочка спасена просто чудомъ!—произнесъ онъ тихо.—Что вы сдѣлали съ нею?

Что сдѣлала Лика?

Она просто молилась. И только...



Приключенія Мишки.

Я начинаю себя помнить маленькимъ, совсѣмъ маленькимъ медвѣженкомъ. У меня добрая мамаша, которая всячески балуетъ меня, очень строгій папаша, братецъ Косолапъ и сестрица Бурка.

Мы живемъ въ огромной берлогѣ въ чащѣ лѣса, гдѣ днемъ такъ сумрачно, что кажется, какъ-будто, тамъ царитъ вѣчная ночь.

Папаша и мамаша съ утра уходятъ на охоту, раздобывать намъ что нибудь покушать, а мы съ Буркой и Косолапомъ усаживаемся входа въ берлогу и начинаемъ возиться.

Возня заключается въ слѣдующемъ: надо непремѣнно подтолкнуть одинъ другого въ та-

кую минуту, когда этотъ другой меньше всего этого ожидаетъ... Напримѣръ, сидитъ Бурка у порога берлоги и сладко мечтаетъ о томъ, какъ вернутся отецъ съ матерью съ охоты и принесутъ намъ сладкаго меду полакомиться. Медъ Бурка любитъ больше всего. Она ужасная лакомка, моя сестрица. И, вдругъ, незамѣтно для Бурки, къ ней подкрадывается косолапъ.

Бацъ! И Бурка катится мохнатымъ клубкомъ по травѣ, смѣшно барахтаясь передними и задними лапами. Это Косолапъ подкрался незамѣтно и толкнулъ изподтишка свою дрожайшую сестрицу.

Бурка низачто не спуститъ такой шутки брату. Подползетъ къ нему безшумно и трахъ въ свою очередь. Теперь уже валится и катится кубаремъ самъ Косолапъ.

Со мною они такъ не возятся: я самый маленькій и самый обидчивый. Если меня толкнутъ, хотя бы и въ шутку,—я принимаюсь ревѣть на весь лѣсъ. А такъ какъ я къ тому же мамашинъ любимецъ, то Косолапу съ Буркой порядочно-таки достается отъ мамаши за малѣйшую такую продѣлку съ ея милымъ Мишенькой. А расправа у мамаши съ нами, дѣтьми совсѣмъ особая. Кто изъ насъ провинится, того мамаша награждаетъ здоровой оплеухой, то есть попросту пощечиной.

Но, чтобы мнѣ не было скучно сидѣть до

вечера, до времени возвращенія родителей, Косолапъ придумалъ чѣмъ развлечь меня.

Косолапъ представлялъ изъ себя лошадь, а я всадника. Косолапъ бѣгаетъ вокругъ берлоги, а я преважно возсѣдаю у него на спинѣ. Сзади насъ бѣжитъ Бурка и подгоняетъ Косолапа...

Это было очень весело, мнѣ, по крайней мѣрѣ. Что же касается до Косолапа, то онъ очень уставалъ и тяжело отдувался на всю чащу. Передъ заходомъ солнышка возвращались домой папаша съ мамашей и приносили намъ нашъ обѣдъ, состоящій, по большей части, изъ разныхъ кореньевъ, меду, птичьихъ яицъ, разныхъ личинокъ, мелкихъ животныхъ, зайчиковъ, сусликовъ и пр., а иногда и изъ унесенныхъ у людей кусковъ хлѣба и даже... не удивляйтесь, пожалуйста...—кринки молока.

Когда мужики работаютъ въ полѣ, имъ приносятъ обѣдъ и ужинъ ребятишки изъ деревни. Мужички пожуютъ хлѣбъ, похлебаютъ молока и завалятся соснуть на лѣсной опушкѣ. А хитрые Мишки только того момента и ждутъ. Подкрадутся незамѣтно къ остатку ужина, хвать-хвать! И бѣгомъ съ нимъ въ лѣсъ.

Очень хитрое и вороватое наше медвѣжье племя!

А какъ же иначе? Посудите сами: медвѣдь слишкомъ благороденъ, чтобы ѣсть падаль, какъ волки. И слишкомъ миролюбивъ, чтобы накинуться на живое существо—овцу или со-

баку и задрать его, какъ это дѣлаютъ волки... Вотъ оттого ему и приходится воровать порою, когда захочетъ полакомиться чѣмъ нибудь изысканнымъ!

И онъ правъ отчасти. Вѣдь вороватость, пожалуй, лучше нежели жестокость? Вы какъ думаете? Впрочемъ и то и другое очень непохвально. Мы, маленькіе медвѣди, не ѣдимъ животной пищи. Зайчиковъ, сусликовъ и прочую лѣсную дичь мамаша съ папашей добываютъ для себя.

А Косолапъ, Бурка и я, Мишенька—вашъ покорный слуга, предпочитаемъ медъ, птичьи яица, сладкіе коренья и молочко съ хлѣбомъ.

Ужасно я люблю молочко съ хлѣбомъ. Право! Только доставать его очень трудно и опасно. Чего добраго подойдешь не во время, увидятъ тебя мужики и пустятъ въ ходъ палки да колья. Только тебя и видѣла лѣсная чаща.

На насъ, Мишекъ, люди охотятся съ особендымъ удовольствіемъ; вѣдь медвѣжья шкура цѣнится дорого и продавцы берутъ за нее большія деньги. Понятно, что изъ крынки молока не очень то хочется рисковать своей шкурой!

А полакомиться желательно и даже очень. Вотъ и посудите сами, какъ тутъ быть?

Впрочемъ, добывать себѣ лакомства и даже пищу намъ, Мишкамъ, надо только лѣтомъ. Зимою мы почти не ѣдимъ. Прячемся въ свою берлогу и предаемся постоянной спячкѣ.

Сидимъ въ уголку и спимъ... Просыпаемся только тогда, когда ужъ очень ѣсть захочется, или когда что нибудь неладное около берлоги случится. А затихнетъ шумъ и шорохъ, мы снова спать. Да такъ и спимъ всю зиму, пока весеннее солнышко не заглянетъ въ лѣсъ и не напомнитъ, что снова веселая весна возвратилась.

Тутъ мы встряхиваемся, точно оживаемъ и снова становимся бодрыми, веселыми Мишками.

II.

Такъ я росъ балованнымъ семьею медвѣженкомъ.

Какъ то въ началѣ весны, время, когда нашъ медвѣжій народъ оставляетъ свою зимнюю спячку, въ нашу берлогу пришли гости.

Старый полуслѣпой медвѣдь Топтыгинъ, вертлявая лисичка Хитруля съ очень желтымъ и очень пушистымъ хвостомъ и большой сѣрый волкъ, котораго звали Удалецъ за его чрезвычайно смѣлыя выходки и очень уважали за храбрость. Удалецъ не боялся бросаться на путниковъ въ одиночку, когда по лѣснымъ волчьимъ обычаямъ принято всегда нападать всею стаей. Удалецъ не трусилъ ружья и ружейный выстрѣлъ дѣйствовалъ на него также, какъ на взрослаго двѣнадцатилѣтняго мальчика ударъ хлопушки.

За то Удалецъ и пострадалъ немного. У

Къ разсказу Приключеніе Мишки.

него былъ обожженный порохомъ кончикъ носа, а правое ухо вовсе отсутствовало, благодаря деревенской овчаркѣ, у которой онъ намѣревался стянуть самую лучшую овцу изъ стада.

Впрочемъ, отсутствіе уха и обожженный носъ нисколько не урезонили Удальца и онъ продолжалъ свои боевыя похожденія, нисколько не устрашенный за ихъ послѣдствія.

Итакъ, слѣпой Топтыгинъ, вертлявая и кокетливая Хитруля и безухій Удалецъ сидѣли у насъ въ гостяхъ. Они зашли не случайно въ нашу берлогу, а по приглашенію моихъ дрожайшихъ родителей. Это были наши старинные друзья и мамаша съ папашей очень дорожили ихъ совѣтами. Особенно вѣрили они опытности и мудрости Топтыгина.

Долженъ былъ произойти семейный совѣтъ по поводу меня, вашего покорнаго слуги.

Дѣло въ томъ, что я подросъ настолько, что могъ ходить на охоту, и въ то же время былъ еще очень молодъ, чтобы дѣлать это одному. Вотъ и рѣшили спросить у своихъ друзей мои родители.

Начинать-ли мнѣ свою карьеру взрослаго медвѣдя или подождать еще годикъ, пока я окончательно не выросту и не окрѣпну.

— По моему, густымъ басомъ началъ свою рѣчь Топтыгинъ,—мальчишку дольше баловать нечего... Сидя дома, только излѣнится.. Теперь молодежь Богъ знаетъ какая стала, вольнымъ

духомъ заразилась... Старшихъ не слушается, учиться не хочетъ и себя умнѣе отца и матери ставитъ. Мой совѣтъ—учить мальчугана и пріучать его къ самостоятельному заработку.

— А по моему, вы далеко не правы, дорогой M-eur Топтыгинъ,—вильнувъ своимъ пушистымъ хвостикомъ, произнесла Хитруля:— Мишеньку я бы не выпускала на промыселъ такъ рано изъ берлоги. Смотрите, какой онъ еще нѣжненькій и миленькій, совсѣмъ дитя!

И она ласково потрепала меня кончикомъ хвоста по мордѣ.

— Послушайте, madame, снова загудѣлъ басъ Топтыгина,—вы, извините меня, разсуждаете по бабьи... Ну, виданое-ли дѣло, чтобы такого молодца,—тутъ онъ изо всей силы дружески хлопнулъ меня по плечу, отчего я присѣлъ на полъ,—виданое-ли дѣло, держать такого парня около материнской юбки?.. Нѣтъ, пусть пріучается работать съ самаго ранняго возраста и знаетъ, каково въ потѣ лица зарабывать хлѣбъ.

— Вѣрно! Вѣрно!—почесавъ у себя за ухомъ (за единственнымъ, которое у него осталось), произнесъ Удалецъ,—мальчикъ не дѣвченка и долженъ рано начать помогать отцу съ матерью.—Неправда-ли, M-lle Бурка?—обратился Удалецъ съ любезной улыбкой по адресу моей сестрицы.

Сестрица Бурка разносила въ эту минуту

гостямъ яйца лѣсныхъ голубей и дикій медъ на большихъ листахъ лопуха—самое изысканное на мой взглядъ угощеніе.

Сестрица Бурка смутилась и опустила глазки подъ взглядомъ безъухаго Удальца, по которому она тайно вздыхала и который не сегодня-завтра долженъ былъ къ ней посвататься.

Но медлилъ, зная, что мамаша съ папашей будутъ очень противиться этому браку, такъ какъ расчитывали выдать замужъ дочку за какого нибудь молодого человѣка изъ нашего медвѣжьяго общества.

Отъ смущенія Бурка выронила голубиныя яйца... Они совсѣмъ неожиданно выскользнули у нея изъ лапъ и разбились вдребезги, ударившись о земляной полъ берлоги.

— Ну ты, медвѣдица косолапая!—разсердился на Бурку папаша,—ишь подъ потолокъ выросла, а съ хрупкими вещами еще не научилась обращаться,—бранилъ онъ растерявшуюся и сконфузившуюся до слезъ Бурку.

— Не извольте безпокоится, мы этому горю поможемъ—съ истинно джентельменскою любезностью вступился за мою обиженную сестру Удалецъ.—Конечно, было бы пріятнѣе принять угощеніе изъ такихъ прелестныхъ ручекъ. Тутъ онъ кинулъ восхищенный взглядъ на мохнатыя огромныя лапы Бурки,- но если суждено было мнѣ лишиться этого удовольствія, я нечего дѣлать, поступлю иначе.—И, улегшись на полъ

онъ сталъ подлизывать размазанное по полу угощенье своимъ краснымъ, длиннымъ волчьимъ языкомъ.

Его примѣру послѣдовалъ и Топтыгинъ съ Хитрулей. Покончивъ съ однимъ угощеньемъ, принялись за другое... Медъ, поданный на лопухахъ, пришелся по вкусу одному только старику медвѣдю, для Хитрули и Удальца были поданы свѣже задранные утромъ молодые зайчата.

Когда гости наугощались на славу, снова состоялся совѣтъ. Спорили, говорили, опять спорили и, наконецъ, окончательно рѣшили выпустить меня изъ берлоги, учить медвѣжьему ремеслу и всячески сдѣлать изъ меня хорошаго, благовоспитаннаго и умнаго молодого медвѣдя...

III.

Былъ чудесный солнечный день, когда мы выползли съ мамашей изъ берлоги.

— Сегодня я научу тебя охотиться за медомъ, —проговорила мамаша, пускаясь со мною въ путь.

Папаша не былъ съ нами, такъ какъ теперь у него была новая забота. На рукахъ и на попеченіи папаши находился Косолапъ, который еще не былъ на столько взрослымъ, чтобы охотиться одному. Что же касается до Бурки, то она никуда не ходила и въ качествѣ взрослой барышни сидѣла дома и занималась хозяйствомъ

поджидая въ то же время не явится-ли кто нибудь посвататься за нее.

Ужасно глупыя эти дѣвченки! Ни на что путное не способны! Только сидятъ сложа ручки а мечтаютъ о женихѣ. Совсѣмъ не то, что мы. И такъ былъ пріятный солнечный лѣтній день, повторяю... Я важно выступалъ подлѣ мамаши съ сознаніемъ полнаго своего достоинства.—Мнѣ такъ и хотѣлось громко кричать о томъ, что я уже взрослый молодой человѣкъ и въ первый разъ отправляюсь на охоту.

На пути намъ попалась старая волчиха. Ее звали Зубоскалка и она пользовалась дурною славой въ нашемъ лѣсномъ царствѣ.

Мамаша даже вздрогнула, встрѣтившись съ ею, вздрогнула и попятилась назадъ.

— Не хорошо это... Не къ добру... Не люблю встрѣчаться съ Зубоскалкой!—успѣла шепнуть она мнѣ и такъ какъ старая волчиха была уже всего въ двухъ шагахъ отъ насъ, то мамаша сдѣлала привѣтливое лицо въ ея сторону.

— Ведете сынка на охоту?—спросила, выставляя свои оскаленные зубы волчиха.—Это означало у нея крайне любезную улыбку.—И она помахала хвостикомъ.

Мамаша кивнула ей въ знакъ отвѣта и тогда улыбнулась, то есть попросту оскалила зубы.

Такъ онѣ обѣ постояли другъ передъ другомъ съ оскаленными зубами и умильно поулыбались одна другой.

Потомъ Зубоскалка опять повиляла хвостикомъ.

— Что же, счастливый путь, счастливый путь! — закивала она мордой. И то сказать, когда имѣешь такихъ прелестныхъ дѣтей—старость бугать не можетъ. Дѣти прокормятъ. Вы очень счастливая мать! произнесла Зубоскалка, съ томностью глядя на мою мамашу.

Мамаша была очень довольна этой похвалой и въ свою очередь, еще разъ осклабившись, пожелала пріятнаго пути Зубоскалкѣ.

И мы двинулись дальше...

Вотъ и пасѣка... Вдали сквозь деревья виднѣются маленькіе домики... Я знаю, что это за домики—это ульи—жилища пчелъ... Ихъ очень много. Они разбросаны среди липовой чащи. а тамъ подальше стоитъ шалашъ пасѣчника, который ухаживаетъ за ульями.

— Тс! Тс! Тс!—предупредила меня шопотомъ мамаша, будь остороженъ, Мишенька! Не шуми! Пасѣчникъ теперь спитъ и будетъ спать до тѣхъ поръ, пока солнышко не опустится до верхушекъ деревьевъ. Пчелы скоро улетятъ изъ ульевъ и тогда мы можемъ идти добывать медъ.

И она чуть слышно, крадучись, на четверенкахъ, зашла за толстостволыя, какъ бы сросшіяся липы и прилегла за ними, растянувшись въ высокой травѣ.

Я послѣдовалъ ея примѣру.

Въ моей головѣ витали чудныя грезы. Я мечталъ о той свѣтлой минутѣ, когда запущу лапу въ отверстіе улья и, вытащивъ оттуда сотъ, съ наслажденіемъ полакомлюсь вкуснымъ медомъ.

Мои сладкія мечты унеслись такъ далеко, что я положительно чувствовалъ у себя во рту ароматичный вкусный медъ, который своей сладкой тягучей массою такъ и таетъ на языкѣ и зубахъ.

Нѣтъ, положительно я испытывалъ такое ощущеніе, какъ будто онъ находится у меня во рту. У меня даже слюнки потекли отъ удовольствія.

Ахъ, какъ мнѣ неудержимо захотѣлось меду, сейчасъ... сію же минуту!.. Положительно я не хотѣлъ терять ни одной секунды. Мелькомъ глаза мои обратились на мамашу.

Она очень удобно разлеглась на мягкой травѣ и, кажется, спала...

Рѣшительно ей не было никакого дѣла до мученій ея ненагляднаго Мишеньки.

И такъ какъ мученія мои изъ за желанія во чтобы то ни стало получить соблазнительный медъ сію же минуту, становились все настойчивѣе и сильнѣе, я не разсуждалъ больше.

Пчелы были въ ульяхъ... Я отлично видѣлъ, что онѣ еще не улетали оттуда...

Но какое мнѣ было дѣло до пчелъ, до всего міра, когда я хотѣль меду, и только меду...

Быстро поднялся я со своего мѣста и, разливаясь съ боку на бокъ по своему обыкновію, направился къ ульямъ... Вотъ и ближайшій изъ нихъ... Совсѣмъ, совсѣмъ близко... Остается только протянуть лапу и...

Я привожу, ни мало не задумываясь, свой планъ въ исполненіе... Моя объемистая лапа просовывается въ крошечное окошечко улья.

И...

— Ай! Ай! Ай! Ай! Ай! Ай! Ай! Ай!

Что, кто?

Кто смѣетъ?

Господи помилуй!

Ничего не понимаю!

— Не буду! Не буду! Ай! Ай! Ай! Ай! Никогда не буду! Цѣлый рой пчелъ вылетаетъ изъ улья и впиваются мнѣ въ носъ, да именно въ носъ, единственное мѣсто не защищенное длинной непроницаемой для ихъ класса шерстью.

О скверныя пчелы! Онѣ отлично знали куда нанести удары, чтобы онъ былъ чувствительнѣе!

— Ай! Ай! Ай! Ай—реву я на весь лѣсъ благимъ матомъ.

Въ одну минуту около меня мамаша.

— Молчи несчастный! Что ты дѣлаешь—шепчетъ мнѣ на ухо она пасѣчникъ сейчасъ проснется и созоветъ людей. Сейчасъ, сейчасъ проснется!

Но онъ уже проснулся и, какъ полоумный, выскочилъ изъ своего шалаша и несется во всю прыть по лѣсу, въ ту сторону, гдѣ усадьба... И кричитъ точно его рѣжутъ.

И чего кричитъ?

Велика важность, что на его пасѣку набрели два проголодавшіеся медвѣдя! Подумаешь, ужасъ какой!

Нѣтъ, ты покричи тогда, когда въ твой носъ занесется съ десятокъ этихъ окаянныхъ жалящихъ нистерпимо существъ, которыя называются пчелами! Желалъ-бы я знать, чтобы ты сдѣлалъ въ такомъ случаѣ!

И продолжая выть на весь лѣсъ, я тру себѣ носъ лапой и верчусь, какъ волчокъ на одномъ мѣстѣ.

— Тише! Мишенька! Тише!—машетъ меня отчаяннымъ голосомъ мамаша.—Видишь люди бѣгутъ!

— Люди! Гдѣ? Этого еще не доставало.

Я дѣлаю безумный скачекъ и исчезаю въ чащѣ. За мною слѣдуетъ и мамаша.

Разъ! Два! Разъ! Два! Три!

Вотъ такъ скачка! Любой косой заяцъ позавидуетъ. Люди отстали. Они теперь далеко и не какими судьбами имъ насъ не догнать.

Досвиданія! Будете здоровы!

И, смѣло сквозь слезы, я посылаю имъ воздушный поцѣлуй, очень довольный, что удалось спасти свою шкуру.

— Мишенька! Моя радость!—что они сдѣлали съ тобою!—восклицаетъ моя мамаша, бросивъ бѣглый взглядъ на мое лицо.

Я рѣшительно не понимаю въ чемъ дѣло... По пути намъ попадается ручеекъ. Заглядываю въ него, въ прозрачную голубовато-свѣтлую воду и вскрикиваю отъ неожиданности:

— Мой носъ!

— Нѣтъ, ни носъ, а рѣпа.

Окончательно рѣпа. Такъ онъ вспухъ и раздулся отъ укусовъ этихъ отвратительныхъ пчелъ.

Прекрасное украшеніе! Нечего сказать!

Есть отчего заплакать!

Я иду домой съ понуреннымъ видомъ!

Подумайте сами, пріятно-ли носить рѣпу вмѣсто носа такому красавцу, какъ я молодому медвѣженку? Бурка сочувствуетъ мнѣ и самымъ тщательнымъ образомъ занимается моимъ раненнымъ носомъ... Она дуетъ на него и прикладываетъ къ нему какую то травку, которую считаютъ цѣлебной.

Милая Бурка! Пріятно имѣть такую славную заботливую сестру...

IV.

Мнѣ здорово таки попало отъ папаши въ тотъ же вечеръ, когда онъ, вернувшись домой, узналъ о томъ, какъ отличился его Мишенька. Хорошую трепку получилъ вашъ покорный

слуга... Мамаша заступалась всѣми силами за своего любимца, говоря, что во всемъ виновата злополучная встрѣча съ зубоскалкой, которая «сглазила» бѣднаго, маленькаго, неопытнаго Мишеньку.

И все таки бѣдному маленькому Мишенькѣ не мало досталось, несмотря на заступничество доброй мамаши.

Прошло нѣсколько дней со дня моего перваго неудачнаго выхода на промысель. Мало по малу я сталъ опытнѣе. Теперь уже не полѣзу въ улій, когда тамъ находятся пчелиные рои. Носъ у меня зажилъ черезъ недѣлю и потерялъ свою ужасную рѣпообразную форму. Теперь я научился, благодаря мамашѣ, откапывать въ землѣ съѣдобные коренья, отыскивать птичьи яйца, задирать глупенькихъ зайчатъ, сусликовъ и прочую живность вплоть до птицы включительно. Теперь осталось пройти самую трудную науку. Умѣть обмануть бдительность людей и напасть на ихъ съѣстные припасы, тогда, когда меньше всего они ожидаютъ этого...

Но для этой науки я былъ еще слишкомъ молодъ и мамаша рѣшила обучать меня ей значительно позднѣе.

Но вотъ къ этой то именно наукѣ особенно и лежало у меня сердце... Не знаю, что меня такъ заинтересовывало въ ней. Простое-ли упрямство, какимъ обладаютъ всѣ маленькія

дѣти и на которыхъ въ данномъ случаѣ очень похожи и молоденькіе медвѣжата, или, просто, меня влекло ко всему таинственному, опасному, захватывающе-интересному,—не знаю.

Только разъ по утру я тихонько шепнулъ Буркѣ:

— Пойдемъ сегодня на сѣнокосъ! Мнѣ очень бы хотѣлось полакомиться молочкомъ съ хлѣбомъ.

— Нельзя, мамаша, не позволила,—степенно отвѣчала Бурка, которая больше всего въ мірѣ любила играть во взрослую благонравную дѣвицу.

— Но мамаша ничего не узнаетъ. Она пойдетъ въ гости въ сосѣдній лѣсъ къ старой больной бабушкѣ Лохматкѣ и вернется только къ ночи. Мы сто разъ успѣемъ сбѣгать за это время на сѣнокосъ и обратно!—соблазнялъ я сестрицу.

— Ахъ, Миша, право, не хорошо это... Узнаютъ наши,—разсердятся. И потомъ, не дай Богъ, что съ тобой случится. Вѣдь молодъ ты для такихъ экскурсій.

— Ничуть не молодъ! Въ мои годы другіе медвѣжата себя совсѣмъ взрослыми считаютъ,—защищался я.—А ты подумай только, какъ долго мы не пробовали вкуснаго молочка съ хлѣбцемъ! Какое это очаровательное лакомство! Право, стоитъ ради него пожертвовать даже своей шкурой.

— Ахъ, что ты! Что ты!—испугалась Бурка, у которой уже начинали течь слюнки при одномъ напоминаніи о любимомъ кушаньѣ.

Большая лакомка была Бурка и ей за это порядочно таки доставалось отъ родителей.

Долго мы спорили и пререкались съ сестрою.

Наконецъ Бурка уступила мнѣ, какъ младшему брату и общему любимцу.

— Только, если что нибудь опасное или подозрительное покажется, сейчасъ же назадъ, домой, проговорила тревожнымъ тономъ моя заботливая сестричка.

— Ну, разумѣется! отвѣчалъ я очень спокойно, объ этомъ и рѣчи быть не можетъ! Что мы глупые дѣти съ тобою, что-ли?

Задумано сдѣлано. Крадучись, тишкомъ, точно два вора, выбрались мы съ Буркой изъ нашей берлоги и направились по знакомой тропинкѣ къ опушкѣ лѣса.

Весело было у меня на душѣ. Я себя чувствовалъ совсѣмъ особенно, совершенно взрослымъ молодымъ человѣкомъ, который идетъ на промыселъ не возлѣ маменькиной юбки, а вполнѣ, вполнѣ самостоятельно!

Вотъ и лѣсъ порѣдѣлъ... Сейчасъ и лѣсная опушка... Мы съ Буркой свернули съ тропинки, во избѣжаніе встрѣчи съ людями и свернули въ чащу кустовъ и деревьевъ.

Еще немного и передъ нами открылось поле, на которомъ мужики изъ деревни косили сѣно,

Оно было покрыто огромными копнами. Тамъ и здѣсь краснѣли рубахи мужиковъ и пестрѣли сарафаны и платки женщинъ.

Они лежали то тамъ, то тутъ у стоговъ и отдыхали, прикрывшись картузами и платками, надвинутыми на глаза отъ солнца.

Мы выбрали удачное время съ Буркой.

Люди спали крѣпко, утомленные работой подъ палящими лучами солнца. Къ тому же отъ лѣса до перваго стога шелъ высокій кустарникъ, подъ прикрытіемъ котораго можно было никѣмъ незамѣченнымъ добраться до стога... А у ближняго стога лежалъ всего одинъ мужикъ и спалъ крѣпче другихъ, повидимому, уткнувшись лицомъ въ сѣно.

Съ этой стороны, слѣдовательно, все обстояло благополучно.

Вечерѣло... Солнце близилось къ закату... Мои глаза, не отрывавшіеся отъ ближней копны, успѣли разсмотрѣть, что подлѣ спящаго мужика лежалъ огромный каравай хлѣба и стояла объемистая крынка съ молокомъ, очевидно оставленные для ужина.

— Ты видишь, произнесъ я значительнымъ голосомъ по адресу моей сестрицы, и указалъ ей на соблазнительныя вкусныя вещи, находящіяся подъ копной.

— Вижу! — отвѣчала мнѣ также тихо Бурка,— но что же намъ дѣлать?

— Что дѣлать? А вотъ что дѣлать!—произнесъ я еще болѣе увѣреннымъ тономъ.

Я, какъ видите окончательно привыкъ къ моей новой роли и если не сестра заняла теперь мѣсто руководителя и главаря, то я поторопился занять его, какъ можно скорѣе.

— Ты, Бурка, останешься здѣсь въ кустарникѣ, какъ опытный главнокомандущій отдавалъ я свои приказанія,—а я тѣмъ временемъ доберусь до стога и... только, смотри, гляди въ оба... Если замѣтишь, что кто нибудь проснулся на сѣнокосѣ, сейчасъ же зареви погромче... Они испугаются, замечутся во всѣ стороны, а мы тѣмъ временемъ и улизнемъ въ чащу.

Я говорилъ такъ здраво и убѣдительно, что Бурка почему то не рѣшилась мнѣ возражать.

Она только вздыхала по временамъ и глаза ея съ мольбою устремлялись то на ближній стогъ, то на меня, ея черезъ чуръ энергичнаго и рѣшительнаго братца.

Я кивнулъ головою Буркѣ и, медленно двигаясь почти ползкомъ, направился къ стогу черезъ кустарникъ.....

V.

Совсѣмъ, совсѣмъ нѣтъ ничего опаснаго!

По крайней мѣрѣ я прошелъ добрыя двѣ трети пути и вполнѣ благополучно!

На душѣ все ликуетъ; даже нѣтъ въ ней

ни малѣйшаго раскаянія въ томъ, что дѣлаю потихоньку то, что мнѣ запрещено дѣлать.

Вотъ и стогъ...

Мужикъ спитъ по прежнему крѣпко прикрѣпко... Теперь они, крынка и каравай, всего въ трехъ шагахъ разстоянія отъ меня.

Бурка молчитъ тамъ въ чащѣ кустарника и не подаетъ признаковъ жизни.

Значитъ все спокойно и волноваться нечему.

Наконецъ я у цѣли. Протягиваю лапу.

Разъ! Крынка съ молокомъ въ моихъ рукахъ.

Два! Каравай хлѣба тоже!

Я прижимаю то и другое къ своей груди, какъ самыя дорогія сокровища въ мірѣ.

И вдругъ... Оглушительный ревъ Бурки несется на всю поляну...

Я оглядываюсь... И начинаю дрожать всѣми членами съ головы до ногъ... Со всѣхъ сторонъ ко мнѣ бѣгутъ люди... Ужасъ сковываетъ мое бѣдное медвѣжье сердце... Мозгъ въ головѣ холодѣетъ... Крынка и каравай моментально выскальзываютъ изъ моихъ рукъ и падаютъ на землю... И я бросаюсь на утекъ.

— Стой! Стой! Держи его!—несутся крики за мною слѣдомъ... Я несусь какъ угорѣлый прямо въ чащу, но отлично чувствую и вижу, что слѣдомъ за мною почти по пятамъ бѣгутъ люди... Вотъ они ближе... ближе... вотъ взвилась въ воздухѣ со свистомъ веревка и въ одну секунду я почувствовалъ, какъ плотное кольце затягиваетъмою шею.

Я хочу двинуться впередъ и не могу. . Ужасная веревка давитъ, душитъ меня.

Я рвусь на зло ей и наконецъ, едва живой, полузадушенный валюсь на землю.

И вмигъ мои лапы крѣпко скручены и я въ неволѣ... въ ужасной столь неожиданной неволѣ, которую ожидалъ менѣе всего...

VI.

Нѣтъ, они не убили меня. Они лишь только увидѣли меня, сказали:

— Хорошій медвѣженокъ, еще махонькій, жаль убивать такого. Да и шкура его на шубу не годится—мала еще. Продадимъ его въ звѣринецъ. Деньги по крайности получимъ.

И, не долго думая, мужички рѣшили отправить меня въ звѣринецъ. Ахъ, читатель, если бы вы знали, что я пережилъ въ эту ночь, въ первую ночь моей неволи. Нечего и говорить, что я не спалъ ни чуточки... Когда лѣтніе сумерки спустились и все улеглось спать въ деревнѣ, я услышалъ тихій печальный ревъ моей матери.

Она подошла совсѣмъ близко къ деревнѣ и, заливаясь слезами, горько жаловалась на свою судьбу. Она звала меня къ себѣ, надѣляя самыми ласковыми именами. Она ни однимъ словомъ не упрекнула меня въ томъ, что я пострадалъ по своей винѣ.

Она плакала такъ горько, что мнѣ казалось минутами, что бѣдная моя мамаша умретъ отъ

слезъ. Я лежалъ связанный по всемъ четыремъ лапамъ, во дворѣ ближайшей къ лѣсу избы и слышалъ всѣ эти жалобы и стенанья моей матери.

Потомъ она затихла. Голосъ ея замолкъ, плачь прекратился... Это вѣрно папаша съ Косолапымъ пришли за нею и увели ее въ берлогу.

Сердце мое заныло еще больнѣе... Никогда, никогда не увижу я больше моей дорогой мамаши! Ни отца, ни Косолапа, ни Бурки, ни родной берлоги... И самъ виноватъ во всемъ этомъ. Самъ погубилъ себя по своей винѣ!

Уже передъ самымъ разсвѣтомъ я услышалъ отчаянный лай собакъ... Поднялъ голову и сквозь плетень, отгораживающій дворикъ отъ поля, увидѣлъ, идущую прямо по направленію деревни, Бурку...

— Миша! Миша!—закричала мнѣ она,—я иду къ тебѣ... Я хочу раздѣлить съ тобой твою участь. Я виновата, что тебя постигло такое несчастье и должна отвѣтить за это!

— Что ты! Что ты, Бурочка!—ужаснулся я,— не надо! Не надо! Я одинъ виновенъ во всемъ и одинъ за все пострадаю... Ступай домой, Бурка, поклонись отъ меня нашимъ дорогимъ родителямъ и братцу... Скажи имъ, чтобы они не скучали по бѣдному Мишкѣ.

И я заплакалъ горько, неутѣшно...

Заплакала и Бурка.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я останусь съ тобою, останусь непремѣнно!—проговорила она рѣшительно, и, вбѣжавъ во дворикъ избушки, бросилась ко мнѣ и стала лизать меня, что означало въ нашемъ медвѣжьемъ обычаѣ самую нѣжную родственную ласку.

А собаки заливались все оглушительнѣе и громче... На крыльцѣ дома, разбуженный ихъ лаемъ, появился хозяинъ.

— Бѣги, пока не поздно, спасайся!—шепнулъ я сестрѣ.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Я остаюсь!—рѣшила окончательно Бурка. И осталась.

Не скрою, жертва сестры доставила мнѣ огромное удовольствіе. Нужно вамъ сказать, что я былъ таки порядочнымъ эгоистомъ.

VII.

Прекрасный, солнечный день... Весь Зоологическій садъ залитъ его весенними золотыми лучами. Публики набралось въ немъ видимо-невидимо... Особенно много пришло къ намъ, въ отдѣленіе бурыхъ медвѣдей.

Я ужасно не люблю, когда такъ много идетъ къ намъ публики... Что за удовольствіе потѣшать людей, когда на душѣ у самого не весело?

А сегодня особенно не весело у меня на душѣ... Сегодня я видѣлъ во снѣ, что будто мы съ Буркой на свободѣ гуляемъ по лѣсу...

А въ лѣсу хорошо! Птицы поютъ, ягоды зрѣютъ... Ужасно я люблю ягоды... Особенно малину... И много, много вижу я (во снѣ, конечно,) малины выросло въ нашемъ лѣсу. Я погуливаю кругомъ нея, забираю себѣ за щеки ягодку за ягодкой, вѣточку за вѣточкой.

И вдругъ... неделикатный пинокъ ноги прямо мнѣ въ спину... Что такое?

Передо мною нашъ надсмотрщикъ и хозяинъ въ одно и тоже время.

— Вставай, поднимайся, лѣнтяй! Торопись показывать твои штуки. Публика ждетъ! Слышишь!—говоритъ онъ сердито, расталкивая меня.

Публика ждетъ, видите-ли! Очень это для меня пріятно! Тѣшить публику, которая рѣдко, рѣдко когда броситъ намъ въ клѣтку кусочекъ сахара или краюшку хлѣба... Все больше мѣдныя монеты бросаетъ нашему хозяину, какъ будто не мы ее потѣшаемъ, а онъ... Ужасно, подумаешь, какъ справедливо!

А публики ужь видимо-невидимо собралось передъ нашей клѣткой. Бурка всячески забавляетъ ее. Она возитъ коляску съ маленькимъ медвѣжонкомъ въ ней, изображая изъ себя няньку, она стоитъ на часахъ съ палкой и отдаетъ честь, какъ настоящій солдатъ.

А глаза у Бурки нѣтъ-нѣтъ да и подернутся печалью... Не легко ей бѣдняжкѣ живется въ неволи,—скучаетъ она...

— Ну-ка, Михаило Ивановичъ, — обращаясь

ко мнѣ, говоритъ нашъ надсмотрщикъ,—покажи почтенной публикѣ, какъ молодые господа на балу вальсъ танцуютъ...

Я знаю, чего онъ хочетъ отъ меня, мой мучитель. Не даромъ цѣлый годъ онъ обучалъ меня всѣмъ такимъ штучкамъ...

Я подхожу къ Буркѣ, схватываю ее и мы кружимся безконечно долго въ нашей клѣткѣ... Публика чрезвычайно довольна этимъ зрѣлищемъ. Публика хохочетъ, все время не закрывая рта. Потомъ цѣлая куча мѣдяковъ валится въ шляпу нашего хозяина... Намъ никто ничего не даетъ... Глупая публика! Развѣ она не знаетъ, что насъ Мишекъ здѣсь держутъ въ проголодь!! Ахъ! Вотъ наконецъ кто-то догадался бросить ломоть хлѣба Буркѣ.

Но Бурка и не трогаетъ его.

— Бери, Мишенька, кушай! Мнѣ что то нехочется сегодня, — говоритъ она мнѣ, а сама отворачивается, чтобы я не увидѣлъ съ какою жадностью, помимо ея собственной воли, смотрятъ глаза ея на хлѣбъ...

Слезы готовы брызнуть у меня изъ глазъ... Сердце щемитъ все больнѣе и больнѣе... Бѣдная Бурка! Что только она не вынесла изъ за меня!

Бѣдная, милая Бурка!..

Оглавленіе.

Стр.

Двѣ елки 3
Юнга 14
Привидѣніе 20
Экзаменъ 27
Недѣля русалочки 37
Предательница 55
Только для бѣдныхъ 60
Благодѣтель 65
Волченокъ 74
Мальчишка 108
Безъ сердца 120
Графиня Зозо 126
Лидочка 130
Синичка 149
Гиме—живая игрушка 158
Чудовище 173
Бѣдный топсикъ 186
Въ гости къ бабушкѣ 194
Танюша 218
Приключенія Мишки 228

Въ добрый часъ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Составлен. по Англійскимъ и Американскимъ писателямъ. Е. Чистяковой-Вэръ, съ 72 рисунк. Ц. 1 р.

Энергія, самостоятельность, твердость воли, сознаніе своего долга и чувство отвѣтственности, свойственныя молодому поколѣнію англичанъ и американцевъ, отражаются въ этихъ разсказахъ, какъ въ зеркалѣ. Мальчикъ лѣтъ десяти смотритъ за младшей сестрой, готовъ пожертвовать жизнью, чтобы спасти отъ опасности порученную его заботамъ малютку или исполнить какой либо другой, возложенный на него, долгъ, который для него является святыней. Дѣти одни ѣздятъ по желѣзнымъ дорогамъ, совершаютъ далекія прогулки и всегда, за рѣдкими исключеніями, дѣйствуютъ самостоятельно и разумно.

При всемъ богатствѣ нашихъ способностей, при всѣхъ драгоцѣнныхъ достоинствахъ нашей натуры, намъ, славянамъ, къ сожалѣнію зачастую не хватаетъ многихъ изъ выше упомянутыхъ качествъ.

Итальянскія сказки. Собранныя и обработанныя Е. Чистяковой-Вэръ. Съ 62 рисунками. 318 стр. въ папкѣ. Ц. 1 р. 25 к.

Оглавленіе: Неосторожная шутка.—Волшебный островъ.—Два близнеца.—Гуго Желѣзная Рука.—Глупышъ.—Резиновая дѣвушка.—Крошка пирога.—Мнѣ и такъ хорошо.—Разумница.—Голубая птичка.—Въ мірѣ простаковъ.—Крошка.—Три банана.—Фея моря.—Лягушенокъ.—Богатство и знаніе.—Деревянная Марія.—С.-Бернардская собака и попугай.—Король Лазореваго меча.—Фея Мерлига.—Кустъ Майорана.—Три подарка.

Чтеніе—лучшее ученіе. Сборникъ разсказовъ составленный по Американскимъ и Англійскимъ, дѣтскимъ писателямъ Е. Чистяковой-Вэръ въ папкѣ. Спб., съ 70 рисунк. Ц. 1 р. Въ этомъ сборникѣ подобраны такіе разсказы и статьи, которые дали-бы возможность юнымъ читателямъ 10—12 лѣтъ усвоить такія знанія, въ однихъ разсказахъ они найдутъ свѣдѣнія о предметахъ часто попадающихся на глаза, а въ другихъ—прочтутъ объ умѣ и образѣ жизни животныхъ, въ третьихъ поучатся умѣнію владѣть собою, не теряться въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, смотрѣть прямо въ глаза опасности и бѣдѣ. Все разсказанное въ немъ сводится къ тому, что „Чтеніе—лучшее ученіе“.

Улыбки и Слезы. Разсказы для дѣтей. Е. Чебышевой-Дмитріевой, съ рисунками М. Андреева, А. Шлипера и др. въ красивой папкѣ, 280 стран. Спб. Ц. 1 руб. 20 к. На елкѣ.—Волшебное ожерелье.—Артюшка бѣглый.—Въ первый разъ на медвѣдя.—Петръ съ зеленаго озера.—Приключеніе раченка.—Сказка о счастьѣ.—За горемъ радость.—Дядя Леля.—Дѣтство Колая.—Пастушенокъ Сенька и пр. Предлагаемая книга написана легкимъ литературнымъ языкомъ, преимущественно изъ сельскаго быта.

Сочиненія М. Ѳ. РОСТОВСКОЙ (для дѣтей).

Разсказы изъ путешествій по Швейцаріи. 2-ое изд. Съ рисунками 274 стран. въ папки Ц. 1 р. 25 к.

Жучка. Разсказы изъ деревенской жизни. 4-е изданіе. Цѣна 1 руб.

Четыре времени года. Зима, Весна, Лѣто, Осень. Разсказы изъ деревенскаго быта. 2. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Повѣсть. Съ рисунками. 3-е изд. Въ папкѣ. Ц. 1 р.

Звѣздочка. Повѣсти и разсказы для дѣтей. Почтовыя марки (фантастическій разсказъ). Съ картинами, въ папкѣ. 3-е изд. Спб. Ц. 1 р.

Крестьянская школа. Исторія открытія сельской школы М. Ѳ. Ростовскою.— Съ 100 рисунками и заставками художника Р. Штейна и др. 4-е изданіе. Спб. 1895 года. Ц. 1 р. 75 к. (Большой томъ).

Пони. Приключеніе Эмскаго осла. Повѣсть для дѣтей. Съ рисунками, въ папкѣ. 3-е изд. Ц. 1 р.

Сельцо Лебяжье. Повѣсть для дѣтей изъ деревенской жизни. Съ 30 рисунками и заставками художниковъ Р. Штейна, А. Шлипера, И. Панова. и др. Въ палкѣ. 4-е изданіе Ц. 1 р.

Дѣтскія забавы. Сборникъ разсказовъ. въ папкѣ Ц. 1 р.

Дитя лѣсовъ. Приключеніе мальчика, три года бывшаго въ плѣну у Орангъ-Утанговъ. Соч. Эм. Бертэ. Автора кн. „Маленькія Школьники“. Переводъ съ 9 франц. изданія Н. Ратомскаго, съ 42 рисунками 239 стр. Спб., въ папкѣ. Ц. 1 р.

Колонія.—Китаецъ Явъ.—Негритянка.—Тигръ.—Докторъ.— Визитъ.—Балъ.—Китайскій садъ.—Орангъ-утангъ.—Визитъ и возвращеніе.—Плѣнникъ—Источникъ Лавы.—Горе.— Преслѣдованіе.—Найденный и потерянный.—Дѣвственный лѣсъ.—Возвращеніе.—Новый человѣкъ.—Открытіе. Возвращеніе въ помѣстье.—Экспедиція.— Новыя опасности.—Освобожденіе.—Развязка.

Серебряные коньки. Исторія одной голландской семьи и ватаги школьниковъ. Сочиненіе Сталь. Пер. К. Н. Мазуренко. 324 стр. Съ 50-ю рисунками художника Шулле. Спб. ц. 1 р. 25 к.

Красный морской разбойникъ. Сочин. Фр. Гофмана. Перев. подъ редакціей С. Бриліанта. Спб. 1906 г. 319 стр съ рисунками въ папкѣ ц. 1 р. 20 к. Оглавленіе: Въ Ньюпортѣ.—На кораблѣ Морского Разбойника.—Новый капитанъ.—Таинственное судно.—Ужасная ночь.—Гибель „Каролины“.—На палубѣ „Дельфина“.—Въ когтяхъ пирата.—Сынъ „Священнаго острова“.—Исповѣдь Фида.—Опасный соперникъ.— Приготовленія къ бою.—„Капитанъ Говардъ“.—Плѣнники на свободѣ. Трудная миссія.—Роковая битва. Бичъ морей!—Геройскій поступокъ.—Въ родной семьѣ. Нужно прибавить, что книга эта какъ и всѣ сочиненія, Гофмана до крайности интересна.

Типографія Ясногородскаго. Спб., Гороховая, 17.

Изданія В. И. ГУБИНСКАГО. Спб.

Слушайте, дѣтки! 25 разсказовъ. Переводъ съ англійскаго М. Лялиной. Съ 46 рисунк. Спб. 1904 г. Ц. 60 к. въ красивой папкѣ. Предлагаемая книжка содержитъ 25 разсказовъ, извлеченныхъ изъ англійскихъ дѣтскихъ писателей. Подборъ сдѣланъ съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы дать интересное чтеніе дѣтямъ 5—10 лѣтъ. Изъ дѣтскихъ писателей англичанамъ, безспорно, принадлежитъ первое мѣсто. Разсказы ихъ естественны, жизнерадостны, въ то-же время, поучительны. Въ нихъ ярко выражаются три основы англійскаго воспитанія: долгъ, характеръ и самодѣятельность. Только правильное развитіе этихъ основъ дѣлаетъ человѣка пригоднымъ для жизни. Въ этой цѣлью въ Англіи даютъ дѣтямъ сравнительно довольно свободы, чтобы они изъ опыта могли вывести заключеніе, что дурные поступки ведутъ за собой дурныя послѣдствія, и остерегались ихъ.

Разсказы дѣткамъ-малолѣткамъ. Б. Дубровской. Съ 55 рисунками и заставками художник. М. Андреева, И. Зубрилова и др. 260 стр. Спб. Ц. 1 р. въ красивой хромолитогр. папкѣ. Предлагаемый сборникъ написанъ съ большимъ интересомъ. Простота и ясность изложенія дѣлаютъ книгу вполнѣ доступною пониманію маленькихъ дѣтей. Масса разнообразнаго содержанія довершаетъ интересъ, а также многочисленныя рисунки книги придаютъ ей наглядности.

Пестрая книжка. Соч. Фр. Гофмана. Перев. В. Энгельгардтъ, съ раскрашен. рисунками въ красивой папкѣ. Спб. Ц. 1 р. 237 стр., всего 130 разсказовъ для маленькихъ дѣтей. У Мюллера было четверо дѣтей: двѣ дѣвочки и два мальчика. Франциска была старшая, вторымъ былъ Виля, третьимъ Валя, а самою младшею была Лена. На этихъ дѣтокъ нельзя было пожаловаться. Родители пріучили ихъ съ самаго ранняго возраста къ вниманію, порядку и послушанію. Дѣти были отзывчивы на все хорошее, прилежны, внимательны, услужливы, искренни; и потому имъ всегда всѣ прощали ихъ маленькія ошибки, зная, что это все-таки были очень добрыя дѣти.

Маленькіе баловни. Сборникъ разсказовъ для дѣтей младшаго возраста, составленный по англійскимъ дѣтскимъ писателямъ. М. А. Лялиной. Всего 100 разсказовъ. Съ 75 рисунками и заставк. англійскихъ художниковъ. 220 стр. Цѣна въ папкѣ 1 руб. Книжка содержитъ 100 разсказовъ, извлеченныхъ изъ англійскихъ дѣтскихъ писателей. Подборъ сдѣланъ съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы дать интересное чтеніе дѣтямъ отъ 5—10 лѣтъ. Изъ дѣтскихъ писателей англичанамъ, безспорно, принадлежитъ первое мѣсто. Разсказы ихъ естественны, жизнерадостны, въ то же время поучительны. Въ нихъ ярко выражаются три основы англійскаго воспитанія: долгъ, характеръ и самодѣятельность. Только правильное развитіе этихъ основъ дѣлаетъ человѣка пригоднымъ для жизни. Съ этой цѣлью въ Англіи даютъ дѣтямъ сравнительно довольно свободы, чтобы они изъ опыта могли вывести заключеніе, что дурные поступки ведутъ за собой дурныя послѣдствія, и остерегались ихъ.

атя. Повѣсть соч. Гордѣевой-Щербинской, съ рисунками, въ папкѣ. Спб. Ц. 1 р. Съ отзывомъ Тургенева. Первое знакомство.—Учитель.—Крестная мать.—Въ городѣ.—Послѣ праздниковъ.—М-мъ Элеонор и М-ье Анжелини.—Возвращеніе.—Маленькій нищенка.—Пріѣздъ на каникулы.—Горбушка.—Дядинъ другъ. Изданіе второе.

Почитай—мы послушаемъ. Разсказы для дѣтей младшаго возраста. Соч. Гордѣевой-Щербинской.—Саша.—Дружокъ.—Похожденія бѣлки.—Ночь на Ивановъ день.—Похожденія киски.—На дачѣ.—Петя Деминъ.—Духовное око. Изданіе второе. 264 стран. со многими рисунками и заставкѣ, въ папкѣ. Цѣна 1 руб. Съ отзывомъ И. С. Тургенева. ОТЗЫВЪ журнала «Дѣтское Чтеніе» Вик. Петр. Острогорскаго о первомъ изданіи соч. Гордѣевой-Щербинской: «Разсказы эти написаны живо, интересно и отличаются задушевною теплотою. Всѣ они возбуждаютъ сочувствіе къ выведеннымъ въ нихъ лицамъ и животнымъ, благодаря теплому чувству самого автора. Жизнь дѣтей, ихъ проказы, удовольствія, отношенія къ взрослымъ описанывесьма удачно.

Маленькіе путешественники. приключенія трехъ дѣтей въ Алжирѣ. Повѣсть для юношества Ад. Бадена. Съ 40 рисунк. французскаго художника Беннета. Спб., въ папкѣ 60 к. Интересны «Маленькіе путешественники» А. Бадена, въ переводѣ съ французскаго изданія, хорошо изданная книжка съ многочисленными рисунками, живымъ занимательнымъ описаніемъ приключеній трехъ дѣтей въ Алжирѣ. Авторъ въ удачной формѣ разсказовъ знакомитъ своихъ юныхъ читателей съ природою и жизнью Алжира, въ его теперешнемъ состояніи («Новое Время»).

Сочиненія М. Ѳ. Ростовской (для дѣтей).

Дѣтскія забавы. Разсказы для младшаго возраста. Съ 50 рисунками. Въ папкѣ. Ц. 1 р.

Четыре времени года. Зима, Весна, Лѣто и Осень. Разсказы изъ деревенскаго быта. 2) Свѣтъ не безъ добрыхъ людей, повѣсть. Съ рисун. Въ папкѣ. Ц. 1 р.

*) **Жучка.** Разсказъ изъ деревенской жизни. Милордъ и Горгона (разсказъ). Человѣкъ (очеркъ). Попугай. Съ рисунками, 4-е изданіе. Цѣна 1 руб.

*) **Звѣздочки.** Повѣсти и разсказы для дѣтей. Матрена Карповна съ семействомъ. Слово и дѣло. Контрабасъ. Изъ моихъ юношескихъ воспоминаній. Пара голубей. Три сестры. Почтовыя Марки (фантастическій разсказъ). Съ картинами, въ папкѣ. Ц. 1 р.

*) **Крестьянская школа.** Исторія открытія сельской школы М. Ѳ. Ростовской. Съ 100 рисунками и заставками художника Р. Штейна и др. 4-е изданіе. Спб. Ц. 1 р. 75 коп.

*) **Сельцо Лебяжье.** Повѣсть для дѣтей изъ деревенской жизни. 4 изд. съ рисун. Ц. 1 р.

М. Ѳ. Ростовская.

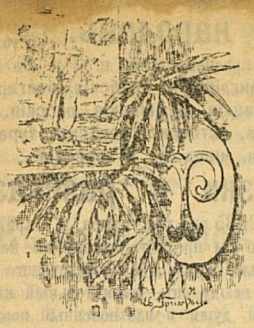
*) **Пони.** Приключеніе Эмскаго осла, повѣсть для дѣтей; съ разсказами: Голенькій охъ—за голенькимъ Богъ. Дѣти натуралисты. Смѣтливый мальчикъ. Съ рисунками, въ папкѣ. Ц. 1 р.

*) **Разсказы изъ путешествій по Швейцаріи.** 2-е изд. Съ рисунками, 274 стран., въ папкѣ, ц. 1 р. 25 к.

Кладъ. Историческая повѣсть временъ завоеванія Іоанномъ III Великаго Новгорода, соч. К. Теплова, съ рисунками. Въ этой повѣсти авторъ мастерски рисуетъ жизнь и нравы русскихъ во времена Марфы Посадницы и борьбу Великаго Новгорода съ Іоанномъ III. Книга написана для юношества. Въ папкѣ 60 к.

---

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по рас. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.



*) **Избранныя сказки Андерсена.** Переводъ М. А. Лялиной. Изданіе иллюстриров. Спб., 272 стр., ц. 1 р. Знаменитый дѣтскій писатель Андерсенъ пользуется громадною популярностью во всей Европѣ. «Его сказки покорили ему сердца всего земного шара. Здѣсь онъ по истинѣ поэтъ Божіею милостью, ибо признанъ не одними лишь немногими избранными, но всѣми народами въ совокупности».

Разсказы бабушки-всезнаюшки. Соч. Ант. Бѣлозоръ. Шишка зайчишка.—Воробышекъ.—Незабудка.—Ушастые друзья.—Зина и Тоня.—Карлушка.—Проказницы.—О трехъ зайцахъ.—Волкъ и Анисья бабушка.—Шоколадное яйцо.—Мама Петя.—О кроликѣ.—Курочка Чернушка.—Въ циркѣ.—Кощей безсмертный.—Кузя-Галченокъ.—Уличная дѣвочка.—Дѣдушка морозъ.—Бабушка и Ида. Для маленькихъ дѣтей. Съ рис. худ. Чикина. Спб., въ крас. папкѣ, ц. 1 р. 229 стр.

*) **Путешествіе Гулливера** по отдаленнымъ странамъ свѣта. Обработано Фр. Гофманомъ. Перев. А. Н. Неѣловой, съ 45 рисунками, въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к. Путешествіе Гулливера одна изъ самыхъ интересныхъ книгъ въ мірѣ; она очаровываетъ читателя и заставляетъ его переживать и испытывать все то, что испытывалъ авторъ, путешествуя по «Невѣдомымъ странамъ».

*) **Двѣсти разсказовъ** для дѣтей младшаго возраста. Соч. Христ. Шмидта. Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Неѣловой, съ 70 рисунками. Спб., 270 стр., въ красивой папкѣ, ц. 1 р. Предлагаемый сборникъ для дѣтскаго чтенія написанъ съ живостью и мастерствомъ, присущими перу этого удивительно талантливаго писателя, стяжавшаго всемірную извѣстность среди дѣтскихъ писателей. Тонкій умъ, живая наблюдательность автора придаютъ каждому разсказу огромный интересъ, а простота и ясность формы дѣлаютъ его вполнѣ доступнымъ дѣтскому пониманію.

*) **Золотое дѣтство.** Разсказы для дѣтей младшаго возраста, изложенные по сборникамъ нѣмецкихъ писат. А. Н. Неѣловой. съ 75 рисунками и заставками нѣмецкихъ и русскихъ художниковъ, 270 стр., въ красивой папкѣ, цѣна 1 руб. 20 к. Въ названный сборникъ вошли произведенія любимыхъ нѣмецкихъ писателей и писательницъ. Произведенія этихъ авторовъ живы, естественны и въ то же время полны высокопедагогическаго значенія. Многочисленные рисунки—нѣкоторые разсказы имѣютъ ихъ по нѣсколько—придаютъ еще большій интересъ книгѣ. Подборъ разсказовъ сдѣланъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы дать 6—1[illegible] лѣтнимъ дѣтямъ не только интересное, но и поучительное чтеніе.

А. Н. Неѣлова.

*) **Маленькіе школьники пяти частей свѣта.** Маленькі[illegible] парижанинъ.—Маленькій американецъ.—Маленькій китаецъ.—Маленькій эскимосъ.—Маленькій африканецъ.—«Курчавая голова», маленькій австраліецъ. Соч. Эл. Бертэ. Перев. А. Неѣловой, съ 60 рисунками. Спб., въ папкѣ, цѣна 1 руб.

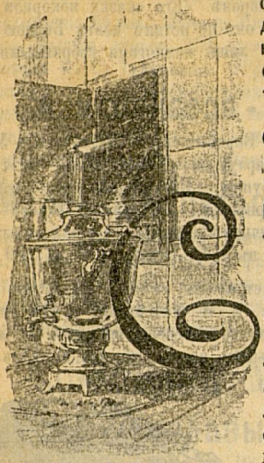
*) **Для ума и сердца.** Разсказы для дѣтей средняго возраста по нѣмецкимъ дѣтскимъ писателямъ А. Н. Неѣловой. Съ 60 рисунками, 263 стр., въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к. Нѣмецкіе писатели не только крупные художники слова, но и большіе знатоки дѣтскаго міра. Своими простыми, часто трогательными разсказами, проникнутыми священнымъ огнемъ любви къ Богу и ближнему, они пробуждаютъ въ душахъ юныхъ читателей стремленіе къ добру и красотѣ и тѣмъ благотворно дѣйствуютъ на впечатлительную натуру дѣтей не умѣющихъ разбираться въ вопросахъ жизни и одинаково поддающихся какъ хорошему, такъ и дурному. Дать же дѣтямъ во время хорошій урокъ—великое дѣло, ибо ребенокъ не только чувствуетъ и воспринимаетъ правду и добро гораздо глубже, чѣмъ это думаютъ, но нерѣдко слишкомъ рано узнаетъ оборотную сторону жизни.

---

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. зав.

*) Сто сказокъ разныхъ странъ и народовъ.

Сборникъ составленъ А. Неѣловой. Большой томъ, 460 стр., съ 165 рисунками въ красной папкѣ, ц. 2 р. Въ этомъ сборникѣ помѣщены лучшія сказки англійскія, арабскія, болгарскія, датскія, индѣйскія, испанскія, нѣмецкія, румынскія, русскія, кавказскія, польскія, сартскія, финскія, эстонскія, сербскія, турецкія, фламандскія, французскія, чешскія, шведскія и японскія.



*) Избранные сказки и разсказы.

Соч. А. Додэ. Перев. А. Неѣловой. Съ 35 рис. худ. Баяра и Мари. 252 стр., въ папкѣ. Спб., ц. 1 р. Какого бы предмета авторъ ни касался въ своихъ произведеніяхъ, веселаго или грустнаго, отвлеченнаго или реальнаго, всюду онъ вѣренъ себѣ, всюду онъ—изумительный наблюдатель, глубокій знатокъ человѣческой души и вдохновенный поэтъ.

Сказки доброй Феи.

Сочин. Ж. Массе, съ 48 рисунками художника Берталя. Переводъ съ французскаго А. Н. Неѣловой, въ красивой папкѣ, ц. 1 р. Сказки Ж. Массе занимаютъ выдающееся мѣсто въ дѣтской литературѣ. Онѣ являются для дѣтей незамѣнимымъ чтеніемъ, такъ какъ авторъ стремится не только позабавить и развлечь своихъ читателей, но его главная цѣль—пробудить въ нихъ «добрыя чувства» и просто и ясно отвѣтить на нравственные запросы, которые зарождаются въ дѣтскихъ головкахъ. Фантастическія по формѣ, но полныя реализма по содержанію, сказки Ж. Массе производятъ особенно сильное впечатлѣніе на дѣтей—отсюда ихъ огромное воспитательное вліяніе, чистая, благородная муза, которая пробуждаетъ сочувствіе и любовь ко всему прекрасному и твердую вѣру въ полное торжество добра на землѣ.

Другъ дѣтей

Сборникъ разсказовъ, собранныхъ и пересказанныхъ по нѣмецкимъ писателямъ А. Н. Неѣловой, съ 95 рисунками худож. Каульбаха и др. Въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к. Зима.—Каштанкины дѣти.—Послѣ школы.—Первый урокъ.—Приключенія ласточки.—Мышка.—Вѣтерокъ.—Храбрый Федя.—На волоскокъ отъ смерти.—На сѣновалѣ.—Игра въ солдаты.—Трудный урокъ.—Бѣлянка.—Даромъ ни одно доброе дѣло не пропадетъ.—Маленькій Фрицъ.— Недовольный оселъ. —Лакомка. — Что зайка увидѣлъ въ сочельникъ.—Вова и дымка. —Любопытный Левушка.—Близнецы. — Братишка-нянька. — Маленькая мама.—Кто полезнѣе.—Добрый старичекъ.—Маленькій музыкантъ.—Что Коля и Маня видѣли въ лѣсу.—Лизочкинъ сонъ.—Семейство Цыпкиныхъ. — Исторія одной куклы. — Совокъ да не ловокъ.—Страшная минута.—Рыбка.—Петя-плакса. — Яшка-воръ. — Федино горе и пр. и пр.

*) Путешествія и приключенія барона Мюнхгаузена.

Соч. Фр. Гофмана, пер. А. Неѣловой, съ 50 рис., въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к. Что за удивительный разсказчикъ былъ баронъ Мюнхгаузенъ. Сколько блестящаго остроумія и неистощимаго юмора въ его разсказахъ о своей богатой удивительными приключеніями жизни! Немудрено, что всякій, кому попадется его книжка, прочтетъ ее съ захватывающимъ интересомъ.

Снѣжинки и лепестки.

Разсказы и стихотворенія И. Н. Позднякова. Съ рис. худож. Зубрилова, Андреева и др. 270 стр., ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 20 коп. Снѣжинки.—Павлинъ и журавль.—Каня.—Въ морозъ и вьюгу.—Дурочки или Патріархъ-отъ-географіи. — Надежда. — Чужой дядя.—Клевета.—Они узнали.—Въ глуши.—Нашъ другъ Мумка.—Гутенбергъ.—Дѣти золотой глуши.—Вѣтеръ и Солнце.—Двѣ картошки.—Лучъ.—Подъ музыку.—Въ бѣлую ночь.—Няня лгала.—Правда.—Крыша.—Книга.—Запоздалымъ лѣтомъ.—Дядя старался.—Чадо.—Лепестки.—Обезьяна.

*) Итальянскія сказки.

Собраны и обработаны Е. Чистяковой-Вэръ. Съ 62 рисун. 318 стр. въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к. У итальянскихъ писателей богатая фантазія бьетъ бурнымъ ключемъ, живость разсказа, разнообразіе и богатство сказочныхъ образовъ невольно увлекаютъ юнаго читателя въ страну чудеснаго.

---

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. зав.

Чтеніе—лучшее ученіе.

Сборн. разсказовъ, составленный по американскимъ и англійскимъ, дѣтскимъ писателямъ Е. Чистяковой-Вэръ въ папкѣ. Спб. съ 80 рисун., 279стр.,ц. 1 р. 35 к. Въ этомъ сборникѣ подобраны такіе разсказы и статьи, которые дали-бы возможность юнымъ читателямъ 10 — 12 лѣтъ усвоить знанія, въ однихъ разсказахъ они найдутъ свѣдѣнія о предметахъ, чисто попадающихся на глаза, а въ другихъ—прочтутъ объ умѣ и образѣ жизни животныхъ, въ третьихъ поучатся умѣнію владѣть собою, не теряться въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, смотрѣть прямо въ глаза опасности и бѣдѣ. Все разсказанное въ немъ сводится къ тому, что «Чтеніе—лучшее ученіе».

*) Въ добрый часъ.

Сборникъ для дѣтей. Со ставлен. по англійскимъ и американскимъ писателямъ. Е. Чистяковой-Вэръ, съ 72 рисунк., ц. 1 р. Энергія, самостоятельность, твердость воли, сознаніе своего долга и чувство отвѣтственности, свойственныя молодому поколѣнію англичанамъ и американцевъ, отражаются въ этихъ разсказахъ, какъ въ зеркалѣ. Мальчикъ лѣтъ десяти смотритъ за младшей сестрой, готовъ пожертвовать жизнью, чтобы спасти отъ опасности порученную его заботамъ малютку или исполнить какой либо другой возложенный на него долгъ, который для него является святынѣй. Дѣти одни ѣздятъ по желѣзныхъ дорогамъ, совершаютъ далекія прогулки и всегда, за рѣдкими исключеніями, дѣйствуютъ самостоятельно и разумно.

Е. М. Чистякова-Вэръ.

Англійскія сказки.

Собранныя и обработанныя Е. Чистяковой-Вэръ, 360 стр. съ 100 рис., въ папкѣ ц. 1 р. 50 к. Въ сборникъ «Англійскія сказки» вошло много народныхъ преданій, легендъ; дѣйствующими лицами въ нихъ являются простоватые великаны, колдуны, храбрецы, силачи и нѣжные крошечные крылатые эльфы, живущіе въ чашечкахъ цвѣтовъ, духи лѣсовъ, горъ и жилищъ и пр. и пр. Въ книгѣ помѣщены нѣсколько сказокъ Киплинга, въ которыхъ описываются характеры и нравы звѣрей; интересны даже для взрослыхъ читателей, а также нѣсколько грандіозныхъ поэтическихъ сказокъ Кавана, Олькотъ, Гингтонъ, Саденъ, Джекопсъ и мн. др.

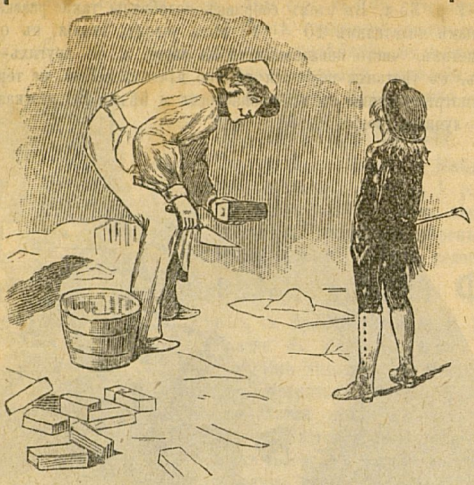
Исторія крестовыхъ походовъ.

Соч. проф. О Генне-Амъ-Рина, перев. съ нѣмец. Е. М. Чистяковой-Вэръ, съ 60 отдѣльными картинами художника Густава Дорэ. Изданіе В. И. Губинскаго, въ красивой папкѣ. Въ этой книгѣ описываются всѣ семь походовъ крестоносцевъ для освобожденія Гроба Господня въ Іерусалимѣ отъ владычества мусульманъ, предпринятыхъ христіанскими королями — французскими Людовиками VII и IX, Филиппомъ II, Германскимъ Фридрихомъ Барбароссою, Англійскимъ Ричардомъ Львиное сердце и мн. друг. съ 1096 по 1291 г. (Готовится къ печати). Книга интересна и читается, какъ романъ. Рисунки Дорэ дополняютъ интересъ книги.

---

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. зав.

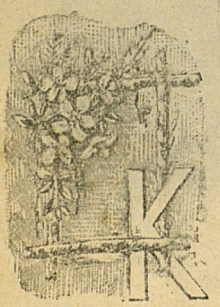
Приключенія маленькаго лорда.



Соч. Ф. Бернетъ. Перев. съ англійскаго Е. Чистяковой-Вэръ. Съ 25 рисун. Спб., въ папкѣ, 1 р. Намъ кажется, исторію маленькаго лорда можно назвать образцовымъ романомъ для дѣтей; въ этой книгѣ нѣтъ ни тѣни желанія поучать, но каждая ея страница поднимаетъ въ душѣ даже взрослаго читателя все, что въ ней есть лучшаго. Въ ней нѣтъ ни одного скучнаго мѣста; читая ее, ни разу не подумаешь: это можно было бы пропустить, а окончивъ жалѣешь, что послѣдняя страница уже прочитана, и черезъ нѣсколько времени непремѣнно снова открываешь ее и начинаешь наслаждаться съ первой же страницы, по-долгу останавливаясь на любимыхъ мѣстахъ. Это перлъ дѣтской литературы, и каждому читателю юному, взрослому или старому онъ всегда доставитъ высокое наслажденіе.

Серебряные коньки.

Исторія одной голландской семьи и ватаги школьниковъ. Сочиненіе Сталь, перев. Н. Н. Мазуренко, 324 стр., съ 50-ю рисунками художника Шулле. Спб., ц. 1 р. 25 к. Голландія—страна особенная, значительная часть ея лежитъ ниже уровня моря; часть эта ограждена громадными плотинами, на которыхъ построены дома, укрытые тѣнистыми садами. Бывали случаи, что морская вода разрушала такія плотины и причиняла жителямъ страшныя бѣдствія. Обитатели Голландіи народъ честный, энергичный, трудолюбивый и талантливый. Изъ своей среды они сумѣли выдвинуть замѣчательныхъ представителей науки, литературы, техники и въ особенности художества. И дѣйствительно, кому неизвѣстна голландская школа художниковъ. Авторъ талантливо рисуетъ нравственность, обычаи, общественную и школьную жизнь страны. Большое мѣсто отведено описанію «состязаній на конькахъ», въ которомъ участвуютъ ватаги школьниковъ и школьницъ. Побѣдитель въ награду получаетъ при очень торжественной обстановкѣ серебряные коньки, для чего долго упражняются въ катаньи на конькахъ, чѣмъ развиваютъ силу, ловкость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пріобрѣтаютъ здоровье. Въ красивой хромолит. папкѣ.



расный морской разбойникъ.

Сочин. Франц. Гофмана. Перев. подъ редакціей С. Бриліанта. Спб. 319 стр., съ рисунками, въ папкѣ, ц. 1 р. 20 коп. Оглавленіе: Въ Ньюпортѣ.—На кораблѣ морского разбойника.—Новый капитанъ.—Таинственное судно.—Ужасная ночь.—Гибель «Каролины».—На палубѣ «Дельфина».—Въ когтяхъ пирата.—Сынъ «Священнаго острова».—Исповѣдь Фида.—Опасный соперникъ.—Приготовленія къ бою.—«Капитанъ Говардъ».—Плѣнники на свободѣ.—Трудная миссія.—Роковая битва.—Бичъ морей!—Геройскій поступокъ.—Въ родной семьѣ. Нужно прибавить, что книга эта, какъ и всѣ сочиненія Гофмана, до крайности интересна.

*)«Во время оно». Бенъ Хуръ.

Повѣсть временъ земной жизни Іисуса Назарея. Соч. Уаллеса. 2-е изданіе, съ 75 рисунками. Спб., 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к. „Смотри, какъ издали съ высоты востока путеводная звѣзда спѣшитъ пролить на міръ свой лучезарный свѣтъ. И миромъ дышала ночь, въ которую Царь свѣта явился на землю для царства мира. И вѣтерокъ, дивясь чуду, нѣжно лобзалъ воды, передавшія эту новую радостную вѣсть тихимъ волнамъ океана, нынѣ вполнѣ забывшимъ эти грезы, когда мирныя птицы колышатся на ихъ чарующихъ гребняхъ.—(Мильтона гимнъ „Рожденіе Христа“).

*) Основы общедоступной психологіи

и ея примѣненіе къ воспитанію. Джемсъ Селли. Переводъ съ англійскаго М. Ш., подъ ред. Л. Е. Оболенскаго. Спб., 1902 г. Цѣна 1 р. 35 к. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ учен. стар. возр и библ. ср. уч. зав.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по рас. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.

Сѣверный богатырь. А. В. Суворовъ. Вездѣ великій человѣкъ. Иллюстрированное изданіе. Сочиненіе Л. А. Чарской. Дивный предметъ изученія представляетъ Суворовъ, какъ лицо историческое, какъ полководецъ, какъ Русскій самобытный геній, создавшій свою «науку побѣждать». Суворовъ покоритель Праги и Варшавы, побѣдитель на Рымникѣ, рѣшитель судебъ Польши, онъ дожилъ до начала кровавыхъ событій, коими волновался міръ въ концѣ XIX вѣка—онъ ходилъ «спасать Царей» и народы, бился на берегахъ Требіи и льдахъ Сенъ-Готарда, въ улусѣ Ногайскомъ, на степяхъ Заволжскихъ и закубанскихъ, засѣдалъ въ совѣтахъ Царей и кабинетѣ дипломатовъ, жилъ на бивакѣ солдатскомъ, въ своемъ сельскомъ уединеніи—пѣлъ на клиросѣ своей деревенской церкви, игралъ съ ребятишками въ бабки. Вездѣ самобытный, неизмѣнный, странный—великій—загадка, которую разгадаетъ только тотъ, кто разгадаетъ Русь и ознакомится съ могучимъ духомъ Русскимъ. «Помилуй Богъ», говорилъ Суворовъ,—«не трудитесь—я вамъ самъ себя раскрою: Цари меня хвалили, солдаты любили, друзья мнѣ удивлялись, враги меня ругали, придворные надо мною смѣялись.—Езопомъ являясь при дворяхъ, побасенками я говорилъ правду, былъ Балакиревымъ для пользы отечества и пѣлъ пѣтухомъ, пробуждая сонливыхъ, а родись я Цезаремъ, я былъ бы гордъ, какъ онъ, но удержался бы отъ его пороковъ!» (Готовится къ печати).

Солнышко. Сборникъ разсказовъ для дѣтей Л. Р. Чарской. Солнышко. Роза, разсказъ.—Принцъ Фіалка.—Катька, Катюшка, Катринъ и Катишъ. (Исторія одной Кати). Катишъ, Катринъ, Катюшка, Катька, разсказъ. Новая бабушка. Поѣздка за границу и др. разсказы. Съ рисунками, въ папкѣ. Спб., ц. 1 р. 35 к.

Струйна за струйкой—волна за волной. Переказы нѣмец. дѣт. писат. Л. Чарской, съ рисун. 1 р. 25 к. Живая игрушка, Мальчикъ съ обезьянкой, Урокъ на всю жизнь, Фея работы, Господа Косогазкины, Я могу самъ, Чорнушка, Заблудшая овечка, Горе перелесокъ, Благотворительница, Злючка Миша, Слезами горю не поможешь, Волшебное превращеніе, Полезная затѣя, Ниника и пр. и пр.

Л. А. Чарская.

Синія тучки. Сборникъ разсказовъ для дѣтей средняг возраста Л. А. Чарской съ 49 рисунками и заставками художн. А. Шлиперa и др. Красивый томъ, въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к. Содержаніе: Двѣ елки.—Аганька.—Юнга.—Привидѣніе.—Экзаменъ.—Недѣля русалочки.—Предательница.—Только для бѣдныхъ.—Благодѣтель.—Волченокъ.—Мальчишка.—Безъ сердца.—Графиня Зозо.—Лидочка.—Синичка.—Гиме—живая игрушка.—Чудовище.—Бѣдный Топсикъ.—Въ гости къ бабушкѣ.—Танюша.—Приключеніе Мишки.

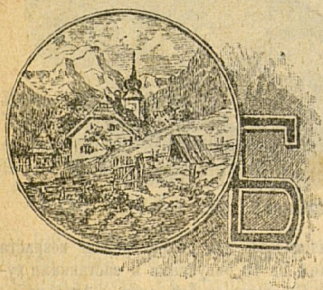
Гимназисты. Повѣсть. Оглавленіе: Отецъ.—Капернаумъ.—Къ допросу.—Къ директору.—Предательскій замыселъ.—Возстаніе аріанъ.—Товарищъ искаріотъ.—Бѣгство. Діагнозъ знаменитости.—Каррикатура.—Бенефисъ татиниса.—Любимецъ и опальный.—По разнымъ дорогамъ.—Волненіе восьмиклассниковъ.—Дядя выручилъ.—На порогѣ новой жизни.—За наградами.—Передъ разлукой и пр. **Сирена.** Повѣсть. Въ глуши. Повѣсть. Три повѣсти соч. Л. Чарской съ рисун. М. Андреева, въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

*) Свѣтлый Воинъ Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.

Историческая повѣсть временъ царствованія Бориса Годунова, Лжедимитрія и Василія Шуйскаго. Соч. Л. Чарской; съ рисун. художника Андреева и др. 365 стран. Спб., ц. 2 руб. Въ этомъ произведеніи талантливый авторъ исторически вѣрно описываетъ картину жизни Русскаго народа въ періодъ смутнаго времени (1605 — 1612 годахъ), а именно послѣ смерти Царя Бориса слѣдуетъ трагическая смерть и его семьи. Царствованіе Чуднаго Лжедимитрія. Бунтъ народа противъ самозванца и смерть его. Появленіе второго самозванца, названнаго исторіей «Тушинскій воръ». Избраніе въ цари В. И Шуйскаго и неумѣлое его правленіе Русью, вслѣдствіе чего явилась измѣна бояръ и воеводъ, и равнодушіе войска и народа погрузили страну въ анархію. Въ это тяжелое время къ спасенію Россіи явились истинные патріоты родины: Мининъ, Палицынъ,Пожарскій, Ляпуновъ, а въ особенности выдѣлившійся изъ нихъ молодой князь Скопинъ-Шуйскій,—племянникъ царя, который несмотря на свои юношескіе годы былъ одаренъ сильнымъ умомъ, стойкостью воли и несомнѣннымъ воинскимъ дарованіемъ, и этотъ «свѣтлый воинъ» успѣшно боролся съ поляками, осаждавшими Троицкую Лавру, съ мятежниками-казаками, «Тушинкимъ воромъ» и прочимъ сбродомъ, грабившимъ Россію со всѣхъ концовъ. Князь Михаилъ и самъ не сознавалъ того необычайнаго дѣйствія, которое онъ производилъ на враговъ. Но когда его бѣлый конь появлялся на ратномъ полѣ у стѣнъ осажденнаго города, или когда его острый мечъ поднимался въ сторону врага, трепетъ охватывалъ послѣдняго. Что-то великое, не земное было въ грозной боевой фигурѣ юнаго стратега. Какою-то затаенною страшною силой обладало все его существо. Онъ какъ бы воплощалъ собою другого вождя и воина—побѣдоносца Георгія, который и былъ изображенъ на знаменіи князя, постоянно сопровождавшаго его въ бою. А между тѣмъ грозный и немилостивый съ врагомъ, князь Михаилъ былъ добръ и свѣтелъ душою среди окружающихъ. У него было чуткое, любящее сердце и довѣрчивая, благородная душа. Вотъ этотъ то молодой князь съ большимъ успѣхомъ велъ возстановленіе порядка, но, къ сожалѣнію, ранняя смерть прекратила жизнь этого прекраснаго дѣятеля, и онъ умеръ на 24 году. Смѣемъ думать, что чтеніе этой книги возбудитъ интересъ въ русскомъ юношествѣ къ смутному времени на Руси.

*) Яркія звѣздочки.

Разсказы для дѣтей младшаго возраста. Л. А. Чарской; съ 60 рисунками и заставками художника И. Зубрилова и др. въ папкѣ, ц. 1 руб. 20 коп. Содержаніе: Папина дочка.—Труськина елка.—Нютина посылка.—Василекъ.—Диночка.—Новенькая.—Злючка.—Гришина елка.—Кто лучше?—Скучно.—На берегу моря.—Ко дню рожденія мамы.—Я такъ хочу.—По методѣ доктора Мартина.—О чемъ плакала птичка.—Барашекъ.—Дѣдушкины глазки.—Кто любилъ Тарочку больше.—Несчастливый день Тони.—Котикъ и Попка.—Царица мама.—Семейство Царапкиныхъ.—Въ первый разъ.—Большая кукла.—Жалоба Трезорки.—Судъ Соломона.—Сѣренькая птичка.—Три слезинки королевы.—Пріѣздъ мамы.—Свѣтлый мальчикъ.—Маленькій графчикъ.—Муся.—Сюрпризъ. Весенняя сказка.—Ильюшка и Дружокъ.—Разбойники.



Дѣтишки, ихъ дѣлишки.

Разсказы для дѣтей М. А. Лялиной, съ рисунками художника А. Чикина ц. 50 к. Для младшаго возраста недурны четырнадцать разсказовъ или скорѣе сценокъ изъ дѣтской жизни: «Дѣтишки, ихъ дѣлишки». Видно, что авторъ освоился съ міркомъ, который описываетъ, и чувствуетъ себя въ немъ, какъ дома. Мило написаны разсказы: «Свѣтлое Христово Воскресенье», «Праздникъ не въ праздникъ» и «Новички» Книга не дорога. («Новое Время»).

ыли и былинки. *)

Антъ. Бѣлозоръ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей средняго возраста, съ рисунками художн. А. Чикина, въ папкѣ, 264 стр., ц. 1 р. Миша Вороновъ.—Фишка.—Разсказъ крестьянина.—Дѣло по сердцу.—Широкая масляница.—Лида.—Водолазъ. Дѣдушкина память.—Канунъ сочельника.—Деревенскія картинки.—Фіалка и соловей.—Обиженная.—Миронова работница. Сочиненія г-жи Бѣлозоръ. Это сборники разсказовъ для дѣтей младшаго и старшаго возраста; разсказовъ очень интересныхъ, содержательныхъ и очень мило иллюстрированныхъ. Въ ряду дѣтскихъ хорошихъ изданій книжка г-жи Бѣлозоръ, безъ сомнѣнія, должна занять видное мѣсто, и мы рекомендуемъ ее вниманію родителей. («Новое Время» № 6357).

---

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. зав.

Сочиненія Клавдіи Владиміровны Лукашевичъ.

*) **По морю житейскому.** Разсказы для дѣтей Клавд. Влад. Лукашевичъ съ портретомъ автора, съ 39 рис. въ красивой папкѣ. 2 изданіе. Спб., ц. 1 р. 25 к.

*) **На жизненномъ пути.** Повѣсти и разсказы Клавдіи Лукашевичъ. 3-е изданіе. Спб. Съ 35 рисунками и заставками, въ папкѣ. ц. 1 р. 25 к. Мин. Нар. Просв. для безпл. нар. чит.

*) **Тучки.** Сборникъ разсказовъ Клавдіи Лукашевичъ. Въ красивой папкѣ и съ рисункам художниковъ Андреева, Никитина и Владимірской. Спб., ц. 50 к. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. допущ. въ уч. мл. возр., библ. срел. уч. зав., въ библ. низш. уч. и въ безпл. нар. чит. и библ.

*) **Няня.** Повѣсть для дѣтей Клавдіи Лукашевичъ, съ рисун. Никитина. 3-е изд. ц. 40 к. У. К. М. Н. П. одоб. для ученич. библ., школъ.

Древній мудрецъ Санія-Муни. (легенды) для дѣтей старшаго возраста. Сост. Клавдія Лукашевичъ, 87 стр., ц. 30 к.

*) **Изъ деревни.** (Акуля), повѣсть для дѣтей Клавдіи Лукашевичъ, рис. Нитина. 4 изд., ц. 30 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для учен. библ. нач. школъ.

К. В. Лукашевичъ.

*) **Босоногая команда.** Повѣсть для дѣтей изъ недавняго прошлаго Клавдіи Лукашевичъ, съ рисун. художн. Т. Никитина. 4-е изданіе. Спб., ц. 40 к. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. одобрена для учен. библ. нач. школъ.

Трубочистъ. Хлѣбныя зерна. Два разсказа для дѣтей, съ рис. художн. К. Никитина и бар. Клодта. Спб., 2 изд., ц. 40 к.

*) **Честное слово.** Повѣсть Кл. Лукашевичъ, съ рис., ц. 40 к.

*) **Провинился и Игнашинскій барчукъ.** 2 разсказа Кл. Лукашевичъ, съ рисун. Спб., ц. 40 к.

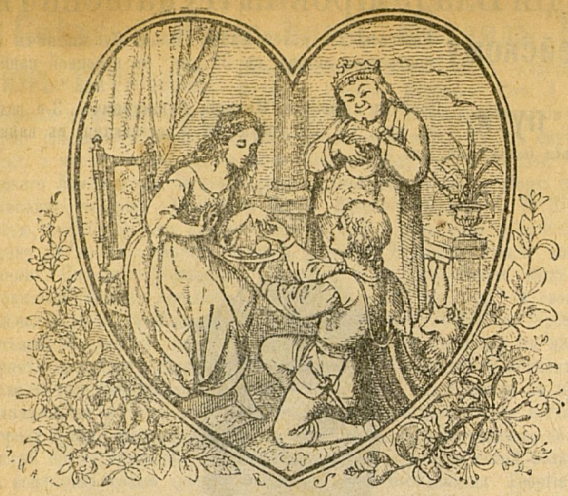
*) **Родные уголки.** Сборникъ разсказовъ и сказокъ для дѣтей младшаго возраста Клавдіи Лукашевичъ. Съ рис. Спб. 1907 г., цѣна 90 к.

Мой товарищъ. Дѣтскій альманахъ. I. Рождество Христово во Св. Землѣ.—II. Наши лучшіе друзья.—III. Въ VIII школу.—IV. Св. Пасха.—V. Изъ жизни природы.—VI. Смѣсь.—VII. Изъ жизни животныхъ.—VIII. Полезныя и справочныя свѣдѣнія. Сост. К. Лукашевичъ, съ 100 рисун., въ папкѣ, 297 стр. ц. 1 р. 25 к.

*) **Робинзонъ Крузо младшій.** Соч. Кампе (для дѣтей). Переводъ Н. Х. Весселя, съ раскрашенными картинами, въ папкѣ (большой томъ). Спб., ц. 1 руб. 25 коп. Мин. Нар Просв., для безпл. народн. читаленъ.

---

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.



Чудо-сказочки. Соч. Бехштейна. Пер. съ нѣм. изданія А. Юрьева, 317 стр., съ 72 рис. Спб., цѣна 1 р. Книга эта разошлась на нѣм. языкѣ много изданій. Это ея лучшая рекомендація; нѣкот. рисунки литографированы; въ красивой папкѣ. Огларленіе: Волшебная палочка. Корона змѣи. Жалобная пѣсенка. Портной Гришуха. Зайчики, Сильный Ѳеофилъ. Лягушка-кумушка. Бездушный. Полушка. Черный графъ. Маленькій, крохотный человѣчекъ. Страшное дежурство. Острыя ножницы. Храбрый попрошайка. Шапка карлика. Мясникъ-путешественникъ. Рыцарскій турниръ. Мальчикъ, учившійся колдовству. Три желанія. Два пастушка. Самое необходимое. Рыбій царь. Змѣя съ золотымъ ключемъ. Золотое стадо. Проклятый городъ. Три рыла. Говорящій оселъ. Благочестивый рыцарь. Странствующій посохъ. Волшебныя вещи. Голубое племя. Неблагодарность. Жирный и тощій. Орлы и вороны. Зайцы и король слоновъ. Заяцъ и тица. Пустынникъ и три мошенника. Хитрый воронъ. Воръ и дьяволъ. Превращеніе мыши. Коварство и месть ворона. Два брата. Змѣя-благодѣтельница. Книга удостоилась прекрасныхъ отзывовъ нѣмецкой прессы.

*) **Чешскія сказки.** Собранныя Эрбеномъ и Нѣмцевою. Перев. съ подлинника М. А. Лялиной, съ 36-ю рисунками, 286 стр. Спб., ц. 1 р. «Не менѣе полезною книгою намъ представляется, изданный В. И. Губинскимъ, сборникъ «Чешскія сказки» Собраны онѣ Карломъ Эрбеномъ и Баженою Нѣмцовою и прекрасно переведены М. А. Лялиною. Хотя мотивы большею частью и знакомы намъ по сборникамъ бр. Гриммовъ, но все же они обработаны въ національномъ духѣ и поэтому представляютъ цѣнный вкладъ въ сокровищницу между народныхъ сказокъ. Изъ остальныхъ сборниковъ сказокъ отмѣтимъ «Польскія сказки« въ переводѣ подъ редакціею г. Домбровскаго и сказки Уйла». (Отз. Новое Время»). **Уч. Ком. О ин. Нар. Пр.** доп. въ уч. мл. возр., библ. ср. уч. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ.

*) **Избранныя сказки для дѣтей Вильгельма Гауфа.** Перев. Федоровой. Съ 36. рис., въ красивой папкѣ, 240 стр., ц. 1 р. Сказка о калифѣ-аистѣ. Сказка о кораблѣ съ привидѣніями. Спасеніе Фатьмы. Сказка о маленькомъ Мукѣ. Сказка о ложномъ принцѣ. Карликъ Носъ. Сказка о Альмансорѣ. Повѣсть о судьбѣ Саида. Сказка объ отрубленной рукѣ. **Уч. Ком. Мин. Нар. Пр.** доп. въ уч. мл. возр., библ. ср. уч. зав., а равно и въ безпл. нар. библ. и чит.

Сказка о щелкунчикѣ и мышиномъ королѣ. Ф. Гофмана. Переводъ З. Журавской, съ рисунками Т. Никитина, ц. 60 к., въ роскошномъ переплетѣ 1 р. 25 к.

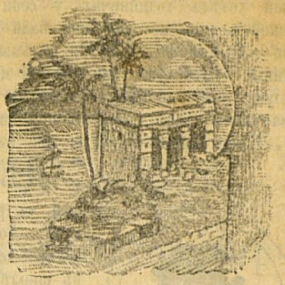
Зоологическій садъ. 24 хромолитографировъ. рисунка, отпечат. заграницей, въ видѣ Альбома большаго формата. Пѣтухъ, Гуси и Утки. Индѣйки. Павлины, Собака, Кошка, Лошади, Корова, Овцы, Козы, Свинья, Ослы, Волки, Бѣлыя медвѣди, Страусы, Верблюдъ, Зубра. Жиравъ, Обезьяны, Слонъ, Левъ, Носорогъ, Тигръ и Ягуаръ. Въ папкѣ, цѣна 1 р. 50 к. Хорошій подарокъ маленькимъ дѣтямъ.

*) **Донъ-Кихотъ Ламанчскій** 700 рис. Соч. Мигуэля Сервантеса Переводъ съ испанскаго. В. Карелина. Исправленный и дополненный В. Зотовымъ, въ 2 громадныхъ томахъ, напечатанныхъ на прекрасной велене ей бумагѣ, 1000 страницъ, съ 700 иллюстраціями, Спб., ц. 3 р. Внес. въ кат. книгъ изд. пораси. М. Н. П., для безп. нар. чит.

---

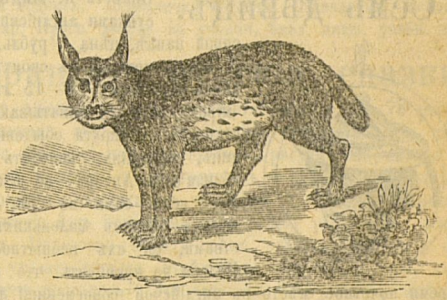
*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Прос., для ихъ уч. завед.

*) **Сказки Уйда.** Переводъ съ англійскаго **М. Лялиной.** Съ рисунками. 2 изданіе Спб., ц. 1 р. «Дѣтямъ требуется именно тотъ мягкій спокойно-эпическій симпатичный тонъ, которымъ отличаются разсказы Уйда.» Книжка отличается по качествамъ внутренняго содержанія и полному, безупречному умѣнью держать фантастическій элементъ въ границахъ правды. Признавая этотъ элементъ литературныхъ произведеній не только важнымъ, но даже необходимымъ, считая его факторомъ развитія въ дѣтяхъ, такъ сказать, сердечной стороны духовнаго ихъ существа, мы, тѣмъ не менѣе, находимъ, что авторамъ въ сферѣ дѣтской литературы слѣдуетъ неотступно держаться на реальной почвѣ, т. е. держать фантастическій элементъ въ тѣсныхъ и неразрывныхъ рамкахъ правды и строгой логичности. Именно этимъ прекраснымъ свойствомъ и отличается перо Уйда. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ уч. мл. возр., библ. средн. уч. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ.



Польскія сказки. Съ рисунками художника Штейна. Спб., ц. 1 р. 20 к. Два брата.—12 заколдованныхъ орлихъ.—О купцѣ и найенышѣ.—О повѣтріи.—Березка-вѣщунья.—О царѣ Траянѣ.—О недовольномъ языкѣ.—О задолдованномъ змѣѣ.—О царѣ Зефирѣ.—О мужичкѣ-королѣ.—О вдовьемъ сынѣ и колдунѣ.—О королевичѣ скрягѣ и королевичѣ щедромъ.—Объ отцовскомъ проклятіи.—О черной горѣ.—Братья богатыри.—Наказанный колдунъ.—Разбойникъ Моѳей.—Королевичъ Воронъ.—Пагубные глаза.—Заячье сердце.—Мужичекъ горемыка.—Три пустынника.—О царевнѣ и пяти ягнятахъ.—О колдуньѣ и трехъ феяхъ.—О бѣдности и нищетѣ.—О человѣкѣ оборотнѣ.—О царѣ Гукъ-Пукѣ. Всего 31 сказка, всѣ онѣ иллюстрированы художникомъ Штейномъ и др. Надѣемся, что «Польскія сказки», какъ очень интересныя по своему содержанію и принадлежащія разнымъ извѣстнымъ польскимъ писателямъ, прочтутся русскою маленькою публикою съ большимъ интересомъ. Книга имѣетъ 312 стр.

Среди звѣрей. Русскія сказки, собр. **М. Шевляковымъ.** Спб. 274 стр., съ рисун., ц. 1 р. Эта книга отвѣчаетъ любимому жанру дѣтей: разсказы о животныхъ всегда были занимательны и поучительны. Помимо образовательныхъ задачъ сказки, съ фигурирующими въ нихъ животными, представляютъ широкое поле для моральныхъ выводовъ и характеристикъ, явленій общественной жизни, занимательность которыхъ обусловливается интересомъ фабулы. Сказка всегда должна быть интересна, иначе она не даетъ никакой пищи уму ребенка. Ея содержательность должна соотвѣтствовать не только дѣтскому пониманію, но даже и настроенію. Иначе она не удержитъ на себѣ вниманіе. Наконецъ, сказка должна быть жизненна, т. е. вложенная въ нее мысль должна быть развита въ формѣ факта, въ возможности котораго ребенокъ не сомнѣвался бы. Настоящій сборникъ строго согласованъ съ этими правилами и можетъ быть предложенъ съ одинаковымъ успѣхомъ какъ самымъ маленькимъ дѣтямъ, такъ равно и дѣтямъ средняго возраста.



*) **Книга чудесъ.** Разсказы для дѣтей изъ миѳологіи. Сост. **Н. Готорнъ**, съ рисунками, отпечатанными въ два тона. Спб., 3-е изд., 346 стр., ц. 1 р. 25 к. Книга первая. Голова Горгоны.—Золотое прикосновеніе.—Дѣтскій рай.—Три золотыхъ яблока.—Чудесная кружка.—Химера.—Книга вторая. Минотавръ.—Пигмеи.—Драконовы зубы.—Дворецъ Цирцеи.—Похожденіе Прозерпины.—Золотое руно. Собранные въ этой книгѣ миѳы классической древности могутъ, несомнѣнно, служить прекраснымъ матеріаломъ для чтенія дѣтямъ и школьнаго и до школьнаго возраста. Изложены они вполнѣ доступно для дѣтскаго пониманія и вполнѣ способны возбудить въ молодомъ читателѣ интересъ къ исторіи или пригодиться ему въ то время, когда эти же миѳы придется изучать на школьной скамьѣ. Всѣ разсказы иллюстрированы рисунками, исполненными посредствомъ гравированія на деревѣ. Внесена въ первое дополн. къ опыту каталога ученич. библ. средн. учебн. зав. вѣдомства М. Н. П., а также для безпл. нар. чит.

*) **Семь чудесъ свѣта.** Путешествіе къ семи чудесамъ свѣта съ научною цѣлью Соч. **Люсьена Оже.** Переводъ съ французскаго Вольфсона. Съ 21 рис. Спб., ц. 1 р. **Уч. Ком М Нар. Пр.** доп. въ учен. ср. возр., библ. ср. уч. зав

*) Внесены въ каталогъ книгъ изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.

*) Сказки Шведскія, Норвежскія и Финскія.

Переводъ **Эльвенгренъ** съ 25 рисунками, въ папкѣ цѣна 1 руб. Жемчужина.—Сказка о Петрѣ, который хотѣлъ хозяйничать у себя дома.—Добрая жена.—Вересковая принцесса.—Сказка о королевской дочери, которая проливала вмѣстослезъ жемчужины.—Мальчикъ съ пальчикъ.—Слаще сладкаго.—Лѣсная фея.—Кухня вѣдьмы.—Почему морская вода соленая.—Путешествіе на звѣзды.—Три желанія.—Щебетунъ, или поющій муравей.—Друзья короля Эсмона.—Корона морского Бога.—Король Каріусъ.—Лучшій путь.—Чѣмъ мы гордимся. — Лѣсной мотылекъ.—Братья.—Ласточки.—Вотъ какъ бываетъ на войнѣ.—Зеленѣющій островъ.—Эолова Арфа.—Цвѣты радости.—Весеннее утро. 278 стр. **Уч. Ком. Мин. Н. Пр.** доп. въ уч. биб. низш. учебн. зав.

*) Дѣвичій мірокъ.

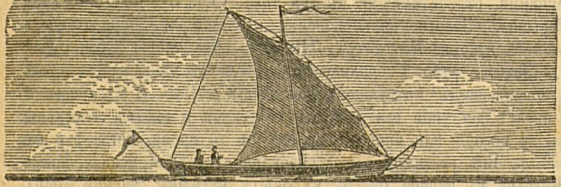
Исторія одной школы. Соч. Л. Мидъ переводъ съ англійскаго **М. Лялиной**, съ раскраш. рисунками, въ папкѣ. 228 стр. Спб., цѣна 1 р. Отъѣздъ.—Дорожные спутники.—Лавендовый домъ.—Маленькіе «уголки» и маленькія вспышки.—Начальница.—Такъ скучно.—безъ мамы.—Первый день въ школѣ.—Разбудили слишкомъ рано.—Трудъ и забава.—Что оказалось въ классномъ столѣ.—Въ часовнѣ.—Въ ссылку.—Добрые люди.—Въ гамакѣ.—Игра въ бильбокетъ.—Украденное сердце.—На мѣстѣ сгорѣвшаго замка.—Мальчикъ съ пальчикъ упалъ.—Испытаніе.—Избалованный ребенокъ.—Подъ лавровымъ кустомъ.—Пикникъ.—На «волшебномъ полѣ».—Забытая книга.—Мутный ручей.—Добрыя и злыя внушенія.—Подъ наказаніемъ.—Грустныя мысли.—Признаніе.—Новое горе.—Дѣвочка цыганка. Энни.—Подъ стогомъ сѣна.—Тигръ.—Сади Нанси.—Спасена.—Мрачные дни. —Двѣ исповѣди.—Отецъ.—Награды за сочиненія. Уч. К. М. Нар. Пр. доп. въ учен. биб. гор. учил. и въ так. средн. учеб. зав. преим. жен.

*) Семь дѣвицъ.

Повѣсть Л. Мидъ. Переводъ съ англійскаго **М. Ловцовой**, съ рисунками англійскихъ художниковъ **Перси** и **Тарантъ**. Въ красивой папкѣ, цѣна 1 рубль. Талантливая англійская писательница—г-жа Л. Мидъ, которая въ своихъ сочиненіяхъ посвященныхъ именно молоденькимъ дѣвушкамъ 12—15 лѣтъ, раскрываетъ передъ нами этотъ «Дѣвичій мірокъ» полнаго захватывающагоинтереса, хотя авторъ вообще рѣдко выступаетъ изъ круга обыденной жизни, полной внутренняго содержанія для лицъ, умѣющихъ находить счастье не въ заоблочномъ мірѣ фантазіи, а вблизи себя. Авторъ—не докучливая резонерша, и ея нравоучительные выводы ясны сами по себѣ, безъ всякихъ подчеркиваній; она понимаетъ и любитъ, своихъ маленькихъ героинь со всѣми и слабостями, и достоинствами, съ ихъ неопытностью и самомнѣніемъ, свойственными молодости. Нельзя не прибавить, что сочиненія автора завоевали себѣ въ короткое время почетное мѣсто въ англійской современной литературѣ. Смѣемъ думать, что и у насъ займетъ такое же мѣсто. **Учен. Ком. Мин. Н. Пр.** допущ. въ учебн. средн. возр. библ. средн. учебн. зав. и въ безплатные народные библіотеки и читальни.

*) На необитаемомъ островѣ.

Приключенія четырехъ дѣтей, унесенныхъ бурей въ море. Соч. Л. Мидъ. Переводъ **М. Ловцовой**, съ рисунками англійскихъ художниковъ **Перси** и **Тарантъ**, въ папкѣ . 1 р. Приготовленіе къ пикнику. Бригъ «Нанси». Въ открытомъ морѣ. Переправа черезъ стремнину. Спокойной ночи. Бухта «Изабелла». Бухта «Полумѣсяцъ» «Ужасная ночь, Мунго и Краббы». Бѣлый замокъ. Новыя одежды. Неудачный пикникъ. Заблудились. Дѣла ухудшаются. Дѣвушка. и ея собака. Фердинандъ пропалъ. Неожиданное вторженіе. Бѣлый замокъ. Обвалъ. Спасеніе. Маленькій Робинзонъ. На необитаемомъ островѣнѣсколько недѣль. **Учен. Ком. Мин. Нар. Пр.** допущ. въ учебн. млад. возр., бибсред. уч. зав. и въ безп. нар. биб. и чит.



Шалуны.

20 разсказовъ о проказахъ гимназистовъ-шалуновъ Н. Ратомскаго, съ 25 рисун. художн. Захарова. Спб., въ папкѣ, ц. 50 к.

---

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Просв., для ихъ учеб. зав.

*) Бабушкины сказки.

Сочиненіе Жоржъ-Зандъ. Переводъ М. А. Лазаревой. Съ рисунками художника Табурина. Спб., 279 стр., въ красивой папкѣ, ц. 1 р. «Я разскажу вамъ, милыя дѣти, только слушайте внимательно,—про голубое и синее море, которое вы такъ любите. Я разскажу вамъ все простыми словами, это будетъ вамъ понятнѣе, чѣмъ печатный слогъ. Вамъ хотѣлось чего-нибудь волшебнаго. Оно, пожалуй, будетъ отчасти, но будетъ много и правды, не всѣмъ извѣстной, интересной для васъ и даже для вашихъ старшихъ братьевъ; и они послушаютъ. Природа полна чудесъ, дѣти, куда вы не загляните въ нее, вы всегда найдете въ ней что-нибудь новое, необыкновенное». **Уч. Ком. Мин. Н. Пр.** доп. въ уч. ср. возр., библ. ср. уч. зав. и въ безпл. нар. библ. и чит.

*) Маленькій разносчикъ (продавецъ спичекъ).

Соч. Женневрэ. Произведеніе, увѣнчанное французской академіей. Полный переводъ съ послѣдняго французскаго изданія Е. Д. Давыдовой. Съ 25 рис. въ папкѣ, ц. 1 р. Первое знакомство сержанта съ Исидоромъ. Исидоръ учится танцовать въ очень дурной компаніи. Въ госпиталѣ. Гаво знакомитъ Исидора со своей жизнью. Гаво продолжаетъ свой разсказъ о томъ, какъ онъ сдѣлался инвалидомъ. Судьба улыбнулась Исидору. Поведеніе Исидора безпокоитъ Гаво. Еще одинъ новый другъ. Исидоръ въ роли огородника. Исидоръ бросаетъ заступъ и лопату. Глубокое отчаяніе Исидора. Послѣдствія дурного знакомства. Маленькій подарокъ еще больше укрѣпляетъ дружбу Гаво съ Исидоромъ. Война объявлена. Исидоръ — зуавъ. Отъѣздъ Исидора. Печальное начало. Исидоръ совершаетъ геройскій подвигъ. Перекличка солдатъ. Кавалерія. Исидоръ уводитъ плѣнника. Знамя. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущ. въ ученич. библ. низш. учебн. зав.

*) Избранныя русскія сказки.

Составлены по Афанасьеву и др. Четвертое изданіе. Съ 78 рисунками и заставками художника Р. Штейна, Спб. 337 стр., цѣна 1 руб. 50 коп. (большой томъ)—нѣкоторыя рисунки отпечатаны въ два тона «Намъ кажется весьма труднымъ и едва ли полезнымъ—до поры до времени—изгонять все волшебное и чудесное, оставлять молодое воображеніе безъ пищи, замѣнять сказку разсказомъ. Очень немногія дѣти безусловно вѣрятъ всѣмъ чудесамъ сказки, и они очень хорошо умѣютъ тотчасъ отрѣшиться отъ этой вѣры, какъ только часъ тому настанетъ». Эти слова И. С. Тургенева вспомнились намъ, когда мы прочли книгу В. Маракуева: «Русскія сказки». Да, умѣло составленный сборникъ сказокъ—къ тому же народныхъ, читаемыхъ съ интересомъ и взрослыми—никогда не направитъ фантазію дѣтей на ложный путь; напротивъ, онѣ, такъ сказать, облагораживаютъ фантазію художественнымъ вымысломъ. Въ этомъ отношеніи книга г. Маракуева безспорно принесетъ не мало пользы юному читателю, тѣмъ болѣе, что рисунки Р. Штейна прекрасно иллюстрируютъ духъ и идею каждой отдѣльной сказки. Всего 50 сказокъ. («Новое Время»). Въ папкѣ. **Уч. К. М. Н. Пр.** доп. въ без. нар. чит. и биб.

*) Любимыя сказки Эд. Лабулэ.

Съ 120 рисунками. Переводъ Доброславина и Н. Мазуренко, въ хромолит. папкѣ, ц. 1 р. 20 к. Ивонъ и Финетта.—Бретонская сказка.—Добрая жена.—Норвежская сказка.—Мальчикъ съ пальчикъ.—Скандинавская сказка.—Посѣщеніе Праги.—Доволенъ-ли ты?—Золотой хлѣбъ.—Шванда-волынщикъ.—Гуси Господа Бога.—Двѣнадцать мѣсяцевъ.—Исторія царя Самарін.—Три лимона.—Пифъ-пафъ или искусство исправлять людей.—Король-причудникъ и принцъ-Красавчикъ.—Мадемуазель Пазза.—Первый урокъ.—Свадьба Паззы.—Ужасное событіе.—Маскарадъ.—Двѣ консультаціи.—Пробужденіе.—Красавчикъ получаетъ поддержку.—Кто такой былъ Тонто.—Жена должна повиноваться мужу. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ учен. библ. низш. уч.

Сорванецъ.

Записки бывшаго гимназиста, воспоминанія Н. Ратомскаго, съ рис. художн. М. Андреева, въ папкѣ, цѣна 50 коп.

---

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.

О быломъ. Русскіе историческіе разсказы

Соч. Г. Т. Сѣверцова-Полилова, съ 60 рисун. художн. Н. Захарова. Спб., въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к. Лихолѣтье. Ради Господа. У Святого ручья. Новое лѣто. Царскій перспективныхъ дѣлъ мастеръ. Великая сила. Первый Спасъ. Книжное ученіе. Безъ вины. Царевъ указъ. Царскіе полотнянники. Прощеные дни. Въ недѣлю Ваій. Въ царициной службѣ. Маленькіе работники. Заспалъ. Попугай. Екатерина Великая. Кто крѣпче. Паракита. Царевъ Варганистъ.

*) Волшебныя сказки.

Соч. Ж. Перро, добавленіе сказокъ г-жи Лепренсъ-де-Бомонъ. Съ 65 рисунками, перев. съ франц. В. Владимірова. Спб., 276 стр., ц. въ папкѣ 1 р. Знаменитыя сказки Перро переведены на всѣ языки и всюду читаются съ громаднымъ интересомъ, такъ какъ онѣ написаны въ самой увлекательной формѣ. Надѣемся, что онѣ будутъ читаться русскими дѣтьми такъ же, какъ въ остальномъ свѣтѣ. **Уч. Ком Мин. Нар. Пр.** доп. въ учен. мл. возр., библ. ср. уч. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ.

*) Сказки, преданія и легенды

всѣхъ странъ и народовъ. Съ 50 рис. Подъ редакціей Владиміровой-Европеусъ. 320 стр., 2-е изданіе. Спб., ц. 1 р. 50 к. Диккенса, Андерсена, Гестренъ, Гофмана, Бехштейна, Асандеръ, Отто, Каминскаго, графа Майлата, Ж. Занда. **Уч. Ком М. Н. Пр** доп. въ учен. мл. и средн. возр., библ. средн. учебн. зав. Мин. и въбезпл. нар. чит. и библ.

Сказки славянскихъ народовъ.

Сербскія, Босно-Герцоговинскія, Болгарскія, Хорватскія, Моравскія, Чешскія, Кашубскія, Польскія, Русскія сказки.—Съ рисунками. Обработала для русскихъ дѣтей М. А. Лялина Спб. въ папкѣ, ц. 90к.

Юнга на кораблѣ корсара.

Соч. П. Маэль. Перев. Михайловой, съ рисун. франц. художн Париса и др. Плѣненные.—Дѣтская рѣшимость.—Начало.—Бѣгство.—Въ горѣ.—Спасеніе.—Экипажъ Корсара.—Погоня.—Ученіе.—Вдали.—«Saint-anne».—Военные мадригалы.—Тревога битвы. — Послѣ сраженія и проч. Съ 48 рисун., 262 стр., въ папкѣ 1 р. Дѣйствіе происходитъ въ началѣ 19 стол. На морѣ вели войну французы при Наполеонѣ I съ англичанами. Знаменитый французскій корсаръ, капитанъ корабля «Кларисса» Робертъ Сюркуфъ составилъ себѣ громкое имя между великими корсарами нашей исторіи. Въ двадцать пять лѣтъ Робертъ Сюркуфъ наносилъ сильные удары англійской промышленности, не опасаясь нисколько помѣряться силами съ корветами и фрегатами врага. Онъ снарядилъ на свой счетъ корветъ «Clarisse», вооруженный 14 пушками, которыми онъ громилъ англичанъ на Индѣйскомъ океанѣ.

Онъ преслѣдовалъ безостановочно англійскія суда, на него собирались эскадры острова Маврикія, Матрасы и Бомбея. Однако, каждый непріятельскій капитанъ, какъ бы онъ ни былъ храбръ, боялся страшнаго корсара и пускался въ погоню за нимъ только съ тайнымъ желаніемъ, что его вовсе не найдетъ. Постоянно сражаясь съ непріятелемъ онъ пріучилъ свой экипажъ одерживать только однѣ побѣды. Вотъ на такомъ боевомъ суднѣ провелъ нѣсколько лѣтъ корабельный юнга и былъ свидѣтелемъ самыхъ страшныхъ морскихъ сраженій, пораженій и разныхъ морскихъ приключеній.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по распор. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. зав.

*) **Маленькій человѣкъ.** Романъ для юношества А. Додэ. Перев. съ франц., съ 67 рисун., въ папкѣ, ц. 1 р. Диккенсъ, прочитавъ этотъ романъ, назвалъ автора возникающимъ свѣтиломъ французской литературы и своимъ «собратомъ» по таланту. Абу въ своихъ письмахъ изъ Парижа въ «Athenaeum», называетъ Альфонса Додэ одною изъ привлекательнѣйшихъ личностей современной литературы и признаетъ въ немъ несомнѣнное сходство съ Диккенсомъ по тонкой наблюдательности, мастерской группировкѣ подробностей, умѣнью заставлять читателя и плакать и смѣяться. **Уч. Ком. М. Н. Пр.** доп. въ учен. библ. низш. учебн. зав.

Подвижныя игры. Физическое развитіе человѣка. Соч. проф. Кольрауша и Г. Вагнера. Перев. съ нѣмец. М. Михайлова съ 183 рисун., 350 стр. Спб., ц. 1 р.

*) **Лазутчикъ.** На дальнемъ сѣверѣ.—На возвышенности.—Корро.—Три разсказа Франца Гофмана. Спб., въ красивой папкѣ съ картинами, ц. 1 р. Оглавленіе: I. Лазутчикъ, — Каторжникъ. —Благородное сердце,—Во время войны.—Повѣсть его.—Возвращеніе домой. II. На возвышенности Коаро.—Испытаніе.—Родникъ.—Гіены и шакалы. —Слоны.—Какъ стелятъ постель слону.—Дикіе ослы и собаки.—Доброе дѣло не пропадетъ.—Возвращеніе на родину. Въ папкѣ. Внесена въ катал. кн. изд. по распор. М. Н. Пр. для безпл. нар. читал.

*) **Сказки бр. Гриммъ,** пересказанныя дядею Павломъ. Съ изящно раскрашенными картинами, переплетенныя въ красивую папку, напечатаны красивымъ четкимъ шрифтомъ, 4-е изд. 320 стр. Спб., ц. 1 р. 75 к. Содержаніе этой книги слѣдующее: Царь-лягушка.—Непослушная.—Волкъ и семеро козлятъ.—Преданность и вѣрность.—Догадливый продавецъ.—12 братьевъ.—Братецъ и сестрица.—Три лѣсовика.—Три пряхи.—Гриша и Миша.—О рыбакѣ и рыбкѣ.—Снѣжница.—Семь вороновъ.—Умная Лиза.—Мальчикъ съ пальчикъ. Странствованіе кошки.—Чудо-птица.—О миндальномъ деревѣ.—Спящая царевна.—Найденышъ.—Царь.—Дрозова борода.—Всеумѣйка.—Собака и воробей.—Катя и Ѳедя.—Разношерстка.—Умная крестьянка.—Докторъ-всезнайка.—Замарашка.—Бѣднякъ и богачъ.—Королекъ и медвѣдь.—Умники.—Бѣдный мельникъ и кошечка.—Умный портной.—Бѣлорозка и Краснорозка.—Четыре брата искусника.—Одноглазка, Двухглазка и Трехглазка.—Черная и бѣлая невѣста.—Красная шапочка.—Смерть и курочки.—Звѣздычервонцы.—Не любо не слушай, а лгать не мѣшай.—Мышка, птичка и колбаса.—Сказка о столикѣ, ослѣ и дубинкѣ.—Удивительные музыканты.—Двѣнадцать охотниковъ.—Бѣлая змѣя.—Медвѣжья шкура.—Гусятница.—Золотыя дѣти. Три подмастерья.—Счастливый Иванъ.—Птица грейфъ.—Сказка о сапожникѣ Шилинѣ.—Бѣлоснѣжка.—Подарки мелкаго народа. Три фельдшера.—Чудесная скрипка,—Чортъ съ золотыми волосами.—Избушка въ лѣсу и пр. и пр. **Уч. Ком. М. Н. Пр.** доп. въ учен., млад. воз. биб. сред. уч. зав. и въ безп. нар. биб. и чит.

*) **Потерянный и возвращенный рай.** Поэма Джона Мильтона. Полный переводъ съ англійск. П. А. Коншина, съ 20-ю рисунк. знаменитаго художника Дорэ и др. и портретомъ автора.—2-е исправленное изданіе. Спб. 1906 г. Эта замѣчательная поэма знаменитаго англійскаго поэта выдержала безчисленную массу изданій на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Своему широкому распространенію она обязана оригинальности замысла и творческому выполненію его, обезсмертившему имя автора блестяще справившагося со своею мудреною задачею—изобразить первобытнаго человѣка. Въ видѣ предисловія приложена статья переводчика о жизни и произвед. авт. 400 ст. 1 р. 50 к.

*) **Дневникъ школьника.** Эдм. Д. Амичисъ, переводъ и предисловіе В. Крестовскаго, съ рисунками 5-е изданіе, ц. 1р. 20 к. Книга „Дневникъ школьника“ разошлась въ сотняхъ тысячъ экзем. и считается настольною книгою молодой Италіи. Она написана просто, безъ громкихъ словъ и запутанныхъ приключеній, будто все, что въ ней написано, было на самомъ дѣлѣ. Вотъ почему она читается съ замираніемъ сердца и всему прочитанному верится. Молодость — лучшій судья въ вопросахъ первыхъ чувствъ и впечатлѣній. **Уч. Ком. Мин. Нар. Пр.** доп. въ учен. биб. низ. зав.

---

*) Внесены въ каталогъ книгъ изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.

*) **Дѣвочка-Робинзонъ.** Исторія маленькой сиротки. Соч. Евгеніи Мюллеръ. Съ рис. Перевелъ съ франц. В. Д. Владиміровъ, ц. 1 р. 2 изданіе. Ч. I. Чужая.—За ягодами.—Око за око.—Гостья.—Исповѣдь.—Киданіе жребія.—Тщетная надежда Ч. II Свободная.—У госпожи Вюрель.—У господина Гюр.—Спустя четыре мѣсяца.—Ночной разговоръ. —Куда они пошли?—Маленькая защитница.—Неудачная месть. Ч. III. Странный ребенокъ,—У маленькой Мари.—Зимою.—Весна.—Сплетни.—Владѣлецъ.—Робинзонетта. Ч. IV Закѣмъ побѣда? —Два празднества.—Бѣдняга и бѣдняжка.—Аукціонъ.—Да здравствуетъ Робинзонетта!—Заключеніе. 266 стр. въ папкѣ. Уч. **Ком. М. Н. Пр.** доп. въ уч. мл. воз., биб. ср. уч. зав. и въ без. нар. чит. и библ.

пасности дикихъ странъ *).

Жизнь и необыкновенныя приключенія среди американскихъ лѣсовъ. Соч. **Фр. Гофмана**, перев. подъ редакціею **Н. Позднякова**, съ рис. художн. Р. Штейна. Спб., ц. 1 р. 20 к. Изъ предлагаемаго разсказа вы познакомитесь съ тѣми опасностями, которыя угрожали переселенцамъ, вторгавшимся въ эти дикія страны. Разсказъ этотъ передаетъ большею частью истинныя происшествія и не только представляетъ вѣрную картину мрака, уединенности и ужаса почти безконечныхъ дѣвственныхъ лѣсовъ Америки, но рисуетъ также характеръ, нравы и обычаи племени, печальная судьба котораго зависитъ не исключительно отъ злоупотребленія бѣлыми своею властью, не также главнымъ образомъ, отъ собственныхъ ошибокъ и страстей. Приключенія странствующаго Натана, такъ же какъ конокрада Рудольфа Стакполя, исторически вѣрны и, безъ сомнѣнія, будутъ способствовать увеличенію интереса производимаго разсказомъ о чудесныхъ происшествіяхъ, кровавыхъ сраженіяхъ, разныхъ опасностяхъ и счастливыхъ избавленіяхъ въ папкѣ. Уч. **Ком. М. Н. Пр.** доп. въ учен. мл. воз., биб. ср. уч. зав. и въ без. нар. чит. и биб.

*) **Святочные разсказы.** Сочиненіе Чарльза Диккенса. Переводъ съ англійскаго **Ф. Резенера**. 4-е изданіе, украшенное 66 иллюстраціями. Спб., 453 стр., ц. 1 р. 50 к. „Святочные разсказы„ Диккенса написаны такъ мастерски, съ такою художественностью, оставляютъ по себѣ такое глубокое впечатлѣніе. Диккенсъ написалъ пять святочныхъ разсказовъ: „Рождественская пѣснь въ прозѣ“ святочный разсказъ съ привидѣніями“, „Часовые куранты“, „Сверчокъ на шесткѣ“, „Битва жизни“ и „Одержимые духомъ“. Трудно сказать, который изъ нихъ лучше, до такой степени всѣ они написаны увлекательно, отличаются необыкновенною глубиною мысли, проникнуты теплымъ чувствомъ и исполнены тѣмъ добродушнымъ, веселымъ, а подчасъ ѣдкимъ юморомъ, который свойственъ исключительно одному только Диккенсу. „Святочные разсказы“ Диккенса, благодаря образцовому переводу г. Резенера, сумѣвшаго передать въ своемъ переводѣ малѣйшіе оттѣнки подлинника, вполнѣ доказывается тѣмъ, что они выдержали уже три изданія, и можно съ увѣренностью сказать, что таковымъ успѣхомъ они будутъ пользоваться еще долгое время. („Новое Вр.“). Уч. **Ком Мин. Нар. Пр.** доп. въ безп. нар. чит. и биб.

*) **Въ странѣ алмазовъ.** (Діамантина). Соч. В. О. фонъ-Горна. Разсказъ для юношества и народа. Переводъ Г. А. Чарусскаго. Съ рис. Спб., ц. 45 к. въ папкѣ. Предлагаемый разсказъ описываетъ приключенія одного легкомысленнаго молодого человѣка, переселившагося въ Бразилію и попавшаго въ рабство. Въ этой же печальной повѣсти читатели познакомятся съ интересной и малоизвѣстной отраслью горной промышленности, а именно съ добычей алмазовъ, а также съ жизнью работающихъ въ алмазныхъ копяхъ невольниковъ-негровъ.

Честный мальчикъ. Разсказъ Фр. Гофмана, переводъ съ нѣмецкаго. В. Энгельгардъ. Съ рисунками, цѣна 40 коп.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по рас. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.

Принцъ и нищій. Приключеніе Тома на воздушномъ шарѣ. Соч. **Маркъ-Твэна.** Большой томъ, 262 стран. 100 рис. въ красивой папкѣ, цѣна 1 р. 25 к. Талантливый авторъ разсказалъ намъ дѣйствительную исторію, происшедшую при англійскомъ дворѣ въ царствованіе короля Эдуарда VI. Король любилъ разсказывать окружающимъ исторіи своихъ приключеній, когда онъ превратился изъ королевскаго принца въ уличнаго бродяжку, что дало ему возможность изучить многія темныя и свѣтлыя стороны народной жизни, и сдѣлавшись королемъ—воспользовался ими на благо своего народа. Нужно ли прибавить, что книга читается съ громаднымъ интересомъ какъ юношей, такъ и взрослыми. Во второй части книги разсказываются забавныя приключенія и путешествія Тома на воздушномъ шарѣ, совершенныя черезъ океанъ, пустыню Сахару и мног. др. замѣчательныя мѣстности.

Приключеніе Тома. Соч. **Маркъ-Твэна,** переводъ Н. Мазуренко, съ 70 рисунками. большой томъ въ красивой папкѣ. Спб., ц. 1 р. 35 к. Трудно представить себѣ болѣе занимательное литературное произведеніе, написанное такимъ яснымъ, простымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ увлекательнымъ, живымъ и образнымъ языкомъ и во многихъ мѣстахъ съ тонкимъ оригинальнымъюморомъ и одинаково занимательно для всѣхъ возрастовъ. Разсказъ относится къ періоду времени въ концѣ половины прошлаго столѣтія передъ войной между сѣверными и южными штатами изъ-за уничтоженія рабства. Въ немъ въ замѣчательно яркихъ краскахъ рисуется обыденная жизнь населенія маленькихъ городовъ и селъ Соединенныхъ Штатовъ. Почти на каждой страницѣ мелькаютъ картины жизни семьи, отношеній родителей къ дѣтямъ, школа, церковь, общественная жизнь, даже судъ и судебное разбирательство, суевѣрья негровъ, отношеніе къ нимъ бѣлыхъ того времени и многое другое любопытное для читателя, интересующагося жизнью, нравами и обычаями американцевъ.

ечать Цезаря. Ист. для юнош. изъ временъ Юлія Цезаря знам. ист. **Альфреда Рамбо.** Пер. Л. Шелгуновой. 27 рисун. 268 стр., въ папкѣ. Цѣна 1 руб. Въ книгѣ описывается военная и бытовая жизнь римскаго общества временъ Цезарей. Книга читается съ большимъ интересомъ и пользою.

***) Жизнь на Миссисипи.** Сочиненіе **Маркъ-Твэна.** Переводъ Федоровой, Спб. 100 рисун. 296 стр. цѣна 1 р. 35 к. въ красивой папкѣ. Миссисипи стоитъ того, чтобы о ней читали. Миссисипи—самая замѣчательная рѣка въ свѣтѣ. Миссисипи самая длинная рѣка въ мірѣ, она орошаетъ своими водами 28 штатовъ. Она принимаетъ въ себя воды нѣсколькихъ сотъ рѣкъ и рѣченокъ, по которымъ плаваютъ большія и малыя суда, описаніе открытія рѣки, ея заселеніе, жизнь и нравы жителей, промышленность, торговля, устройство городовъ и селъ, хлѣбопашество, фабрики, заводы и пр. пр.; 100 рисунковъ дополняютъ силу впечатлѣнія читателя. **Уч. Ком. Мин. Нар. Пр.** доп. въ уч. сред. и стар. воз., библ. ср. уч. зав. въ без. нар. чит. и биб.

Кругосвѣтное путешествіе. сочиненіе **Маркъ-Твэна,** Переводъ А. Линдегренъ и М. Модель. Спб. 1906 г. Большой томъ. 461 стр. Съ рисунками художника Зубрилова и въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.—Въ Тихомъ океанѣ.—Австралія.—Изъ Австраліи въ Индію.—Индія.—Южная Африка.

***) Приключеніе Финна.** Соч. **Маркъ-Твэна,** переводъ Н. Мазуренко, 115 рисунковъ, 299 стр. большого формата, съ хромо-литограф., въ папкѣ. Спб., ц. 1 р. 35 к. **Уч. Ком. Мин. Нар Пр.** доп. въ учеб. биб. низ. училищъ,

---

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по рас. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.

Приключеніе мартышки, воробья, да мышки. Юмористическія разсказы. соч. Буденъ. Съ массой оригинальныхъ рисунковъ лучшихъ нѣмецкихъ художниковъ. Спб.

Царство сказокъ. *) Карменъ Сильва, (Елизаветы. Румынской королевы). Переводъ съ нѣмецкаго С. Майковой, съ рисунками, цѣна 1 р. Симпатичный умственный и нравственный обликъ Румынской королевы выразился въ ея сказкахъ, оцѣненныхъ по достоинству критикой. Сказки отличаются необыкновенною оригинальностью и яркостью красокъ и духомъ гуманности ко всему угнетенному; всѣ герои и героини сказокъ съ полнымъ самоотверженіемъ совершаютъ величайшіе подвиги для блага своего ближняго; гуманность по идеѣ и художественное изложеніе сказокъ даютъ возможность русской публикѣ съ большою пользою и интересомъ прочесть такое произведеніе, облагораживая въ себѣ художественный вкусъ и знакомясь съ новыми образцами поэтическаго творчества. Въ папкѣ. 311 стр. **Уч. Ком. Мин. Н. Просв.** доп. въ уч., ср. воз., библ. ср. уч. зав. и въ безп. и нар. чит. и библ

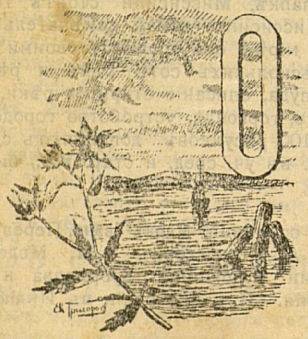
*) **Юный укротитель львовъ.** Разсказъ для юношества. 110 стр. Фран. Гофмана Е. Владиміровой, съ рисунк. 3-е изд. Спб., ц. 20 к.

Материнская любовь. Разсказъ Фран. Гофмана съ рисунками цѣна 40 к.

*) **Братья.** Историческій разсказъ XVII столѣтія временъ дѣйствія испанской инквизиціи. Съ рисунками, ц. 40 к. Всѣ разсказы Гофмана извѣстнаго дѣтскаго писателя, интересны и поучительны.

*) **Китоловъ.** Какъ онъ сдѣлался китоловомъ и что при этомъ узналъ и пережилъ. Разсказъ для юношества и народа. Соч. В. О фонъ-Горна, перев. Г. А. Чарусскаго съ рисунками. Спб., ц. 45 коп. Юный читатель найдетъ въ этой книжкѣ увлекательное описаніе полнаго опасностей и приключеній морского путешествія въ Южный Ледовитый океанъ. Но помимо интереса предлагаемая повѣсть содержитъ въ себѣ много поучительнаго, знакомя съ жизнью кита этого исполина морей, и съ интереснымъ китовымъ промысломъ, составляющимъ обширную отрасль промышленности.

*) **Преданный негръ.** Историческій разсказъ для юношества и народа. Соч. В. О. фонъ-Горна съ рис. Переводъ Г. А. Чарусскаго Спб., ц. 45 коп. Талантливый писатель открываетъ передъ юными читателями малознакомую страницу изъ этой мрачной исторіи, а именно возстаніе невольниковъ на французскомъ островѣ С. Доминго въ началѣ XIX столѣтія, когда грохотъ разрушенія великой французской революціи нашелъ себѣ откликъ въ далекой колоніи среди порабощеннаго народа, который, сплотившись, сбросилъ съ себя ярмо рабства, безпощадно уничтожая своихъ угнетателей и ихъ владѣніи.



Бѣлоголовый. Разсказъ для юношества и народа В. О. фонъ-Горна Переводъ Г. А. Чарусскаго, съ рисунками, ц. 40 к.

Тваѣная перуанка. *) Историческій разсказъ для юношества и народа. Соч. В. О. фонъ-Горна пер. Г. А. Чарусскаго съ рисунками. Спб. ц. 45 к. Разсказъ переноситъ насъ въ далекую эпоху господства испанцевъ въ Южной Америкѣ. Ненасытная жажда наживы привлекала въ новую страну множество корыстолюбивыхъ авантюристовъ, которые, въ цѣляхъ быстраго обогащенія безчеловѣчно притѣсняли простодушныхъ индѣйцевъ. Результатомъ такого отношенія, явилась страшная ненависть краснокожихъ къ ихъ жестокимъ покорителямъ и постоянныя кровавыя столкновенія. Только гуманное и справедливое отношеніе къ туземцамъ одного изъ вице-королей Перу возстановило миръ между враждующими народами и успокоило страну. Этотъ періодъ и служитъ темой предлагаемаго разсказа.

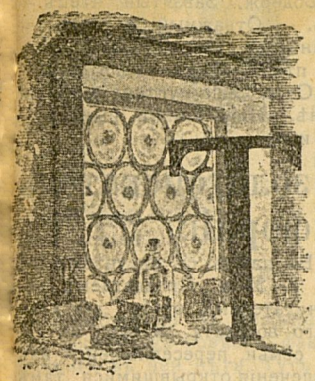
«Немезида», или судъ Божій. Разсказъ Фр. Гофмана. Съ рисунками. цѣна 40 коп.

---

*) Внесены въ каталогъ книгъ изд. по расп. Мин. Нар. Пр. для ихъ учеб. зав.

ука Провидѣнія.

Соч. Ж. Сандо. Перев. Е. Давыдовой, съ рисунками художника Баяра и др., гравированными на деревѣ Пумъ и Смирновымъ. Въ литограф. папкѣ. Книга эта получила премію французской адеміи. Спб. г. 248 стр., цѣна 1 р. Сандо въ яркихъ увлекательныхъ краскахъ исываетъ намъ исторію юноши, который въ силу неблагопріятно сложившихся стоятельствъ доходитъ почти до полнаго моральнаго банкротства; жизнь, которую ъ еще мало знаетъ, теряетъ для него всякій смыслъ, всякую привлекательность, и онъ приходитъ къ убѣжденію, что на пиру жизни для него не уготовано мѣсто. Въ этомъ нѣтъ ничего преувеличеннаго—каждый знаетъ, что случаи, когда представители современной молодежи начинаютъ разочаровываться въ жизни и своихъ силахъ, повторяются, къ сожалѣнію, очень часто. Что же спасаетъ героя книги Сандо отъ моральной и можетъ быть и физической смерти? Трудъ, разумный, честный, любимый трудъ. Юноша начинаетъ постепенно привязываться къ труду, увлекаться имъ до самозабвенія, незамѣтно для самого себя, дѣлается новымъ человѣкомъ, энергичнымъ, любящимъ и сильнымъ.



ысяча одна ночь. *)

Арабскія сказки для дѣтей. Соч. Фр. Гофмана. Переводъ съ нѣмецк. Н. Михайловой, съ рисунками. Цѣна 1 р. 25 коп. Содержаніе: Агибъ, царскій сынъ.—Гарунъ-аль-Рашидъ и Абдалахъ.—Канатчикъ Гассанъ.—Рыбакъ и духъ.—Абуассанъ и Гарунъ-аль-Рашидъ.—Принцъ Зиндскій и его приключенія.—Синбадъ-мореплаватель.—Маленькій Кади.—Три принца.—Сади Нуманнъ и его конь.—Абу и интикъ.—Принцъ Ахметъ и волшебница Парибину.—Путешествіе мертваго горуна.—Альбондокари.—Абу Магометъ, лѣнтяй.—Подманаба и Гассанъ.—Три сестры.—удесная лампа Аладина.—Али-Баба и сорокъ разбойниковъ. Въ красивой литографированной папкѣ, 420 стр. **Уч. Ком. Мин. Нар. Пр.** доп. въ безп. нар. чит. и биб отеки.

*) Пропавшій туристъ.

Соч. Е. Маевскаго. Фантастическія приключенія въ царствѣ насѣкомыхъ. Пер. съ польскаго Ф. В. Домбровскаго. Съ 49 рис. Ю. Машинскаго. Изд. 2-е Спб. 1904 г. Стр. 440. Цѣна 1 р. **Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.** доп. въ учен. библ. сред. и низш. уч. зав. и въ безп. нар. чит. и биб.

*) Сказка для дѣтей.

А. Г. Сахаровой, съ рисунками художника Овсянникова въ красивой папкѣ, ц. 1 р. **Уч. Ком. Мин. Н. Пр.** доп. въ уч. мл. воз. биб. ср. уч. зав.

авказскія сказки. *)

Преданія и легенды Л. Черскаго. Съ рисунками художника Михайлова. Спб., въ папкѣ, 60 к.—Что такое Кавказъ? Описаніе жителей, ихъ жизнь, нравы, обычаи, природа, исторія.—Какъ собака нашла себѣ хозяина. Грузинская сказка.—Котъ Котофѣевичъ. Осетинская сказка.—Какъ явилась въ міръ Иволга, Соловей и Удодъ. Грузинская легенда.—Хаджи-Агматъ. Грузинская сказка.—Умная сноха. Чеченская сказка.—Орная скала.—Пахарь и Барсъ. Лезгинскія сказки.—Баранъ и Верблюдъ.—Слезы ашухи. Пятигорскія сказки.—Два охотника. Кабардинская сказка.—Бессо. Осетинкая сказка.—Царь и мудрецъ. Грузинская сказка. **Уч. Ком. Мин. Н. Пр.** доп. въ безп. .р. чит. и библ.

Бѣдный мальчикъ.

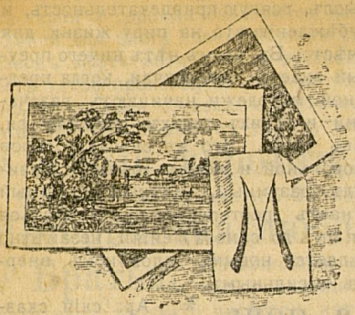
Разсказъ Франца Гофмана. Переводъ Федоровой. Съ рисунками, 127 стр.. Ц. 40 к. Учен. ом. Мин. Нар. Пр. доп. въ уч. библ город. училищъ

Внесены въ каталогъ книгъ изд. по расп. Мин. Нар. Пр. для ихъ учебн. зав.

Военныя похожденія Фридерикса въ 1812 году.

Историческій разсказъ для юношества и народа, изъ эпохи нашествія Наполеона на Москву В. О. фонъ-Горна, переводъ Г. А. Чарусскаго, съ рис. ц. 45 к.

Путешествіе Коли.



къ индѣйскому султану Али-Бей-Лотосу. Фантастическая юмористическая сказка въ стих., съ 58 рисунк. художн. С. Эрбера 1894 г., ц. въ папкѣ 60 к. Содерж. Завзятый чтецъ.—Роковой шагъ. — Отважный матросъ. — Взрывъ въ океанѣ.—У дикарей.—Дворецъ.—Садъ.—Райская птица.—Верхомъ на львѣ.—Бой со змѣемъ. Сокровища султана. — Караванъ въ пустынѣ.—Невольничій рынокъ.—Отцовскій домъ и пр.

аленькій золотоискатель въ Калифорніи.

Соч. Герштекера. Пер. М. Мазуренко. Въ папкѣ съ рисунками 288 страницъ, ц. 1 р. 35 к. Предлагаемъ нашимъ юнымъ читателямъ этотъ разсказъ даровитаго автора, одного изъ любимцевъ дѣтей старшаго возраста. Здѣсь въ яркихъ образныхъ чертахъ разсказываются приключенія семьи, переселившейся изъ Сѣверной Америки въ Калифорнію въ эпоху горячаго увлеченія открывшимися тамъ золотыми розсыпями. Главнымъ героемъ этого разсказа является пятнадцатилѣтній мальчикъ. Въ этомъ интересномъ произведеніи Герштекера встрѣчается весьма много географическихъ и въ особенности историческихъ свѣдѣній о Калифорніи, изложенныхъ хотя весьма сжато, но очень обстоятельно и полно. Въ этомъ разсказѣ много замѣчательно красиво переданныхъ моментовъ изъ Калифорнійской жизни, напримѣръ, чудесное спасеніе публики изъ когтей разсвирѣпѣвшаго медвѣдя, благодаря хладнокровной отвагѣ героевъ разсказа, внука и дѣда изъ семьи вышеназванныхъ переселенцевъ пр. и пр.

*) Хижина дяди Тома,

или жизнь невольниковъ-негровъ въ штатахъ Сѣверной Америми. Романъ Бичеръ-Стоу. Спб. съ 112 рисунками, переводъ Ландини. ц. 90 к. Кто изъ образованныхъ читателей въ своемъ дѣтствѣ не зачитывался романомъ Бичеръ-Стоу, кто изъ нихъ не проливалъ горячихъ, непритворныхъ дѣтскихъ слезъ надъ страданіями бѣднаго Тома и его доброй семьи, въ печальную эпоху рабовладѣнія, поднимая со дна души лучшія, гуманнѣйшія чувства любви человѣка къ человѣку. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. допущ. въ безпл. нар. чит. и биб.

*) Улыбки и слезы.

Разсказы для дѣтей Е. Чебышевой-Дмитріевой, съ 40 рисунками М. Андреева, А. Шлиперы и др. въ красивой папкѣ 280 стран. Спб., ц. 1 р. 20 к. На елкѣ.—Волшебное ожерелье.—Артюшка бѣглый.—Въ первый разъ на медвѣдя.—Петръ съ зеленаго озера. Приключеніе раченка.—Сказка о счастье.—За горемъ радость.—Дядя Леля.—Дѣтство Коли.—Пастушенокъ Сенька и пр. Предлагаемая книга написана легкимъ литературнымъ языкомъ на темы преимущественноизъ сельскаго быта.

*) Дитя лѣсовъ.

Приключеніе мальчика, три года бывшаго въ плѣну у орангъ-утанговъ, соч. Эм. Бертэ. Автора кн. „Маленькія школьники“. Переводъ съ 9 франц. изданія Н. Ратомскаго, съ 42 рисунками 239 стр. Спб., въ папкѣ, ц. 1 р. Колонія. — Китаецъ Явъ. — Негритянка.—Тигръ.—Докторъ.—Визитъ.—Балъ.—Китайскій садъ.—Орангъ-Утангъ.—Визитъ и возвращеніе.—Плѣнникъ—Источникъ Лавы.—Горе.—Преслѣдованіе.—Найденный и потерянный.—Дѣвственный лѣсъ.—Возвращеніе.—Новый человѣкъ.—Открытіе.—Возвращеніе въ помѣстье.—Экспедиція.—Новыя опасности.—Освобожденіе.—Развязка.

Въ запертой комнатѣ.

Соч. Ф. Бернетъ. Съ рисунками художницы Смисъ. Переводъ съ англійскаго Е. Д. Пеликанъ, ц. 15 к.

---

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.

Добрымъ дѣтямъ. Разсказы для младшаго возраста, съ раскрашенными рисунками. Соч. А. В. Круглова, въ папкѣ. Спб., ц. 1 р. 25 к.

Веселое лѣто. Разсказы для дѣтей Г. Гейерштамъ, переводъ со шведскаго. Спб., съ рисунками, цѣна 50 к.

*) **Жизнь и удивительныя приключенія Робинзона Крузо.** Описанныя имъ самимъ, соч. Даніеля Дефо. Новый полный переводъ В. Д. Владимірова, съ 172 рисунками худож. Гранвиля. Спб., 450 стр. ц. 1 р.—Знаменитый авторъ сумѣлъ найти и указать въ жизни обыкновеннаго человѣка столько внутренней силы, что эта жизнь явилась матеріаломъ для разсказа, самаго разнообразнаго по содержанію и поучительности. И дѣйствительно, замыселъ въ повѣсти въ высшей степени простъ, человѣка выбросило на необитаемый островъ и все тутъ. Также проста фабула, т. е. вся обстановка повѣсти; фантастическихъ приключеній и происшествій, запутанной интриги въ ней нѣтъ. Тутъ все просто въ высшей степени и, въ то же время, все поистинѣ удивительно, все поражаетъ своею жизненною правдою, рисуетъ исполненный величія образъ человѣка, заброшеннаго среди океана и дикой природы, въ борьбѣ за жизнь и свободу. **Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.** доп. въ уч. библ. уч. зав. и въ без. нар. биб. и чит.

*) **Ноевъ Ковчегъ.** Повѣсть. Соч. Виконтесы де Питранль, урожденной Граф. де Сегюръ. Переводъ В. Карпинской съ 23 рис. худ. Робиди, въ папкѣ, ц. 1 р. Любовь, великая самоотверженная любовь къ людямъ—вотъ истинный свѣтъ исмыслъ человѣческой жизни! Всѣ дѣйствующія лица повѣсти, каждый сообразно своимъ личнымъ свойствамъ и наклонностямъ, приходятъ къ сознанію, что истинное счастье человѣка—заключается въ самоотверженной любви къ людямъ. Особенно ярко обрисована фигура маленькой Одили. Капризная избалованная матерью дѣвочка, подъ вліяніемъ добраго, благороднаго брата и совѣтовъ окружающихъ, совершенно преобразуется и дѣлается Ангеломъ Хранителемъ своей семьи. Животныя, обладающія, вообще удивительнымъ инстинктомъ къ распознаванію людей, первыя даютъ ей нравственный толчокъ своимъ великодушіемъ, доказывая, какъ они умѣютъ цѣнить и помнить любовь и ласку. Прежнее отвращеніе дѣвочки къ животнымъ смѣняется любовью къ нимъ и „Ноевъ Ковчегъ“ съ населяющими его попугаями и кошками становится ея любимымъ уголкомъ. Первая часть разсказа происходитъ въ Бретани, во Франціи, вторая—въ Америкѣ. Одиль—общая любимица, постепенно, своей кротостью и любовью смягчаетъ ожесточенныя сердца окружающихъ и примиряетъ всю семью, которая наслаждается полнымъ счастьемъ.

Бюгъ-Жаргаль, отважный предводитель негровъ. Повѣсть В. Гюо. Переводъ В. Д. Владимірова. Съ 19 рисунками. Изд. В. И. Губинскгго. Спб., 179 стр., ц. 50 к.

*) Внесены въ каталогъ книгъ. изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.

Юный гражданинъ, его права и обязанности.

Сочиненіе Арноль да Форстера. Съ рисунками. Спб., ц. 35 коп. Задача этой книги обучить мальчиковъ и дѣвочекъ, занимающихся въ начальныхъ школахъ, правамъ обязанностямъ и привилегіямъ британскихъ гражданъ. Въ простой и доступной формѣ въ ней приводятся свѣдѣнія о началахъ законодательнаго и административнаго устройства страны, объясняется значеніе и цѣнность главныхъ народныхъ вольностей и излагаются обязанности британскихъ гражданъ къ своей родинѣ, соотечественникамъ и себѣ самимъ.

Картины растительности.

Жизнь и нравы птицъ и животныхъ. Соч. Мазіуса. Перев. съ нѣмецкаго женщины-врача Е. Вургафтъ. Подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго и Ф. Александрова. Спб. 1906 г. 360 стр. большого формата, съ рисунками и въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к. Лѣсныя деревья: Кипарисъ. —Пинія.—Сосна. —Пихта.—Ива.—Тополь.—Черный тополь, серебристый тополь.—Осина, береза.—Ольха.—Дубъ.—Букъ.—Вязъ.—Липа. Изъ жизни птицъ: Голубь.—Лебедь. — Аистъ.— Оселъ. — Коршунъ.—Соколъ.—Ястребъ.— Вальдшнепъ. — Тетеревъ.—Рябчикъ.—Скворецъ.—Соловей.—Лягушка.—Ракъ и омаръ. — Лисица.—Лугъ.—Степь. — Хвойный лѣсъ. — Лиственный лѣсъ.—Нива. Изъ жизни животныхъ: Верблюдъ.—Лось. —Лошадь.—Кошка.—Ящерица.—Змѣя.—Китъ.—Муравьи.—Бамбукъ.—Слонъ.—Тюлени.—Тѣло.

*) Міръ сказокъ.

Собраніе самыхъ знаменитыхъ интересныхъ сказокъ для дѣтей средняго возраста Ю. Гофмана. Пер. Владимірова. Съ 25 рис. Спб., 1903 г., ц. 1 р. въ папкѣ. Оглавленіе: Снѣгурочка.—Лебедь подцѣпи.—Котъ въ сапогахъ.—Калифъ-аистъ.—Гансъ и Гретхенъ.—Вѣтка орѣшника.—Бременскіе музыканты.—Братецъ и сестрица.—Лѣсная фея.—Петруша-плакса.—Умный портняшка.—Принцесса на горошинкѣ.—Синяя борода.—Шапка-невидимка.—Спящая красавица.—Гансъ и Лиза.—Длинноносый карликъ.—Лѣнивая и прилежная.—Гора-пряникъ.—Счастливый Гансъ.—Дуракъ.—Состязаніе зайца съ ежомъ.—Золушка.—Бѣлоснѣжка.—Путешествіе малыша. — Семь швабовъ-богатырей.—Прощальный пиръ.—Три брата.—Рыбакъ и его жена. — Пастухъ.—Столикъ, накройся.—Услужливая лиса.—Красная шапочка.—Принцъ-самозванецъ.—Лѣсная фіалка.—Довѣріе и честность.—Разсказъ о маленькомъ уродѣ.—Мальчикъ съ пальчикъ. — Счастливая страна.—Рюбецаль.

Уч. Ком. М. Н. П. доп. въ уч. биб. всѣхъ учебн. зав., какъ средн. такъ и низшихъ.

Гибель Іерусалима.

Историческая повѣсть временъ римскихъ императоровъ: Веспасіана и Тита. Сочиненіе Генти. Переводъ М. И. Ловцовой. Съ рисунками англійскихъ художниковъ. С.-Петербургъ, въ папкѣ ц. 1 р. 25 к.

*) Внесены въ каталогъ книгъ изд. по расп. Мин. Нар. Пр. для ихъ учебн. зав.

Историческія сочиненія ФУРМАНА.

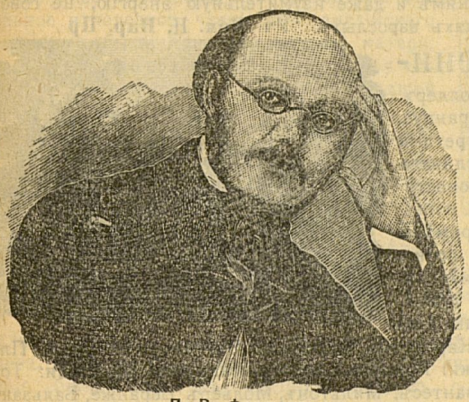
*) **Саардамскій плотникъ.** Историческая повѣсть. Съ портрет. Ц. 25 к.

*) **Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ.** Историческая повѣсть въ 2-хъ час. съ портр. Ц. 4 Ок.

*) **Александръ Даниловичъ Меншиковъ.** Историческій романъ въ 3 част. Съ портр. Ц. 40 к. Счастіе и заслуги.—Честолюбіе и корыстолюбіе.—Несчастіе и искушенія.

*) **Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій.** Историческая повѣсть въ 2-хъ част. Съ портр. Ц. 40 к.

*) **Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій** Историч. повѣсть въ 2-хъ част. Съ портр. Ц. 40 к. Суворовъ на войнѣ. Катехизисъ Суворова.—Кинбурнъ.—Овчаровъ.—Фокшаны.—Рымникъ.—Взятіе Измаила.—Кукарику.—Побѣда въ Польшѣ.—Прага Варшава.—Донесеніе и отвѣтъ.—Фельдмаршалъ.—Горестное событіе.—Спаситель царей.—Въ Италіи.—Въ Швейцаріи.—Тайное совѣщаніе.—Слава, Слава, Слава.—Заключеніе.



П. Р. Фурманъ.

*) **Наталья Борисовна Долгорукова.** Историческ. повѣсть въ 3-хъ частяхъ, съ портр. Ц. 60 к.

Сынъ рыбака Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ *). Повѣсть съ портретомъ Ломоносова. Ц. 20 коп Домъ родительскій.—Сѣверное сіяніе.—Москва.—Училище.—За границей.—Солдатъ.—Слава.

Извѣстный критикъ Ф. Толль въ своей книгѣ: „Наша дѣтская литература“. Опытъ библіографіи отечественной дѣтской литературы преимущественно въ воспитательномъ отношеніи, на стр. 150 и 153, сказалъ: Сочиненія Фурмана прочтутся съ большою пользою и удовольствіемъ, смѣло рекомендуемъ ихъ нашимъ читателямъ, какъ весьма полезное чтеніе для ихъ дѣтей и питомцевъ.

*) **Ближній бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.** Истор. повѣсть для дѣтей въ 2-хъ частяхъ, съ портр. Ц. 40 к.

Юные герои. (Гарибальдійцы). Соч. Эдмонда де-Амичиса. 60 стр., 4 рис., ц. 35 к., въ папкѣ. Въ великой борьбѣ за освобожденіе и объединеніе Италіи ярче всѣхъ выдѣляется величавый образъ Джузеппе Гарибальди. Подъ его знамена, на его призывъ, стекались сотни тысячъ людей, не только мужчинъ, но и дѣтей. Въ предлагаемыхъ разсказахъ недавно скончавшійся знаменитый итальянскій писатель, авторъ любимой дѣтской книги „Дневникъ школьника“, съ присущимъ ему талантомъ, ярко и увлекательно описываетъ подвиги дѣтей, юныхъ героевъ, жертвовавшихъ жизнью за славу и величіе своей родины.

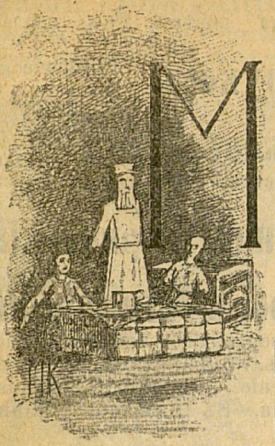
Народовѣдѣніе. Гиберландта, приватъ-доцента въ Вѣнѣ. Пер. Гренсбурга. Спб., 1903 г. Съ 150 рис. Ц. 60 к.

---

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по рас. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. зав.

Царь степей.

Путешествіе и приключеніе среди индѣйскаго племени. Сочиненіе Люсьвена Біара, съ рисунками художника Ликсъ. Переводъ Н. Н. Мазуренко, С.-Петербургъ, въ папкѣ, цѣна 1 руб. 35 к.

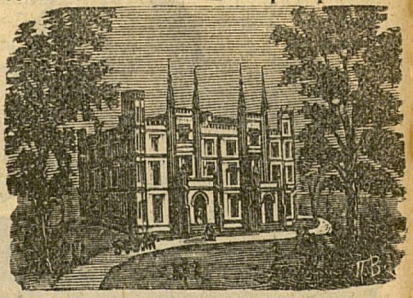


*) Маленькія школьницы пяти частей свѣта.

Маленькая Гречанка, Дафнэ.— Маленькая Гаваитянка, Емма.— Маленькая Черногорка, Даринька.—Маленькая Негритянка, Лоли.— Маленькая Японка, Изами.— Маленькая Мексиканка, Жуана.—Маленькая Индуска, Сита. Соч. **Эл. Бертэ.** Переводъ Н. Мазуренко. Съ 65 рис. Спб., 256 стр., ц. въ хромолитограф. папкѣ 1 р. „Маленькія Школьницы", представляютъ собою весьма интересное чтеніе не только дѣтямъ старшаго возраста, но даже и взрослымъ, до такой степени онѣ богаты живописнымъ и разнообразнымъ матеріаломъ, знакомящимъ съ жизнью, нравами и обычаями жителей различныхъ странъ всѣхъ пяти частей свѣта. Въ особенности рельефно и интересно очерчены почти во всѣхъ разсказахъ семейная жизнь и воспитаніе дѣтей. Большинство этихъ маленькихъ героинь проявляютъ высокое самоотверженіе, горячую любовь къ родителямъ и ближнимъ и даже изумительную энергію, не говоря уже о находчивости, рѣдкой въ людяхъ взрослыхъ. Уч. **Ком. Н. Нар. Пр**

*) Юность знаменитыхъ людей.

Соч. Е. Мюллеръ. Пер. съ французъ. 2-е изд. В. Владимірова. Спб., съ портретами и рисунками, ц. 1 руб. Бесѣды талантливаго дѣтскаго писателя Евг. Мюллера о юности великихъ людей даютъ интересную и полезную книжку. Въ книгѣ помѣщены примѣры изъ жизни замѣчательныхъ людей, полководцевъ, историковъ, философовъ, математиковъ, астрономовъ, музыкантовъ, художниковъ, писателей, каковы: полководцы: Наполеонъ I, Александръ Македонскій, Карлъ XII, Тюреннь, Баярдъ. Историки: Плутархъ, Геродотъ, Гиббонъ. Художники: Рубенсъ, Микель-Анджело. Писатели: Торквато-Тассо, Аріосто, Кальдеронъ, Сервантесъ, Мильтонъ, Мольеръ Беранже, Бальзакъ, Лопе-де-Вега. Математики: Галилей. Философы: Даламберъ, Паскаль. Музыканты: Моцартъ, Бетховенъ, Керубини, Мендельсонъ, Паганини, Мейерберъ и пр. и пр.; въ папкѣ. Вн. въ первое доп. къ опыту кат. учен. библіот. сред. учеб. зав. вѣд. М. Н П.



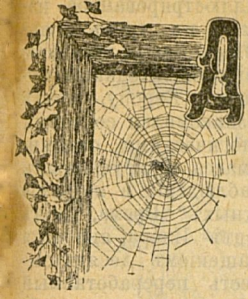
*) Жизнь птицъ.

Для домашняго семейнаго чтенія. Сочиненіе А. Е. Брема, перев. И. Страхова Роскошное изданіе съ 24 картинами и хромотипическими таблицами, выполненными за границею, яицъ и разныхъ породъ птицъ. Спб. 1866. Цѣна 2 р. 50 к.

Почему и потому.

По системѣ Отто Уле для учащихся въ семьѣ и школѣ. Зоологія и Ботаника. 800 вопросовъ и отвѣтовъ, по зоологіи и ботаникѣ съ 111 рисунками, составилъ Р. Гротріанъ. Перев. съ нѣмецкаго. Изд. подъ редакціей кандидата естественныхъ наукъ Л. Френкеля. Спб., 1904 г. ц. 65 к.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.



ѢТСТВО И ЮНОСТЬ ВЕЛИКИХЪ ЛЮДЕЙ. *) (Важнѣйшіе эпизоды и выдающіяся приключенія въ ихъ жизни). Соч. Л. Колэ. Съ 50 рис., пер. съ 12-го франц. 2-е изданіе. С. Майковой. Спб., ц. 1 р. Семейныя условія, какъ вообще и вся домашняя обстановка, при какихъ росъ и развивался тотъ или другой изъ знаменитыхъ людей, постоянно возбуждаютъ въ насъ болѣе или менѣе сильное любопытство; насъ невольно интересуютъ характеръ, привычки, взгляды и понятія какъ отца, такъ и матери будущаго великаго человѣка, намъ пріятно знать, въ какой именно средѣ протекли годы его дѣтства, отрочества и первой юности, пріятно видѣть его то баловнемъ какой-либо старшей сестры, то любимцемъ брата, и сами мы, съ своей стороны, невольно удѣляемъ частичку нашего сочувствія и восхищенія родителямъ, окружавшимъ его своими нѣжными заботами, любовью и ласками. Внес. въ первое доп. къ опыту кат. ученич. библ. сред. учеб. заведеній вѣд. М. Н. П.

Три сестры. Повѣсть для молодыхъ дѣвицъ. Соч. Дж. Мансеръ. Переводъ съ англійскаго М. И. Ловцовой съ рис. англійскаго художника Маргенсона въ красивой папкѣ, цѣна 1 р. Предлагая юнымъ читательницамъ выше названную повѣсть, переводчица имѣетъ въ виду предоставить имъ занимательное и полезное чтеніе изъ англійскаго домашняго быта. Рано лишившись матери, тремъ сестрамъ приходится взять на себя всѣ хлопоты по хозяйству, воспитаніе младшей сестры и проч. Отецъ ихъ, отвлеченный литературною работой, ищетъ лишь временнаго отдыха у домашняго очага. Молодыя дѣвушки подчасъ тяготятся однообразною уединенною жизнью, но бодро приноравливаются къ обстоятельсвамъ и сохранивъ свою юную жизнерадостность пріобрѣтаютъ незамѣтно силу воли и самостоятельность. Книга читается легко и съ большимъ интересомъ.

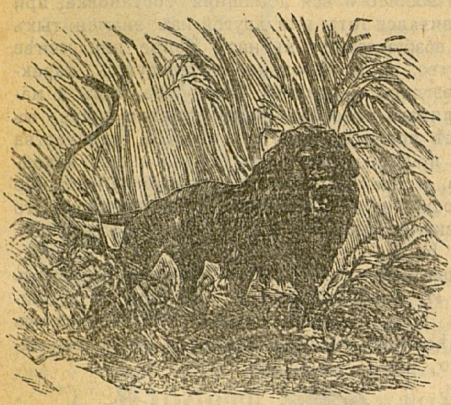
Дѣтская забава. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Соч. М. Ростовской, съ многими рисунками въ папкѣ. Спб., цѣна 1 руб. Кулекъ, дробинка, палачи, честность, кривулекъ, болото, павлины, дѣти натуралиста, дѣти, свѣтлый мальчикъ, у страха глаза велики, счастливый случай, сравненіе, благій примѣръ, каширъ, карликъ, сосипитръ, смѣхъ и горе, зеркало, три мячика, крутое яичко, четвертакъ, шалуны, утятяти и пр. пр.

*) **Донъ-Кихотъ Ламанчскій.** Изданіе подъ ред. М. Б. Чистякова. 4-е изданіе. Съ 100 рисунк. 1904 г. Ц. 1 р. Содержаніе: Предисловіе, объясняющее значеніе сочиненія Сервантеса.—Семейство Донъ-Кихота.—Отправленіе.—О посвященіи въ рыцари. — О случаѣ въ гостинницѣ.—Несчастье. — Второй отъѣздъ.—Борьба съ мельниками. — Замокъ. — Шлемъ.—Освобожденіе.—Горы.—Принцесса Мамиконика.—Донъ-Кихотъ въ клѣткѣ.—Санхо-Пансо.—Дульцинея. — Рыцарь-зеркалъ.—Приключеніе пастуха.—Прекрасная охотница.—Важныя событія.—О чарахъ Дульцинеи. —Губернаторство Санхо. — Донъ-Кихотъ дѣлается пастухомъ.—Ночное приключеніе. — Возвращеніе. **Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.** доп. въ учен. средн. возр., библ. средн. уч. зав. и въ безпл. нар. библ. и чит.

*) **Приключенія молодого натуралиста.** Соч. Біара. Перев. съ 15 изданія С. Бриліанта, съ 130 рисунками, въ папкѣ, 400 стр. Ц. 1 р. 35 к.

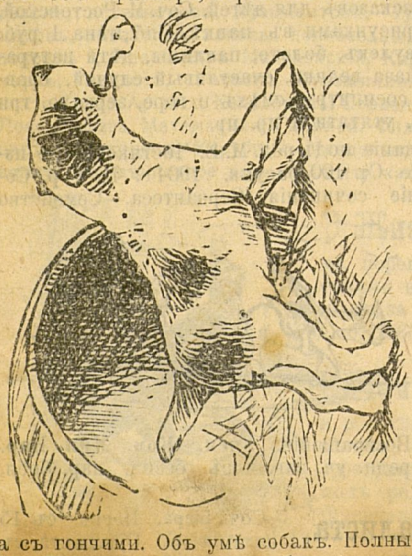
*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб завед

*) **Жизнь животныхъ, А. Брема.** Иллюстрированное изданіе въ трехъ большихъ томахъ. Подъ редакціей магистра зоологіи К. К. Сентъ-Илера. Бремъ всю свою жизнь посвятилъ изученію животныхъ, для чего совершилъ продолжительныя путешествія въ Африку, Азію, Америку, Египетъ, Норвегію, Сибирь и Европу,—вездѣ живя подолгу и изучалъ жизнь звѣрей и птицъ въ Европѣ, познакомился со всѣми



звѣринцами и зоологическими садами, дома у него была масса прирученныхъ животныхъ для наблюденія и изученіе ихъ. „Жизнь животныхъ“ Брема, подъ редакціею К. К. Сентъ- Илера, является не простымъ сокращеніемъ десятитомнаго изданія, а есть переработанный трудъ опытнаго и заслуженнаго педагога, сохранившаго все существенное большого изданія, но устранившаго все то что, по педагогическимъ началамъ, не должно быть изложено для юношескаго возраста. Такимъ образомъ новое изданіе, спец. для юношест. обоего пола даетъ возможность родителямъ, удовлетворяя любознательности своихъ дѣтей, дать имъ смѣло въ руки это изданіе, не опасаясь съ ихъ стороны встрѣтить вопросы, на которые часто нѣтъ возможности отвѣтить; состоитъ изъ трехъ отвъ, напечатанныхъ четкимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ и заключаетъ въ себѣ 2150 страницъ текста большого формата, 690 рисун., исполненныхъ въ Библіографич. Институтѣ въ Лейпцигѣ и 3 худож. обложки работы К. Крюкова. Содержаніе: I томъ „Млекопитающія“. II томъ „Птицы“. III томъ „Пресмыкающіяся“, гады, рыбы, насѣкомыя и всѣ низшія животныя“. Цѣна за три тома 3 р. съ перес. Имѣются въ роскошныхъ переплетахъ.

*) **Породы собакъ,** Охотничьи, сторожевыя и комнатныя. Популярное описаніе всѣхъ породъ собакъ; полный домашній лечебникъ собакъ. Соч. Крихлера, перев. съ нѣмецкаго В. Вольфсона. 47 рис., 2-е изданіе. Спб,



ц. 1 р. Охотнич. собаки. Ганноверская и австрійская гончая. Баварская горная ищейка. Кровяная собака. Испанскій поденко. Лягавыя собаки. Щетинистая. Понтеръ. Сетеръ. Грифонъ. Эспаньелы. Ретриверъ. Испанскія лягавыя. Такса: короткошерстая, англійская. Бассетъ. Фокстерьеръ: короткошерстый, иглошерстый. Борзыя: англійская, русская. Шотландская оленья собака. Волкодавъ. Комнатныя и сторожевыя собаки. Нѣмецкій догъ. Датскій догъ. Англійскій мастиффъ. Сенъ-Бернардъ, длинношерстый. Ньюфаундленскія собаки (водолазъ). Бульдогъ. Испанскій мистикъ. Овчарка. Карликовыя шпицы. Шелковистый шпицъ. Эскимосская собака. Пудель. Карликовый пудель. Пинчеръ или крысоловъ. Далматская собака. Терьеры. Гладкошерстый пинчеръ. Мопсъ. Левретка. Карликовыя эспандолы. Мальтійская собачка. Шпиннеркъ. Японскій хинъ. Болонка. Голыя собаки. Выращиванье собакъ. Дрессировка собакъ. Охота съ гончими. Объ умѣ собакъ. Полный лечебникъ собакъ. Ц. 1 р. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ безпл. нар. чит. и библ.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.

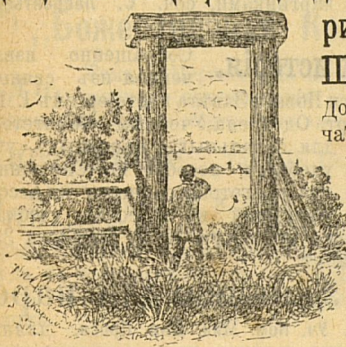
*) **Собиратель бабочекъ.** Сост. Александръ Бау. Пер. подъ редакціей Л. Френкеля, съ 98 рисун., 130 стран. Спбц. 40 к. Введеніе.—Общій обзоръ.—Образъ жизни и продолжительность жизни бабочекъ.—Ловля дневныхъ бабочекъ.—Ловля сумеречныхъ и ночныхъ бабочекъ.—Устройство коллекціи.—Размѣщеніе бабочекъ въ коллекціи.—Распознаваніе самцовъ и самокъ.—Сохраненіе коллекціи и т. д.—Коллекція гусеницъ.—Приготовленіе яичекъ и куколокъ для коллекціи.—Біологическая коллекція.—Записная книжка.—Купля и мѣна.—Упаковка и отправка бабочекъ.—Отправка живыхъ гусеницъ, куколокъ и яичекъ.—Собираніе во время путешествій.—Подраздѣленіе бабочекъ. **Учен. Ком. Мин. Нар. Пр.** доп. въ учен. библ. низшихъ учебн. завед.

*) **Чудеса древней страны пирамидъ.** Путешествіе за три тысячи лѣтъ. Географическія, историческія и бытовыя картины древняго Египта, въ періодъ его процвѣтанія и упадка. Соч. д-ра **Карла Оппеля.** Переводъ съ нѣмецкаго Н. Страхова, исправленный и дополненный по 4-му изданію подъ редакціею А. А. Быкова. Съ 182 рисунками, помѣщенными въ текстѣ, и планомъ съ птичьяго полета египетскихъ памятниковъ Нильской долины. Спб., 1897 г., 3-е изд., 542 стр., ц. 3 р. 50 к.

*) **Калифорнскіе разсказы.** Соч. Бредъ-Гарта. Пер. съ англійскаго, подъ редакціей С. Бриліанта, большой томъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Великіе люди Греціи и Рима. Цари, Полководцы, Адмиралы и Государственные дѣятели. Соч. Гульда. Перев. М. Модель. Съ рисунками и портретами. Спб. ц. 1 руб.

Маленькіе Гарибальдейцы. Разсказы. Сочиненіе Де-Амичисъ. Съ рисунками. Въ папкѣ Цѣна 35 коп.



Приключеніе знаменитаго сыщика Шерлока Холмса. 5 томовъ, 180 рисунковъ, 1400 стр. Соч. Конанъ-Дойля. Жизнь и дѣятельность Холмса, этого замѣчательнаго сыщика, описаны Конанъ-Дойлемъ. Увлекательное и безусловно правдивое содержаніе, на ряду съ безукоризненнымъ изложеніемъ—все это давало право разсчитывать на вниманіе даже серьезнаго читателя. Неудивительно поэтому, что произведенія талантливаго англійскаго писателя, посвященныя описанію жизни и дѣятельности этой исключительной натуры, переведены почти на всѣ европейскіе языки и, что имя Шерлока Холмса сдѣлалось весьма популярнымъ среди читающей публики. Спб., цѣна за 5 томовъ 4 р. Т. 1, 2 и 3. **Уч. Ком. Мин. Нар. Пр.** доп. въ учен. библ. учебн. завед. и въ безпл.

Происхожденіе міра. Космогоническія теоріи древнія и современныя, критика гипотезы Лапласа и собственная (теорія автора, съ добавленіемъ Н. Faye (Файе), члена парижской академіи наукъ. Защиты гипотезы Лапласа и теорій—Корквуда, Троубриджа, Ньюкомба, Г. Х. Дарвина, а также критика теоріи Н. Faye изъ соч. Космогоническія гипотезы К. Вольфа, члена парижской академіи, астронома обсерваторіи. 3-е изданіе. Спб., 1905 г., ц. 1 р. 25 к.

*) **Пять чувствъ человѣка.** Соч. д-ра **І. К. Крейбаха.** Общедост. лекціи . Съ 30 рисунками. Перев. съ нѣмец. подъ редакц. д-ра І. А. Шапиро. Спб., 1903 г. 148 стр. Ц. 45 коп. **Уч. Ком. Мин. Нар. Пр.** доп. въ уч. стар. воз. библ. сред. уч. зав.

---

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.

Нравственныя сочиненія С. Смайльса.

*) **Умъ и энергія.** I томъ. „Жизнь и Трудъ“ (Life and labour). Большой томъ. Переводъ подъ редакціею Д. А. Коропчевскаго. Характеристики изъ жизни великихъ людей. Ц. 1 р. 20 к. допущ. въ учен. библ. сред. учебн. завед. Мин. Нар. Просв.

*) **Характеръ.** III томъ. Образованіе. Пер. С. Майковой 9-е изданіе 363 стр. Ц. 1 р. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. въ учен. библ. сред. уч. зав. въ безп. нар. чит.

*) **Саморазвитіе.** II томъ. Умственное, нравственное и практическое, съ дополнительною статьею „Русскіе дѣятели (Самодѣятельность“). Переводъи дополненіе В. Вольфсона. Спб., 400 стр. Ц. 1 р. 25 к. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. въ учен. библ. ср. уч. зав.

*) **Вѣчный труженикъ.** IV томъ. Жизньи приключенія шотландскаго натуралиста Томаса Эдуарда. 3-е изданіе. Съ рисунками. Спб., Ц. 1 р. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. въ учен. биб. ср. уч. зав. въ безп. нар. чит.

*) **Долгъ.** V томъ. Нравственныя обязанности человѣка. Перев. С. Майковой. Спб. 3-е изданіе. 368 стр. Цѣна 1 р. 25 к. Уч. К. М. Н. Пр. въ учен. библ. ср. уч. зав. а также въ без. нар. чит.

*) **Бережливость.** VI томъ. Переводъ Сысоевой. 3-е изданіе. Спб. 1904 г. Ц. 90 к. Уч. К. Мин. Нар. Пр. въ уч. библ. ср. уч. зав., а также въ библ. нар. чит.

*) **Путешествіе мальчика вокругъ свѣта.** VII томъ. Съ рисунками. Перев. В. Вольскаго. Спб. 2-е изданіе. Ц. 1 р. Уч. К. М. Н. Пр. въ учен. библ. ср. уч. зав. въ безп. нар. чит

*) **Біографіи промышленныхъ дѣятелей.** VIII томъ. Переводъ съ англійскаго Н. Н. Мазуренко. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. Уч. К. М. Нар. Пр. въ уч. биб. уч. зав., а также въ без. нар. чит.

Отдохнемъ и почитаемъ. Разсказы для маленькихъ дѣтей, съ раскрашенными картинками, соч. С. Лаврентьевой Спб. Ц. 80 коп.

*) **Библейская исторія.** Сокращенно извлеченная изъ священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта протоіереемъ І. Базаровымъ. Съ 119 карт. Одобрена Учебнымъ Комитетомъ Святѣйшаго Синода для начальныхъ народныхъ училищъ въ качествѣ учебнаго пособія по Священной Исторіи, а также для приготовительныхъ кл ассовъ среднихъ учебныхъ заведеній въ качествѣ учебнаго руководства. Удостоена медали гр. И. Д. Киселева 33-е изд., ц. 1 руб. въ папкѣ.

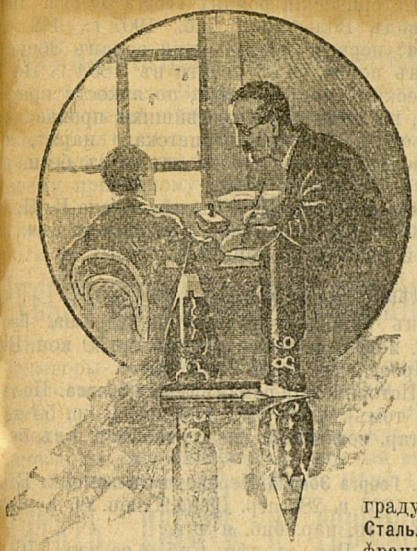
*) **Бесѣды о здоровьи для народа.** Ц. 50 к. Доп. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. длянар. чит. и библ. нар. и город, учит. и учительскихъ институтовъ и семинарій.

хотничьи разсказы. *) Собранные Полемъ Бероме, для дѣтей средняго возраста, переводы О. М. Мижуевой, съ рисунками Т. Никитика, въ красивой папкѣ, Спб. ц. 1 р. 20 к.

*) **О воспитаніи умственномъ и нравственномъ.** В. Г. Бѣлинскаго. Сост. А. Н. Сальниковъ. Спб. 158 стр. Цѣна 50 коп. Уч. Ком. о Мин. Нар. Пр. доп. въ фундаментальныя библіотеки средн. учебн. завед. Министер.

---

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.



На память дѣткамъ. Сост. Н. И. Позняковъ. Разсказы и стихотворенія, съ рисунками художн. Т. А. Карпинской, Т. И. Никитина и В. П. Овсяникова. Изд. 3-е. Спб. стр. 254. Ц. въ роскошной папкѣ 1 р. 50 коп. Одоб. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. для ср и низ. учеб. зав. и для безп. нар. биб. и чит.

*) **Черкесъ.** Соч. Л. Черскаго. Воспоминанія кадета. Съ иллюстраціями. Спб. 1901. стр. 31. Цѣна 30 к. Уч. Ком. М. Нар. Пр. доп. въ безп. нар. чит. и библ. и въ учен. библ. средн., для мл. возр. и низ. учебн. завед. Минист.

равственность семьи. *) Въ разсказахъ, сказкахъ, практическихъ наставленіяхъ и жизненныхъ правилахъ. Сочиненіе, увѣнчанное французской академіей, и по распоряженію Министра Народнаго Просвѣщенія, назначенное въ награду ученикамъ какъ полезная книга. Соч. Сталь. Переводъ Н. Мазуренко. Съ 34 рисунками французскихъ художниковъ: Баара, Мари, Фрелиха, Бинетта, де-Вилорса и др., въ красивой папкѣ. Спб. 1905 г., 342 стр. Ц. 1 р. 25 к. Въ этой книгѣ, отъ первой страницы до послѣдней, рѣчь идетъ въ живописныхъ и увлекательныхъ, иногда чрезвычайно поэтичныхъ разсказахъ и поученіяхъ (напримѣръ: исторіи маленькаго пастуха и стараго капрала, только и исключительно о хорошихъ и дурныхъ чертахъ характера дѣтей, о средствахъ и способахъ вліянія на дѣтей, а также исправленія и улучшенія ихъ характера. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. въ безплат. народн. читал. и библ.

*) **„Божественная Комедія". Соч. Данте-Алегіери.**

Адъ. Томъ I. Переводъ В. В. Чуйко, со вступительною статьею переводчика о жизни и произведеніи автора. Съ 68 рисунками извѣстныхъ французск. художниковъ и съ портретомъ автора. Спб. 1895 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Чистилище. Томъ II. Пер. В. В. Чуйко, съ 75 рисунками. Ц. 1 р. 25 к.

Рай. Томъ III. В. В. Чуйко, съ 74 рисунками. Ц. 1 р. 25 к. „Божественная Комедія" извѣстна всякому образованному читателю. Она отличается такими поразительными красотами истинной поэзіи, такою глубиною содержанія, что никогда не потеряетъ своего значенія и всегда будетъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду величайшихъ литературныхъ произведеній всѣхъ временъ и народовъ.

*) **Борьба человѣка съ животными.** Профес. К. Экштейна. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей кандидата естественныхъ наукъ Л. А. Френкеля. Съ 31 рисункомъ. 160 стр. Ц. 50 к. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ учен. библ. ср. и низш. учеб. завед. и въ безпл. народн. чит. и библ.

Звѣздочка. Разсказы для маленькихъ дѣтей, съ раскрашенными рисунками. Соч. Л. Шелгуновой, въ папкѣ. Спб. Ц. 1 р.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед

*) **Дочь Египетскаго царя.** Историческій романъ Георга Эберса. Пер водъ Вольфсона. Спб., 1907 г., 442 ст Ц. 1 р. 50 коп. „Дочь египетскаго царя" первый историческій романъ Эберса лучшій изъ всѣхъ имъ написанныхъ. Онъ появился въ печати въ 1860 г. По б гатству содержанія, по обилію историческихъ подробностей, по яркости красо и, наконецъ, по художественности языка, ни одно изъ позднѣйшихъ произведен покойнаго Эберса не можетъ сравниться съ „Дочерью египетскаго царя", Уч Ком. Мин. Нар. Просв. доп. въ учен. сред. воз., библ. сред. учеб. зав. и въ безп. на биб. и чит.

*) **Невѣста Нила.** Истор. романъ Георга Эберса. Пер. съ нѣмецкаго Н. Н. М зуренко. Спб. 1905 г. 430 стр. Цѣна 1 р. 35 коп. Уч. Ко ин. Нар. Пр. доп.въ уч. библ. и учебн. зав. и въ безпл. нар. биб. и чит.

*) **Уарда.** Историческій романъ. Цѣна 1 р. 50 коп.

*) **Императоръ.** Истор. ром. временъ римскаго императора Адріана. Геор Эберса. Спб. 1898 г. 2-ое изд. 484 стр. Цѣна 1 р. 50 коп. Вне въ кат. книгъ, изд. по распор. Мин. Нар. Просв., для безпл. нар. чит.

*) **Мелисса.** Тернистымъ путемъ. Историческій романъ Георга Эберса. Полнн переводъ (большой томъ). Спб., 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к. У Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ учен.,сред. и стар. воз., библ. сред. учеб. зав. и въ безп нар. чит. и библ.

*) **Человѣкъ есмъ.** Историч. ром. Георга Эберса. Переводъ съ нѣмецк. В. М зуренко. Спб. 1903 г. 280 стр. Цѣна 90 коп. Уч. Ком. Ми Нар. Пр. доп. въ уч. биб. учебн. зав. и въ безп. нар. биб. и чит.

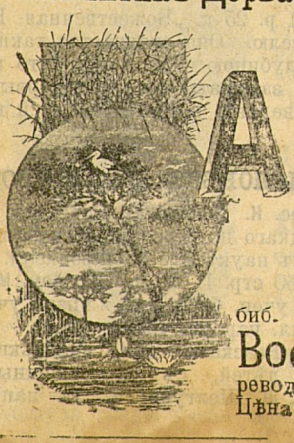
*) **Серапись.** Истор. ром. Георга Эберса. Пер. съ нѣм, Спб. 3-ое изд. 276 ст Цѣна 75 коп. Внес. въ кат. книгъ, изд. по рас. Мин. Нар. Проф для безпл. нар. чит.

*) **Пертская красавица.** Историческій романъ ВальтеръСкотта. Спб., 1894 съ рисунками (большой томъ), 536 стр., Цѣна 2 Внес. въ кат. книг, изд. по рас. Мин. Нар. Пр. для безп. нар.чит.

Удстокъ. Романъ Вальтеръ-Скотта. Спб. Цѣна 80 к.

Карлъ Смѣлый. Историческій романъ. Соч. Вальтеръ-Скотта. Съ рисункам 480 стр. Спб., 1893 г. Цѣна 2 р. 25 к. Описывая событ второй половины XV в., относящіяся къ той эпохѣ, когда рыцарство блистало у послѣдними лучами своего величія, которому по выраженію автора, „суждено бы скоро окончательно угаснуть",—романъ этотъ вызываетъ большой интересъ и м жетъ служить прекраснымъ подаркомъ къ праздникамъ въ любой семьѣ. (Отзы „Новаго Времени").

*) **Квинтикъ Дорватъ.** Историческій романъ временъ Людовика XI. Со Вальтеръ-Скоттъ. Въ этомъ романѣ описана карт на раздоровъ, волновавшихъ Европу въ продолжен XV вѣка; особенно ярко выразилась борьба Людови XI съ Карломъ Бургундскимъ, сплетеніе тайны интригъ, безчисленное множество различныхъ похожд ній шпіоновъ, цыганъ, пилигримовъ и переодѣты нищихъ, описаніе сраженій и пр. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50



Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ учен. биб. учеб. зав. и безп.нар. библ. и чит,

ивенго. *) (Ivanhoe), историческій романъ Вальтер Скотта. Переводъ съ англійскаго В. Вл димірова. Второе изданіе. Спб., 1898 г., 362 стр. Ц. 1 Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ учен. сред. и стар. за биб. сред. уч. зав. и въ безп. нар. библ. и чит

Воспитаніе умственное, нравственное и физическо Соч. Герберта Спенсера. Новый полный п реводъ съ англійскаго М. А. Лазаревой. Спб. 1906 г. изд. 2- Цѣна 75 коп.

---

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по рас. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. зав.

Удивительныя приключенія полишинеля. Соч. Октава Фельe. 80 стр., 50 рисунковъ художника Берталя, перев. Черскаго. Спб. Л. 40 к., въ папкѣ. Полишинель—главный герой театра маріонетокъ, любимецъ дѣтей—сынъ веселой жизнерадостной Италіи, гдѣ такъ много солнца, смѣха и пѣсенъ. На зарѣ свой жизни онъ отправляется ко двору неаполитанскаго короля, искать счастья, и здѣсь, благодаря своему природному уму и находчивости, въ короткое время дѣлается любимымъ пажемъ красавицы-принцессы. Его приключенія до того необыкновенны, забавны и уморительны, что невольно заставляютъ смѣяться самымъ заразительнымъ смѣхомъ не только дѣтей, но даже взрослыхъ.

Русско-французско-нѣмецкіе разговоры. Въ двухъ частяхъ. Руководство, служащее къ пріобрѣтенію навыка и умѣнья основательно изъясняться на этихъ трехъ языкахъ и содержащее также разговоры о путешествіяхъ, желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ и др. Съ приложеніемъ: 1) Правилъ произношенія словъ французскихъ для русскихъ и нѣмцевъ; русскихъ для французовъ и нѣмцевъ; нѣмецкихъ для русскихъ и французовъ. 2) Идіотизмовъ. 3) Пословицъ и поговорокъ. 4) Омонимовъ, съ практическими упражненіями на каждый изъ нихъ. Девятое изданіе, вновь исправленное и дополненное, Спб.1903 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Читать, писать и говорить по англійски. Новый способъ выучиться въ 73 урока. Метода профессора Оллендорфа, одобренная парижскимъ факультетомъ. Составлена и приспособлена для русскихъ А. Михельсономъ. Ц. 2 р. Легкость изученія иностранныхъ языковъ по методѣ Оллендорфа признана всею Европою. Достоинства и преимущества ея передъ другими способами доказываются уже тѣмъ, что въ цивилизованномъ мірѣ нѣтъ народа, который не примѣнилъ бы ее для своего употребленія.

*) **Вулканы и землетрясенія.** Профессора Неймайра. Переводъ С. Чернова. 98 рисунк. 277 стр. С.-Петербургъ, 1903 г. Цѣна 90 коп.

*) **По великой русской рѣкѣ.** Очерки картины Поволжья А. П. Валуевой (Минтъ) съ многочисленными рисунками художника Т. Никитина Спб., 1904 г. 2-е изд., ц. 1 р. 50 к. Вн. въ пер. доп. къ оп. кат. уч. библ. ср. уч. зав. вѣд. М. Н. П.

Новая метода правильно читать, писать и говорить на нѣмецкомъ языкѣ въ 6 мѣсяцевъ. Сочиненіе профессора Оллендорфа. Одобренная парижскимъ факультетомъ, составлена (для русскихъ) по послѣднему парижскому изданію. 5-е изд., подъ ред. А. А. Быкова. 2 т., ц. 1 р. 50 к.

Метода Оллендорфа. Полный практическій учебникъ французскаго языка. Составилъ С. Коссовичъ. Въ 2-хъ частяхъ, 5-е исправленное изданіе, 2 тома. Спб., 800 стр. Цѣна 2 р. Метода Оллендорфа давно уже получила обширное примѣненіе, благодаря своимъ блестящимъ практическимъ результатамъ. Издаваемые по этой методѣ учебники являются хорошими самоучителями и нельзя отрицать того, что при желаніи и сравнительно небольшой посторонней помощи, языкъ, по крайней мѣрѣ, теоретически можно изучить и притомъ не въ особенно продолжительное время. Съ этой стороны практическій учебникъ французскаго языка, составленный г. Коссовичемъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Раздѣленіе учебнаго матеріала удачно, русско-французскій словарь составленъ полно, ключъ же можетъ служить не только подспорьемъ при переводахъ, но и прекрасною книгою, благодаря особому начертанію словъ, являющеюся однимъ изъ лучшихъ упражненій въ чтеніи. (Журналъ „Родина“).

Самоучитель итальянскаго языка. Практическая метода выучиться читать, писать и говорить по-итальянски безъ помощи учителя. Составилъ В. Вроблевскій. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.

*) Внесны въ каталогъ книгъ изд. по рас. Мин. Нар. пр., для ихъ учеб. завед.

Самоучитель польскаго языка. Практическая метода выучиться читать, писать и говорить по польски безъ помощи учителя. Составилъ Вроблевскій. Спб. 1903 г. Ц. 50 к.

Самоучитель французскаго языка, или легчайшій способъ научиться безъ помощи учителя читать, писать и говорить по-французски. Въ двухъ частяхъ. Спб. Ц. 50 к.

Самоучитель англійскаго языка. Легчайшій способъ научиться читать, писать и говорить по англійски безъ помощи учителя. Составленъ по руководствамъ Робертсона, Гласко, Эдварда и др., въ 2-хъ частяхъ, 1903 г. Ц. 50 к.

Самоучитель нѣмецкаго языка. Легчайшій способъ научиться, безъ помощи учителя, читать, писать и говорить по нѣмецки. Составленъ по лучшимъ руководствамъ. Изд. 5-е. Спб. 1901 г. Ц. 50 к.

*) **Краткій учебникъ русской исторіи.** Въ біографическихъ очеркахъ (курсъ младшаго возраста). Составилъ А. Н. Сальниковъ. Изданіе пятое, исправленное, съ картами въ текстѣ. Ц. 35 к. Одоб. ученымъ Комит. Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ руководства для третьяго класса гимназій и реальныхъ училищъ.

*) **Краткій обзоръ русской исторіи,** для городскихъ училищъ. Составилъ А. Н. Сальниковъ. Спб. 1902 г., ц. 20 к. Одобренъ Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. какъ руковод. для город. и уѣздныхъ училищъ, а также для 3-го класса гимназій реальныхъ училищъ, и съ рисунками.

*) **Учебникъ географіи.** Въ трехъ частяхъ. I. Краткія свѣдѣнія по математической, физичейско и политической географіи. II. Западная Европа. III. Внѣ-Европейскія страны. Съ рисунками и картами. Составила Н. С. Мальцева, преподавательница Пермской женской гимназіи Ц. 1 р. 25 к. Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія опредѣлилъ допустить означенную книгу въ качествѣ учебнаго руководства для женскихъ гимназій и прогимназій Министерства. Ученымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ опредѣлено одобрить къ употребленію въ женскихъ духовныхъ училищахъ въ качествѣ ученаго пособія по географіи.

Моментальное фотографированіе ручными камерами, общедоступное для всякаго любителя руководство. Составилъ фотографъ Буяковичъ, съ 53 рисун. Спб. 1901 г. Ц. 40 к.

Руководство къ сочиненію прозаическому и стихотворному. Планъ и слогъ сочиненія. — Стихосложеніе.—Романъ.—Повѣсть.—Разсказъ.—Очеркъ.—Набросокъ, эскизъ и пр. Трагедія.—Комедія. — Драма.—Корреспонденція обыкновенная.—Корреспонденція газетная.—Ораторскія рѣчи.—Пособіе къ конкурснымъ экзаменамъ по русскому языку.—Составилъ М. Бродовскій. Второе дополненное изданіе 102 стран. 1902 г. ц. 60 к.

Мать и дитя. 8-е изданіе, съ 198 рисунк. Ц. 3 р. (Большой томъ, 1165 стр.). Гигіена въ общедоступномъ изложеніи. Состав. В. Н. Жукъ. Книга „Мать и дитя“ удостоилась самаго лестнаго отзыва нашей прессы и въ короткое время разошлось 7 изданій, въ каждой семьѣ появленіе младенца считается однимъ изъ самыхъ важныхъ событій. Все въ такое время должно быть предусмотрѣно, и отъ малѣйшей неосторожности зависитъ жизнь не только малютки, но и его матери. А чаще всего наши матери, и въ особенности молодыя, совершенно не приготовлены къ исполненію своихъ священнѣйшихъ обязанностей. Тутъ-то имъ приходитъ на помощь книга В. Н. Жука. Въ ней до малѣйшихъ подробностей прослѣжена вся жизнь матери до и послѣ рожденія ею ребенка. Поданы совѣты, какъ ухаживать за больной и новорожденнымъ, описаны идеальныя одежды и дѣтская, словомъ, разсказано все, что можетъ относиться къ пользѣ въ этомъ отношеніи семьи, и при всемъ этомъ все передано доступнымъ пониманію каждаго языкомъ. (Отз. журн. „Родина“.

Исторія Греческихъ героевъ. Разсказанная Нибуромъ своему сыну. Перев. съ нѣмецкаго. Съ рисунками. Цѣна 20 коп.

Типографія Л. В. Гутмана, Спб., Калашниковскій пр., № 13.

Изданіе В. И. ГУБИНСКАГО въ С. Петербургѣ.

Лара Безсонова. Повѣсть соч. Л. Чарской, съ рисунками художника *М. Андреева*; въ красивой папкѣ. Спб. 1911 г. ц. 1 р. 35 к.

Пріютки. Сочиненіе Л. Чарской. Въ этомъ новомъ произведеніи, талантливая писательница рисуетъ жизнь, мало извѣстную нашей публики, жизнь нашихъ пріютовъ—ихъ питомцевъ-пріютокъ, съ жизнью которыхъ слѣдуетъ познакомиться русскому обществу. Съ рисунками; въ красивой папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Сказки. Соч. Фр. Гофмана, въ пересказѣ. Л. Чарской. Съ рисунк. художника Я. Сизова. Спб., 239 стр., въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Дѣдушка и внучка. Повѣсть Л. Мидъ. Перев. съ англ. Е. Чистяковой-Вэръ. Съ рисунк. худож. Шлипера. Спб., 236 стр. въ папкѣ, ц. 1 р.

Студентки. Повѣсть. Соч. Л. Мидъ. Переводъ съ англійскаго М. Лялиной. Съ рисунк. художника Г. Ледгау, въ папкѣ. Спб., ц. 1 руб.

Былое на Руси. Рядъ историческихъ разсказовъ: Ольга, Святославъ, Плачъ Ярославны, Ермакъ, Кружало, Кулачный бой, Скоморохи, Святки, Свадьбы, На осляти, Великъ день, Суженый, Въ теремѣ царицы и пр., и пр. Со многими рисунк. Соч. Черскаго. Ц. 1 р. 20 к.

***Маленькій человѣкъ.** Романъ для юношества. А. Додэ. Перев. съ франц. съ 65 рисунк., 292 стр.; въ папкѣ. Ц. 1 р.

***Чудеса древней страны пирамидъ.** Путешествіе за три тысячи лѣтъ. Географ., историческія и бытовыя картины древняго Египта, въ періодъ его процвѣтанія и упадка. Соч. д-ра К. Оппеля, перев. Страхова. Съ 182 рис. 4-е изд., ц. 1 р. 75 коп.

***На необитаемомъ островѣ.** Приключеніе 4-хъ дѣтей, унесенныхъ бурею въ море. Соч. Мидъ, съ англійскаго М. Ловцовой, съ рис., 268 стр.; къ папкѣ, ц. 1 р.

***Семь дѣвицъ.** Картинки домашняго воспитанія. Соч. Л. Мидъ, перев М. Ловцовой, съ рисунками, 237 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р.

***Дѣвичій мірокъ.** Исторія школьнаго ученія. Соч. Л. Мидъ, переводъ съ англійскаго М. А. Лялиной, съ рисунк., 230 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р.

***Нравственность семьи.** Въ разсказахъ, сказкахъ, практическихъ наставленіяхъ и жизненныхъ правилахъ, сочиненіе Сталь, увѣнчанное французской академіей. Съ рисунк., 342 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 25 к.

Рука Провидѣнія. Соч. Ж. Сандо, перев. Е. Давыдовой. 256 стр., съ рис. художн. Баяра и друг.; въ папкѣ, ц. 1 р.

***Приключеніе Финна.** Соч. Марка Твэна, переводъ Н. Мазуренко, съ 151 рис., 299 стр. съ хромо-литогр.; въ папкѣ, ц. 1. 35.

Приключеніе Тома. Соч. Марка Твэна, перев. Н. Мазуренко, съ 70 рис., большой томъ, въ красной папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Кругосвѣтное путешествіе. Соч. Марка Твэна, 461 стр. съ рисунк., художн. Зубрилова; въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.

***Жизнь на Миссисипи.** Очерки и картинки, соч. Марка Твэна, перев. Федоровой съ 100 рис., 296 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Принцъ и нищій. Приключенія Тома на воздушномъ шарѣ. Марка Твэна, съ 100 рис. 264 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 25 к.

*Волшебныя сказки. Соч. Ж. Перро, съ добавл., сказки г-жи Лепренсь-де Бомонъ. Перев. съ франц. В. Владимірова, съ 63 рис.; 2-е изд. въ красивой папкѣ, ц. 1 р.

Разсказы бабушки всезнаюшки. Соч. Ант. Бѣлозоръ, съ рисунк. художн. Чикина, 299 стр.; въ красивой папкѣ, ц. 1 р.

*Были и былинки. Ант. Бѣлозоръ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей, съ рисунками художн. А. Чикина, 275 стр.; въ папкѣ, цѣна 1 руб.

*Избранныя сказки для дѣтей Вильг. Гауфа. Перев Федоровой, съ рисунками, 210 стр.; въ красивой папкѣ, ц. 1 р.

*Маленькій разнощикъ. (Продавецъ спичекъ). Соч. Женневрэ. Произведеніе, увѣнчанное франц. академ. Полн. перев. съ послѣдн франц. изд., Е Д. Давыдовой, съ 25 рис., 250 стр.; въ красивой папкѣ, ц. 1 р.

*Царь степей. Путешествіе и приключеніе среди индѣйскаго племени. Соч. Л. Біара. съ 33 рис. художн. Ликсъ, въ папкѣ, 221 стр., ц. 1 руб.

Морскія приключенія. Крушеніе и гибель судовъ.—Нападеніе пиратовъ, битва съ ними, торговля черными невольниками,—смѣняются разсказами о подвигахъ судовыхъ командъ, вѣрныхъ своему долгу. Книга прочтется съ большимъ интересомъ. Соч. Чистяковой. Съ множествомъ рисунковъ; въ красивой папкѣ.

Приключеніе мартышки, воробья да мышки. Юмористическіе разсказы соч. Буденъ. Перев. Л. Черскаго. Съ 80 рисунками; въ папкѣ, ц. 50 к.

Чтеніе—лучшее ученіе. Сборникъ разсказовъ, составленный по Американскимъ и Англійскимъ дѣтскимъ писателямъ Е. М. Чистяковой-Вэръ, съ 80 рис., 279 стр.; въ папкѣ, ц. 1. 35 к.

*Кавказскія сказки. Преданія и легенды, Л. Черскаго, съ рис. художн. Михайлова Спб.; въ папкѣ, ц. 60 к.

*Русскіе историческіе разсказы для дѣтей. Л. Шелгуновой, съ 26 рисунками художника Неслера; 2-ое изд., въ папкѣ, ц. 60 к.

*Царство сказокъ. Карменъ Сильва (Елизаветы, Румынской королевы). Переводъ С. Майковой, 2-е изд. 311 стр съ рис.; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Сказки Уйда. Перев. съ англ. съ рис.; въ папкѣ, 2-ое изд., ц. 1 р.

Польскія сказки. Съ рисунками художника Штейна. 312 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

*Лазутчикъ и «На возвышенности Карро». 2 разсказа Фр. Гофманъ. 2-ое изд. съ картинами; въ папкѣ, 264 стр., ц. 1 р.

*Опасности дикихъ странъ. Жизнь и необыкновенныя приключенія среди американскихъ лѣсовъ. Соч. Фр. Гофманъ, перев. подъ редакціей Н. Познякова, съ рис. худож. Штейна. 2 изд., въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

*Избранныя сказки Андерсена. Перев. М. А. Лялиной. 2-ое дополненное иллюстр. изд., 272 стр., съ 50 рис.; въ папкѣ, ц. 1 р.

Избранныя сказки Андерсена 2-ой томъ. Перев. А. Н. Нещловой, съ 90 рис. 272 стр. въ папкѣ, ц. 1 р.

*Для ума и сердца Разсказы для дѣтей средняго возраста А. Н. Нещловой. Съ 60 рисун. 263 стр., въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

Ц 72/73 гг.

*Маленькіе школьники пяти частей свѣта. Парижанинъ.—Американецъ.—Китаецъ.—Эскимосъ.—Африканецъ.—Австралiецъ. Соч. Эли Бертэ, переводъ А Нефловой, съ 75 рис.; 237 стр., въ папкѣ; ц. 1 р.

Почитай—мы послушаемъ. Разсказы для дѣтей младшаго возраста. Соч. Гордѣевой-Щербинской, съ предисловіемъ И. Тургенева. Спб. 264 стр. съ 30-ю рис. художн. Зубрилова и друг.; въ папкѣ. ц. 1 р.

Катя. Повѣсть. Соч. Гордѣевой-Щербинской, съ 16-тью рисунками худож. И. Зубрилова и др. съ предисловіемъ И. Тургенева 231 страницъ; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Жизнь и удивительныя приключенія Робинзона Крузе, описанныя имъ самимъ. Соч. Даніэля Дэфо. Полный переводъ В. Владимірова съ 200 рис. художн. Гранвиля, 400 стр., ц. 1 р.; въ папкѣ ц. 1 р. 20 к.

Юнга на кораблѣ Корсара. Соч. П. Маэль, перев. Михайловой, съ рис. франц. художника Париса и др., 262 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Святочные разсказы. Чарльза Дикенса. Полный переводъ съ англійск. Г. Резенера, 4 изд. 55 рис. 453 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.

*Избранныя русскія сказки. Сост. по Аѳанасьеву и др., 5 изд. Съ 78 рис. и заставк. художн. Р. Штейна. 320 стр., ц. 1 р. 50 к.

Кладъ Историческая повѣсть времень завоеванія Іоанномъ III Великаго Новгорода. Соч. К. Теплова, съ рис.; въ папкѣ, ц. 60 к.

Маленькіе путешественники. Приключеніе трехъ дѣтей въ Алжирѣ. Повѣсть Ад. Баденя, съ 40 рис. франц. художн. Беннета; въ папкѣ, ц. 60 к.

Дѣтскій мірокъ. Разсказы Софьи Макаровой, съ рисунками. ц. 60 к.

Маленькій горбунъ. Соч. Графини Сегюръ-Растопчиной. Съ 100 рис. франц. художн. *Эм. Баяра*. Пер. Е. Чистяковой-Вэръ Спб. Въ крас. папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

Три сестры Повѣсть для молодыхъ дѣвицъ. Соч. Мансеръ, перев. съ англійскаго Львовой, съ рис. Маргенсона, въ папкѣ, ц. 1 р.

Шалуны. 20 разсказовъ о проказахъ гимназитовъ шалуновъ Н. Ратомскаго, съ 25 рисун. художн. Захарова; въ папкѣ, ц. 50 к.

Зимнія и лѣтнія дѣтскія забавы. Сборникъ для младшаго возраста съ 131 рис. Соч. Е. Чистяковой-Вэръ, въ папкѣ ц. 1 р.

*Донъ Кихотъ Ламанчскій. Изданіе подъ редакціей М. Б. Чистякова. 4-е изданіе, съ 100 рис., 320 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Дневникъ школьника. Эдм. Д'Амичисъ, переводъ и предисловіе В. Крестовскаго, 5-е изд., 262 стр., съ рис.; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

Сказки, преданія и легенды всѣхъ странъ и народовъ Владимировой-Европеусъ. 2-е изд., съ 50 рис., 320 стр., въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.

Сто сказокъ разныхъ странъ и народовъ. Сборникъ составленъ А. Н. Нефловой. Большой томъ, 461 стр. Съ 165 рис. въ папкѣ, ц. 2 р.

*Избранныя сказки и разсказы. Соч. А. Додэ. Переводъ А. Н. Нефловой. Съ 35 рисунк. художн. Баяра и Мари; въ папкѣ, 252 стр., ц. 1 р.

Школьницы. Соч. Л. Мидъ, перев. съ англійскаго Чистяковой, съ рисунками, въ папкѣ, ц. 1 р.

17.36.10.74

Книжная
197